

БОБРА ХАТКА
Как Веприк сын
Тетери Маманю
спасал

Ярослав Беляков

0+

Хатка Бобра Как Веприк, сын Тетери, маманю спасал

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68012054
SelfPub; 2022*

Аннотация

Познавательная сказка для умных детей и глупых взрослых: дохристианская Русь 10-го века – охотники, бортники, славянские боги, Владимир Святославич, Змей Горыныч, греки, пчелы, дикие быки.

Содержание

Глава 1. Лешаки и другие жители	5
Глава 2. Приготовления к празднику урожая	15
Глава 3. Беда на празднике	19
Глава 4. Надо идти к князю	36
Глава 5. Чужое богатство	42
Глава 6. Осенняя дорога в Киев	54
Глава 7. Обещание воеводы	61
Глава 8. Великий князь сердится на Тетерю	65
Глава 9. Дорога домой без батяни	78
Глава 10. Волк	87
Глава 11. Грек Фукидид в Березовке	93
Глава 12. Как подманить змея Горыныча	97
Глава 13. Песня о милых подругах	102
Глава 14. Явление змея в день зимнего солнцеворота	109
Глава 15. Веприк собирается в дорогу	125
Глава 16. По лесам с дикими быками	132
Глава 17. Чудесная гостья	143
Глава 18. Ушибевна	155
Глава 19. Торговый грек Креонт	162
Глава 20. Советы мудрых греков	168
Глава 21. Чудо Велеса	176
Глава 22. Пора в дорогу	187

Глава 23. На верблюдах через степи	194
Глава 24. Чудо Перуна	199
Глава 25. В гостях у кочевников	207
Глава 26. Зеленая Таврика	210
Глава 27. Морской город Сурож	219
Глава 28. Свой корабль	226
Глава 29. Чудо Стрибога	235
Глава 30. Шторм на Черном море	241
Глава 31. Диковинки теплых морей	246
Глава 32. Русалки	250
Глава 33. В гостях у морского царя	257
Глава 34. На африканском берегу	265
Глава 35. Пленники	277
Глава 36. Сахара	285
Глава 37. Черные пески	293
Глава 38. Чудо Дажьбога	301
Глава 39. В гости к змею	311
Глава 40. Ладушкино чудо	316
Глава 41. Конец змеиного плена	327
Глава 42. По домам!	332
Глава 43. Домой верхом на змее	336
Глава 44. Свободу Тетере!	341
Глава 45. Большая радость на проводах зимы	348
Глава 46. Последнее слово богов	354

Хатка Бобра

Как Веприк, сын

Тетери, маманю спасал

Глава 1. Лешаки и другие жители

На том самом месте, где ты сейчас сидишь с книжкой, стоял когда-то густой лес без конца и без края. Много в нем было всякого зверья, какого сейчас уже на свете не водится. В стороне от дороги лесные разбойники кричали петухом, чтобы путники думали, что там жилье и спешили прямо к ним в руки.

А если не было здесь леса, значит, была степь больше, чем море. Ходили по степи дикие быки – туры, – каждый высотой со слона. Три недели можно было идти и так и не встретить человека, разве только увидеть дым от палаток кочевников, которые никогда не селятся на одном месте, а поживут, погрузят палатки на тележки и покатят дальше.

А не степь и не лес, тогда стоял тут терем деревянный. Над входом была вырезана голова петуха, чтобы не влезли злые духи, под крышей и над окнами красовались деревянные солнышки, берегшие дом и его обитателей от голода, бед и болезней.

Было это тысячу лет назад, когда жив был богатырь Илья Муромец. И все другие богатыри совершали тогда свои подвиги и сходились на пир и отдых за столом у великого князя Владимира Красно Солнышко. Что теперь написано в книжках, тогда было правдой. Больше всего боялся народ набегов степных кочевников, которые, грабили города, жгли дома и уносились обратно в степи. Страшнее кочевников был только Змей Горыныч, воровавший из деревень красных[1] девиц.

Во всяком деле надо было просить помощи у разных богов, которых скрывалось в природе великое множество. Хорошее было время.

—

[1] В древности слово "красный" означало не только цвет, но еще значило "красивый, прекрасный"

—

Люди тогда сами придумывали детям имена. Если хотели, чтобы мальчик стал сильным, называли его Медведем или Вепрем (диким кабаном). Если желали девочке легкого, веселого нрава называли Веселой или Смеяной. Могли назвать Всеведом – чтобы умным рос и много знал. Чтобы получил славу большую, овладел ею – называли Владиславом. Если малыш не спит, верещит и хнычет – будет Верещагой или Звонилом. Если просыпается раньше всех – Будила. Если третьим родился – Третьяк. А если малютка балуется слишком много, то могли и Безобразом назвать. Бы-

ли и такие имена: Курнос, Копыто, Ухват, Лягушка, Кляча, Невежа, Злобыня, Недомысл.

Имя у Веприка было хорошее: большое и сильное, – но сам он пока на вепря, дикого кабана, не очень был похож: тоненький, светловолосый – весь в мамку, а не в силача-отца.

Веприк сидел на медвежьей шкуре, грелся на позднем осеннем солнышке и глядел на батыню, который кривлялся перед детьми, рычал, раскачивался: изображал, как убивал медведя. Медведь этот, огромный, черный, был баловень: полгода безобразничал вокруг деревни: драл у людей коз и пугал коров. Пришли люди к веприкову батыне: что ж ты, Тетеря, сидишь, как неродной, зловредный зверь твою деревню разоряет, давай собирать охоту.

Есть в деревне и другие охотники, конечно, но против веприкова батяки они, как те козы против того медведя. У Тетери и отец был охотником, и дедушка, а прадед тот вообще в лесу жил в земляночке. И весь их род, говорят, из леса пошел. Такое раньше случалось: рассердились лешие на одного из своих и наказали его, выгнали к людям. Или заметил молодой лешак красну девицу и увязался за ней в деревню. Вот и зовут теперь всю Тетерину родню Лешаками. У Лешаков ребята все даже говорить поздно начинают, а пять лет только рычат по-звериному да чирикают, как птицы.

А про Тетерю люди говорят, что в лес он идет, белок не бьет: рыси ему белок сами приносят, оказывают уважение. Сколько хочешь несут – и белок, и зайцев, и соболей, и фа-

занов. И на рысей он капканов не ставит: кабаны за него рысей добывают и на санки Тетерины складывают. И на кабанов ямы с кольями не роет: медведи ему кабанов ловят. Правда или нет, а без полных санок веприков батька никогда домой не возвращается. С ним, если кто поссорится, начинает его дразнить: Тетеря, да ведь ты колдун, вредный человек, колдуешь ведь, скажи по совести... А как что случится, так разговор сразу другой: чего сидишь, как неродной, вставай Тетеря, спасай деревню...

Тетерев на медведя пошел, но больше с собой никого не взял. Велел не мешать. Взял острую рогатину, ночью ушел, рано утром вернулся с добычей. Ничего удивительного.

Дед его и без рогатины обходился. Как увидит мохнатого, давай с ним обниматься, пока не раздавит.

Батяня все показывал, как он к баловню за деревьями подбирался, а тот мордой водил, не мог никак понять, что за беду ветер носит. Веприк язык прикусил, чтобы не смеяться: большой уже, девятый год, сам охотник. Зато сестренка Дуняшка хохотала вовсю, хотя и не понимала ничего. Смешной татка. И ребята другие смеялись, и все соседи.

Веприк перевел взгляд с батяни-скомороха на холмы за деревней: высокий, повыше и тот, на котором лес. С другой стороны от деревни тоже был лес, но неинтересный: березовый, светлый, только девкам ягоды собирать. А дальний лес – вон он, на пригорке, как на гусях нарисованный: летом – зеленый, осенью – пестрый, зимой – белый с черным, весной

– прозрачный, красноватый, с зелеными елками. Туда только за настоящей добычей и ходить.

Батянька его в лесу многому уже научил. Хорошего охотника сразу, как родился, учить надо, чтобы хороший был. Человеку в самом начале много дается: ум у него человеческий, нюх – как у щенка, слух – как у лисенка, шкура, как у медвежонка, а сердце – как у вепря, отважное. А пока вырастет – все растеряет, хорошо, если ума чуть-чуть останется. Тетеря сына все в лесу нюхать и слушать заставлял, чтобы не слабели умения. В любое время мальчишку в одной рубашечке с собой водил. Шутят в деревне, что колдун Тетеря, так они не видели еще, как он, встав на четвереньки, след звериный нюхает. И Веприк, волчонок, с ним на пару.

Батяня старался-старался, да и перестарался: громко зарычал по-медвежьи и напугал Дуняшку. Она перестала смеяться и заревела. Батяня подхватил ее на руки, а Дунька из вредности заревела еще громче. На детский плач из избы выбежала маманя и только собралась заругаться на Тетерю, как он и ее сгреб, сунул обеих под мышки и раскрутил. Смеяна захохотала и Дуняшка вслед за ней. И соседи, бездельники, рады представлению. "Хуже маленького," – хмурясь, подумал Веприк про батяню и тут Тетеря двинулся прямо на него. Веприк попятился и повернулся, чтобы удрать, но крепкие отцовские зубы уже защелкнулись сзади на ворота веприковой рубашки.

"Тетеря, порвешь," – сердито крикнула Смеяна (заши-

вать-то ей), но тут представила, как висит у мужа под мышкой, а сама командует, и снова засмеялась.

"Татка, отстань! Хуже маленького!" – завопил Веприк, а зрители чуть не попадали от хохота. "Это все из-за мамки, – печально думал Веприк, вздернутый за шкуру в воздух, как котенок. – Ругает нас мало. Батя озорник и я таким же вырасту. Эх!"

Перед глазами мелькнул расписной лес на пригорке и тут Веприк заметил четверку темных лохматых страшилищ, выскочивших из лесу и припустивших в сторону деревни. Страшилища унеслись в овраг и быстро выскочили уже на новом холме, ближе к домам. Шерсть на них топорщилась, толстые руки махали по сторонам, а за спинами вилось какое-то темное облако, словно гости горели без огня. "Ведь это лешие! – понял Веприк. – Лес горит, лешие разбегаются. К нам бегут, злая сила!"

– Лешаки бегут! – заорал он, что было сил. Все вокруг разом притихли, а Тетеря от неожиданности уронил жену изпод мышки.

Косматая четверка резво проскочила через бугор, снова скрылась в овраге и явилась на ближнем холме, как на скатерти, на всеобщее обозрение.

– Бортники это, – смущенно сказал Веприк. – Медоходы.

Все снова начали смеяться и Веприк вместе с остальными. У него как камень с души упал: перепугался он не на шутку, когда леших увидел.

Компания бортников была самой шумной в деревне: два брата: Бобр да Бобрец, отец их и еще дедушка. Бортники ходили в лес за медом, искали дупла диких пчел. Для защиты они обматывали тело и голову старым тряпьем, корой и соломой. Помогало плохо, пчела себе всегда дырочку найдет. Зато можно понадеяться, что при виде такого чучела она умрет со страху. Или со смеху.

Медоходы уже подбегали к деревне. Впереди всех неся дедушка Пятак Любимыч, самый опытный медовик.

– Держите их, мужики! Держите их, бабы! – завопила вдруг соседка Матрена. – Опять пчел в деревню ведут, кусают деток!

Она кинулась навстречу страшилищам, а деревенский люд поспешил за ней – поглядеть, как Матрена одна оборонит деревню от четверых стремительных бортников.

Дедушка ловко юркнул у Матрены между рук и убежал к общественному пруду, зато сын его Добрило врезался в защитницу и упал в обнимку с ней на траву. На голове его красовался соломенный колпак до подбородка, вот Добрило и неся, не разбирая дороги. Его сыновья, не задерживаясь, перескочили через них и убежали за дедушкой Пятаком Любимычем. Пчелы растерялись: некоторые полетели к пруду за дедушкой, некоторые закружились над толпой.

– Пусти, Матрена! – кричал Добрило, вырываясь. – Злая баба!

– Ступай назад в лес! – пыхтела Матрена. – Житья от вас

нету... А ты куда смотришь?! – закричала она на мужа своего Чудорода, неосторожно попавшего в первые ряды зрителей.

– На тебя смотрю, Матрешенька, – подхалимски отвечал Чудя, не трогаясь с места. – Красавица ты у меня, лебедушка! На руки твои ловкие, ноженьки быстрые...

– Ты на Добрю гляди, а не на меня! – велела Матрена. – Как он жену твою убивает.

И она ловко стукнула Добрилу по лбу.

– А на него, безобразника мне и смотреть неохота, – объявил Чудя, которому совсем не хотелось вступать в бой с противником в два раза тяжелее и шире себя. По размерам Добриле как раз подходила Матрена. – Даже и рядом стоять противно! Одна беда от него, пчел в деревню водит... Матрешеньку мою уронил... так его, мни его, супостата, за волосы хватай!

– Ну, погоди у меня, – проворчала Матрена, поймав за ногу, не успевшего уползти Добрилу.

– Ну, погоди, Добрило! – подхватил Чудя. – Мы вот тебя!..

– Это она тебе, а не мне сказала, – сообщил бортник, оказавшись неизвестно каким образом сверху соперницы. Задавленная Матрена под ним возилась и сердито жужжала, как чудо-пчела.

– Матренушка! Березонька белая! Ты кому погодить велела? – сладким голосом любопытствовал Чудород, заглядывая под Добрилу и тут же пугливо отступая.

– Ой! – крикнул вдруг кто-то в толпе, укушенный пчелой.

– Ох! – взвизгнул Добрило, схватившись за щеку.

– Ай! – заплакала тонким голосочком девчонка.

Добрило вскочил с Матрены и унесся за товарищами к пруду.

– Ой! Ай! – передразнила Матрена, вставая на ноги и с недружелюбием глядя на односельчан. – Будет вам сейчас и "ой" и "ай", растяпам. Напустили поганцев в деревню!.. Ох! – воскликнула она и затрясла ужаленной рукой.

– По домам, ребята! Прячемся! – загалдели односельчане.

Улица быстро опустела.

– А куда ж все подевались? – спросил Добрило, окунувшись в пруд.

Все четверо медоходов стояли мокрые по пояс в воде и стучали от холода зубами.

– Домой побежали от пчел прятаться, – ответил Бобрец.

– А мы-то? Чего ж мы в воду полезли? – спросил второй брат.

– По привычке, – с гордостью объяснил дедушка. – Мы-то бортники! Бортник всегда знает, где от пчелы лучше прятаться... ну, вылезает, что ли?

– Вы идите, а я еще постою немножко, – решил Добрило. – Запарился что-то.

Он громко стукнул зубами от холода и насупился.

– Ой, как батя Матрены-то боится! – обрадовался Бобр. – Чудиной-то березоньки!

– Вылезай, не бойся, мы тебя обороним, – сказал Бобрец.

– Оборонили уже, – проворчал Добрило, понутив широкие плечи, с которых ручьями стекала вода. – Пролетели мимо, как гуси-лебеди, бросили отца родного, старенького, на съеденье змее ядовитой, трехголовой.

– Ага. Семиголовой, – уточнил Бобр.

– И семиногой, – хихикнув, подсказал Бобрец.

– Матрена идет! – крикнул дедушка.

Троих бортников словно ветер сдул назад в воду, а дед принялся хохотать и дразнить их с берега. Радовался он недолго, мокрые сердитые родственники погнали его по улице домой и селение ненадолго затихло, готовя себя к большому празднику и угощению после сбора урожая.

Глава 2. Приготовления к празднику урожая

Смеяна лебедушкой проплыла перед Тетерей: хвалилась новой рубахой. Рубашка – длинная, до пят, на рукавах, горле и от низа до колен украшенная хитрой вышивкой с квадратами, обозначающими богатые поля, засеянные пшеницей. Поверху Смеяна наденет красную юбку, чуть покороче рубашки, чтобы узоры на подоле видны были, покроет голову и плечи алым платком и пойдет на праздник: мать-сыру землю благодарить, богам подарки дарить.

Смеяна повела станом и из-за нее выплыла еще уточка: Дунька, тоже в новой нарядной рубашонке и даже в настоящей юбочке. Маманька-мастерица, как задумает обновку, ни спать ни есть не будет, пока не сошьет. Муж у нее даже в лес весь в узорах ходит: круги, крестики да ромбы – чтобы солнце всем светило и урожай поспевал, уточки – чтобы реки не мелели, звери – чтобы ловились хорошо и берегли ее Тетереньку от беды, женские фигурки – чтоб ребятки рождались и росли здоровыми. А уж Дунька всегда такая нарядная! Женихи уже приходили. Богатыри. Один долго упрашивал, чтобы Дунечку жить к ним отпустили, обещал не бить, не ругать, кормить Дунечку блинами – пока мать его не нашла и домой не унесла.

– Куда ж ты девчонку с собой тащишь? – удивился Тетеря.

– Или мы зря наряжались? – строго спросила Смеяна, а Дунька нахмурил на отца белесые тонкие бровки и запихала подол юбочки в рот, сколько вместилось. – Пускай отнесет пирожок Ладушке.

Лада для Смеяны среди богов и богинь – самая любимая: она приносит любовь, красоту, счастье, помогает женщинам рожать, растит зерно на полях и овощи в огородах. Есть у Смеяны для Лады еще работа – за детьми следить: раз уж помогает им на свет появиться, так уж не велика беда по-охранять их немножко, пока не вырастут, чтобы не болели, с деревьев не падали, в лесу не терялись, в речке не тонули.

Тетеря залюбовался красавицей, поднял доченьку на руки. Она оставила в покое юбочку и принялась пробовать на зубок веревочку на таткиной рубахе: не вкуснее ли?

У двери стукнули и в избушку вошел староста Пелгусий. Дуняшка оживилась, закричала, наморщила личико и ско-собочила рот, изображая Пелгусия, чтобы порадовать гостя. Личико у нее получается очень похожее, но довольно про-тивное, так что староста совсем не обрадовался.

– Чего сидишь, Тетеря? – сердито спросил он. – Ребята уже костры разложили.

По русскому обычаю, если Тетеря добыл медведя, значит сыта будет вся деревня – даже если бы не настал конец сбора урожая, который всегда отмечался великим пиром.

Тетеря вынес старосте глубокую миску с медвежьей кро-

вью – для подношения богам.

– Миска-то деревянная, – закапризничал старик. – Да вон – с трещинкой. Хорошее подношение: на тебе, боже, что нам негоже... Я у вас глиняную мисочку видел с ободочком, но-вую... Вредный ты человек, Тетерев, богов наших не уважа-ешь. Никого не слушаешь, живешь отдельно, в лес ходишь, чего там делаешь – никто не знает...

– Не, никто не знает! – не выдержал Тетеря, пытавшийся до этого молча всунуть старосте треснутую миску. – Не охотиться же я туда хожу.

– Все равно ведь миску-то разобьешь, – сказала старосте Смеяна, которая, хотя и чтит богов, а тоже пожалела хоро-шую посуду.

– Разобью, не разобью, а вам откуда знать? Может, и не разобью! – не сдавался Пелгусий. – А ты Тетеря не боишься никого. Перуна ты не боишься и молний его и грома небес-ного, Дажьбога ты не боишься...

– Чего мне Перуна бояться, – с досадой сказал Тетеря, вы-таскивая миску с ободочком. – У меня Пелгусий есть, старо-ста наш. Страшнее никого не бывает.

Переведя дух после обвинительной речи, Тетеря взял сы-на и пошел на улицу за санками: везти сырую медвежью тушу в березовый лес, где обычно устраивали деревенские празд-ники и где в священном круге приносились жертвы, то есть подношения богам.

У домика на шестах была растянута шкура.

– Прости, хозяин, – проговорил Тетеря, трогая безжизненную лапу. – Спасибо за мясо, за сало, за шкуру.

Глава 3. Беда на празднике

Деревня Березовка вырастает одним концом в светлую березовую рощу. Здесь и праздновали сельчане все свои веселые дни. Здесь же было и священное место: старый дуб посреди пустой полянки. Возле дуба стояли в кругу деревянные столбы с вырезанными на них лицами главных русских богов: Дажьбог (солнце), Перун, повелевающий громом и молнией и помогающий воинам в битве, Лада, богиня плодородия и любви, мохнатый Велес, бог домашнего скота и лесного зверья и Стрибог, хозяин ветров.

Лица резал Чудя, поэтому все боги получились немножко похожими на Матрену.

День уже закачивался, огненный щит Дажьбога начал темнеть и опускаться все ниже. Возле идолов, деревянных богов, возился Пелгусий. В небольшом отдалении уже зажглись два больших костра и народ с удовольствием окружил их, спасаясь от прохлады осеннего сырого воздуха.

– Хозяин мохнатый, ведмедь-то, попался в капкан, да перегрыз себе лапу и ушел на трех ногах, – слышался голос. – Ну, мужик думает, хоть лапу съедим. Сварили они лапу. А ночью слышит мужик: как будто ходит кто-то у дома. И как будто деревяшка стучит. Ну, он и вышел во двор, а тут медведь этот, а вместо одной ноги у него деревяшка. "Отдавай, говорит, мужик, мою ногу..."

Тут раздался тихий бабий писк: рассказчик для страха ущипнул кого-то из соседок за ногу. Вслед за этим пискнул и рассказчик: слушательница, видимо, оказалась не из робких и тоже его ущипнула. Люди вокруг костра засмеялись, но в кустах на опушке неожиданно что-то завозилось, послышался треск и тяжелые шаги. "Ой, батюшки! Чур меня! Медведь! Медведь!" – заволновались у костра. Из зарослей вышел улыбающийся Тетеря, за которым на связках веток ехала разрубленная на большие куски медвежья туша. На туше ехал Веприк, хотя и должен был толкать санки: ничего баяня целого медведя аж из лесу притащил, небось, не упадет.

– Ах ты, разбойник, напугал как! – закричали на Тетерю. – Лесовик здоровый, кустами трещит, как топтыга ломится! Поглядите на него, ребята, улыбается, разбойник! Он ведь нарочно нас пугал!

– Нарочно! Нарочно, Тетерька пугаешь!

– Ты бы хоть назвался, молчун! Чего молча идешь?

– Да! Ты, как вечером ходишь, так не молчи! Ходи и говори: я – Тетеря, я – Тетеря, я – Тетеря!

Смеяна, высокая, нарядная, подходила к поляне вместе с подругами. Она и Дуняшку несла. Женщины смеялись и хвалили дуняшкину юбочку. Девочка видела, что ею любят и ехала очень довольная.

Конец сбора урожая – не то что таинственные ночные весенние праздники. Отмечают его при светлом солнышке, чтобы оно видело, как народ весел и благодарен, хотя и заси-

живаются часто далеко за полночь. Окончание работы в поле празднуют все вместе, и взрослые и дети, пируют несколько дней, украшаются венками из колосьев, пляшут на полях, благодарят богов, приносят им хлеб, молоко, мед – все то, что с их помощью собрали и запасли на зиму.

Завидев мужа, Смеяна опустила дочку на землю. Дунька заулыбалась тяте, но глянула в сторону и обо всем забыла от восхищения: неподалеку сидел Добрило, красуясь тремя распухшими пчелиными укусами под левым глазом, а под правым – синяком. Добрило по дунькиному мнению был на деревне самым вкусным мужиком. Он достал из тряпочки кусочек пчелиных медовых сот и Дунька, забыв про татку поспешила к бортнику, для скорости встав на четвереньки.

От костров уже слышался запах готового мяса, но прежде, чем начать есть, необходимо было угостить богов.

Девушки надели на деревянных богов венки из хлебных колосьев и Пелгусий при общем внимании начал бросать в костер и раскладывать перед идолами их долю в общем пире. Перуну он помазал губы медвежьей кровью, потом так же "покормил" звериного бога Велеса, оставшуюся кровь вылил в землю, а глиняную миску с синим ободочком тут же расколотил у подножья идола со словами "Вот как пусть наши горе да беда разбиваются, подальше разлетаются!". Тетеря переглянулся с женой, сморщил лицо и скособочил рот. Чтобы остальные боги не обиделись, им намазали рты медом. Люди завели праздничную песню и принялись подбрасывать

в костер съестные подношения, выкрикивая разнообразные просьбы к богам. Главным образом просили здоровья и помощи в делах на ближайшее время: хорошо продать горшки, выдать замуж дочку, поскорее вылечить больную ногу, чтобы корова родила телочку... Смеяна крикнула "Хочу, чтобы меня муж любил!" и засмеялась. Тетеря сказал "Хочу, чтобы меня жена любила."

"Как на острове Буяне стоят столы дубовые,
Стол дубовый, скатертью покрытый,
Как на тех столах на той скатерти,
Лежат подарки богатые,
Как за теми столами, за дубовыми,
Сидят гости дорогие, ненаглядные..." – тянули хором березовцы.

Смеяна дала Дуне пирожок с печенкой и подтолкнула ее к священному кругу.

– Иди, отдай дедушке.

Дуняшка потопала к Пелгусию, спрятала за спину обсо-
санный кусок пчелиных сот, чтоб не отнял, и нехотя протя-
нула пирожок. Старик погладил девочку по головке, забрал
подарок и... тут он завопил так громко и жалобно, словно
пирожок за палец его укусил.

– Пирожок откусанный! – кричал Пелгусий. – Ах, озор-
ница! Обжорка! Вот Перун тебя синей молнией! Вот Дажь-
бог тебя копьём огненным да и щитом сверху! Вот я тебя
крапивой!

Пелгусий проворно нагнулся, ойкнул, схватился за поясницу, оторвал плеть крапивы, росшей в изобилии по краям священного круга, а Дунька, видя такое дело, ухватила за ботву репку, лежавшую возле деревянного Дажьбога, и погрозила ему старосте. Без слов ясно было, чего бы она пожелала от богов, будь она постарше и умей говорить: чтобы у противного дедки живот заболел. И пирожок чтобы назад вернули, зря отдала. Дуняшка размахнулась и в следующую секунду репка с хрустом врезалась Пелгусию в ногу пониже колена. В то же самое время Дунька получила от деда крапивой по заднему месту и поляна огласилась дружным воем обоих поединщиков.

– Уа! Гы-ы-ы-ы! – ревела Дунька, раздувая толстые щеки.

– Убили! – орал Пелгусий. – Прощайте, люди хорошие! Не глядят мои глазоньки, не держат меня ноженьки резвые!

Попрощавшись с народом, староста перехватил крапиву крепче и двинулся на противницу. Дунька кинула репку и с ревом побежала к матери. Хохот на поляне стоял такой, что не слышно было, какие слова кричал ей вслед Пелгусий. Напоследок он погрозил крапивой еще Тетере, потом выкинул крапиву и показал кулак.

– Дождешься ты! – пообещал староста. – Людей веселишь, а богов сердишь!

Тетеря, как всегда, молчал, только посмеивался.

– Вот, я знаю, случай был в одной деревне, – начал староста, подсаживаясь к огню. – Мужик один Перуна рассердил:

сказал мол на что мне его просить, раз я сам сею да сам хлеб убираю. Рассердился Перун и сделал так, что на половине поля всегда дождь шел, а на другой половине – солнце жарило. Как черта по земле: тут сухо, там мокро. Так и потрескалась, и разохлась матушка-земля с одной стороны поля, а с другой сделалось болото и пролились на землю вместе с дождем всякие скользкие гады: змеи, мокрицы, жабы, пиявицы,...

– Лягушки, – подсказали слушатели.

– Лягушки, – согласился Пелгусий. – И ужи мерзкие. И бегемоты, – добавил он.

Никто из березовцев, включая и самого Пелгусия, конечно, никогда не видел живого бегемота и не знал, что это за зверь. В сказках бегемот представлялся лысым прожорливым чудищем, вылезавшим из воды, вроде кикиморы, так что никто не удивился, что Перун в числе прочего сбросил на провинившееся поле несколько бегемотов, раз у него в запасе были самые противные и скользкие гады.

– А вот была еще одна девочка, богов не уважала, – сказал Пелгусий, строго глянув на Дуняшку, которая мусолила свои сладкие соты на коленях у матери. – Пошла она как-то раз в то место, где стояли у них боги-то деревянные, идолы. И показала она одному богу шиш. Сложила кукиш и показала, – Пелгусий тоже старательно изобразил из пальцев кукиш, чтобы всем было ясно, о чем он говорит. – Девочка-то была глупая. Но на проказы способная. И глядит эта девочка

и видит чудо дивное: а идол-то деревянный стоит и ей язык в ответ показывает! С тех пор стала она зайкой от испуга.

– А идол-то язык в рот обратно убрал или так и стоит с языком наружу? – полюбопытствовал кто-то из мужчин.

Наставало самое интересное время: сумерки сгущались, в воздухе чувствовались вкусные запахи мяса, свежего хлеба и меда, люди садились поближе к костру и заводили необыкновенные рассказы про Перуна с синими молниями, смертоносными – для наказания и избиения, и золотыми – наоборот, несущими здоровье и подарки; про мужика, который пожалел зерна для Дажьбога и теперь свой урожай не косит, а копает, потому что у него весь хлеб растет корнями вверх, а зернами в землю; про киевских деревянных идолов, которые, люди сказывали, в праздники ходят по городу и говорят с народом человеческими голосами; про Златую Бабу, сделанную в Киеве из чистого золота в два роста взрослого человека; про медведя с деревянной ногой; про поганого Змея Горыныча, что летает к кострам по праздникам и крадет самых красивых женщин и девушек, а у самого в глазу камень Маргарит – куда ни глянет, все огнем горит...

– У нас Тетеря за урожай не боится, – сказал Млад, чудородов брат, много промышлявший охотой. – Тетеря клад найдет, богатство спрятанное, и будет жить припеваючи... Есть, небось, в лесу клады, а, Тетерев Людмилыч?

– Небось, жили и тут люди, – нехотя ответил Тетеря.

– Так поделись, Тетеря, – стали дразнить его соседи у ко-

стра. – Хоть один клад отдай. Куда все тебе одному?

– Не к добру это, – ответил он.

– Чтобы богатство – да и не к добру? – не поверил Чудя.

– А ведь верно, – сказал Пелгусий, – клады-то заговаривают. Вот положат на клад заговор, кто его не знает, тому клад в руки не дается. Или клад-то возьмет, да и сам не рад будет: заболеет или вообще умрет... Отец мой как-то в лесу на место набрел, ему один знакомый рассказал про знак на том месте: лошадка в камень вправленная. Он и видит: стоит белый камень, а внутри у него капелька золотая, как будто лошадка. Как увидел – в глазах словно потемнело. Проморгался – не то место: ни камня, ничего нету. Искал он искал камень, ничего не нашел, заблудился только...

– У нас в деревне было, где тятка мой, – начала рассказывать одна из женщин. – Ходила баба в поле работать, а девочку свою с собой брала. Она ее оставляла играть у леса. И девочка все говорила, как ей весело с собачкой игралось. Мать сначала не верила – что за собачка? Потом рассказала одной бабушке, а та про такие вещи все знала. Вот бабушка ей и говорит: вы повяжите собачке этой ленточку на шею и увидите, что будет. Вот мать и дает дочери ленточку красненькую и говорит: как станет с тобой эта собачка опять играть, ты ей на шею повяжи. Ну та и сделала. И ничего. Мать приходит: прибежала собачка? Прибежала. Ленточку завязала ей? Завязала. И где она? В лес убежала. Пошли к лесу, а ленточка-то висит на кустике завязанная. Вот тебе и собачка. Стали там

копать, горшок золотых колец вынули. А домой принесли, смотрят – там одни листики березовые в горшке... Все потому что без слова нужного вынимали. Слово надо было знать.

– А собачка-то что же не сказала?

– Так собачка-то гавкает, слова сказать не может.

– Я тоже слышал, старый клад человека манит: огнем над землей горит или даже собачкой или человеком вокруг ходит. Надо по нему бить наотмашь и сказать "Аминь, аминь, рассыпья!"

– Иду я как-то по лесу – вдруг навстречу парень, – вступил Бобрец. – Парень как парень. Подходит, значит, близко ко мне,.. – слушатели затаили дыхание. – ... говорит "аминь, рассыпья!", и как врежет мне по уху. Потом чего-то испугался – и бежать. Я все думал, чего это он, а оказывается вон что...

– В старые времена, рассказывали, был вот еще какой случай, – начал дедушка Любимыч, пихнув закашлявшегося от смеха внука. – Был один мужик, медоход. Молодой еще, неженатый. Парень красивый, ласковый... как все мы, медоходы, – старик нахально подмигнул сидевшей напротив девушке. – Вот пошел он в лес. Идет ему навстречу девица: рубашка белая, сама бледненькая, коса русая до пят. Удивился он. "Откуда ты," – говорит, – "взялась здесь, красавица? Живешь что ли неподалеку?" – "Да," – говорит, – "живу неподалеку." – "А как тебя зовут?" – "Злата," – отвечает.

Случилось ему в другой раз быть на том же самом месте и

опять он эту девушку встретил. Потом уже нарочно приходится начал, понравилась она ему: такая вся светленькая, тихая. Иногда только странное говорила в разговоре, стукнуть ее просила. Он сначала внимания не обращал, а потом замечать начал. А это она просила, потому что кладу раскрываться время вышло. Она же кладом-то самим и была. Ну, парень-то и смекнул, в чем дело, тоже подсказали знающие люди. Вот она раз опять говорит "Стукни меня", а он ей отвечает "Не надо мне твоего клада, а иди лучше за меня замуж".

И стали они жить-поживать, детей наживать... долго жили. А потом как-то раз прознала соседка про все это, ей, соседке, интересно было, откуда он жену привез, обидно ей было, что не на ней женился. Подошла она к этой Злате, по руке ее – стук! и говорит "Аминь! Аминь! Рассыпья!" Той и не стало. А на ее месте куча самоцветов выше колен. Поплакал муж, погоревал, а сделать уже ничего не сделаешь. Собрал камни и стал купцом богатым.

– Разрыв-траву иметь надо! – с волнением сказал Млад. – Тогда любой клад без слова откроешь. Разрыв-трава любое слово разорвет и любой заговор.

– А где же ее взять?

– А у Тетерьки! У него, больше нигде. Шляется всегда по лесу, небось, мешок уже натаскал.

– Ха-ха-ха!

– Тетеря, давай разрыв-траву! Пошли, ребята, клад ис-

кать!

– На чужом горе радости нет, – ответил Тетеря.

– Да, бывает, приходит хозяин-то за кладом! – пугливо прошептал Чудя. – Как медведь, ночью в окошко стучится: "Отдавай мое богатство!"

– Не тобой положено, не тобой и взято.

– Нас вот матушка-земелюшка прокормит.

– Эх, мне бы один только кладик... самый маленький, – вздыхал Млад.

Темнота и холод становились все гуще, зато костры горели все ярче и выше. В темном синем небе Перун рассыпал узоры из ярких звездочек. Сытые, веселые голоса шумели и смеялись, люди радовались отдыху после многих дней работы в поле. Скоро зазвонят на деревне свадьбы, совершавшиеся по обычаю осенью, после того, как убран в поле весь хлеб. Настает пора игр и хороводов, вкусных кушаний и посиделок у костра. Снова придут парни из соседней деревни звать березовцев померяться силами в кулачном бою и, как всегда, березовские мужики под предводительством двух деревенских богатырей, Добри и Тетери, намнут соседям бока и отпустят их домой битыми.

Девушки, одна за другой, начали уже заводить песни и вставать с места.

– Смеяша, ну-ка, начинай, – закричали веприковой матери. – Открывай хороводы!

Смеяна не стала капризничать, вышла вперед и, дождав-

шись, пока подружки начнут песню, широко раскинула вышитые рукава и, улыбаясь, поплыла по кругу.

– Ай да Смеянушка, – похвалил дедушка Пятак Любимыч. – Ай да лебедушка белая!

Веприк со значением глянул вверх на отца и батяня тоже подмигнул ему в ответ, мол, наша лебедушка, лешаковская, глядеть – глядите, а руками не трогайте. Мы ее сами любим.

"Как по морю лебедь белая плыла,

Как по синему лебедушка плыла.

А за нею лебеденочек плывет,

А за нею лебеденочек плывет..."

Маманя словно не ногами шла, а скользила по озеру. В ласковых синих глазах вспыхивали звезды, как на небе. На голову ей, прямо на платок, надели венок из желтых колошесов с васильками и стала она точь-в-точь королевна из сказки. Она прошла несколько кругов и тоже подхватила песню, вглядываясь в толпу, выбирая следующего танцора в хороводе,

хотя всем и так было ясно, что выберет своего Тетерюшку – поэтому хитрые девки и спели про "лебеденочка", чтобы было смешнее: какой из здоровенного мужика лебеденочек? Высокий, плечистый, бородатый. Девушки, быстро перемигнувшись, собрались петь уже следующий куплет, получалось смешно, хотя они и не знали, кого за собой в очередь выберет Тетеря:

"Как по морю лебедь белая плыла,

Как по синему лебедушка плыла.

А за нею лебеденочек плывет,

А за мамкой косолапенький плывет...

А за ними лягушоночка,

А за ними квакушоночка..."

Так певуны часто на ходу выдумывали песню – насколько хватало памяти повторять ее каждый раз с начала до конца, и на каждый куплет выбирался в танец еще один хороводник – пока не надоест соблюдать порядок. В конце концов все желающие хватались за руки (а нежелающих хватали и тащили за собой соседи) и вокруг костров кружились шумные хороводы, часто по несколько кругов, один больше другого.

Смеяна с другого края поляны повернула прямо к мужу и протянула на ходу к нему руки. Народ перед Тетерей начал расступаться, давая дорогу.

И тут Смеяна застыла в середине круга, подняв лицо к небу. Неожиданный ветер прошумел по верхушкам берез. Люди начали озираться в недоумении. Теперь стал отчетливо слышен громкий шелест и хлопанье, словно мокрые холсты вытряхивали.

– Чу! Слышите? Летит кто-то!

– Да это опять Тетеря пугает, – равнодушно отозвался чей-то совсем пьяненький голос. – Баловник!

– Так Тетеря ведь не летает!

Веприк тоже посмотрел на небо и не узнал его: звезды, как безумные, крутились и плескались в разные стороны. Вдруг

одна из берез на опушке затрещала и вспыхнула пламенем с верхушки до самого низа. Люди попятились, не зная, откуда ждать беды.

Снова налетел ветер – горячий и влажный, и на людей сверху пролилась россыпь огненных искр, опалая волосы, оставляя пропалины на одежде.

– Змей! Это змей!

– Змей!

– Ой, бегите, бабы! Ой, бегите, мужики! – выла где-то Матрена.

Все, кто был на поляне, побежали в разные стороны, вопя от ужаса. Одна Смеяна стояла в оцепенении, задрав голову. Тетеря рвался к жене, но на пути его все время возникал кто-нибудь из односельчан, и не успевал охотник его отшвырнуть, как уже с воплями выпрыгивал новый – словно Смеяна стала заколдованным кладом, дойти до которого нельзя, даже если видишь его в двух шагах перед собой.

Сверху надвигалось что-то страшное, гремевшее костями и сыпавшее искры. Веприк разглядел какие-то полосы, а потом – кольчатое, как у дождевого червяка, брюхо, трясущее черной чешуей.

Дальше все шло так быстро, что у Веприка в памяти осталось только несколько картинок, что происходило между ними он не успел понять. Вот маманя все стоит посреди поляны, вытянувшись, как рябинка в красном платке. За ней какая-то скрюченная серая фигура, кажется Пелгусий.

Потом на поляну падает невероятного размера лапа с когтями и в следующую секунду маманя уже зажата в когтях. Тут она словно просыпается и начинает кричать и биться. Отец тоже кричит и бежит к ней и пытается втиснуться под чешуйчатые пальцы, но мама поднимается все выше, уже выше человеческого роста. На пустой поляне – только батя, упавший лицом в опаленную траву, и замешкавшийся Пелгусий в длинной серой рубаше.

Еще через секунду вторая лапа хватает Пелгусия поперек туловища и тоже вздергивает его в высоту. В мелькании искр они летят все выше, кричат, а внизу стоит на коленях отец и повторяет "Смеянушка... Смеянушка..." Бесконечное змеево туловище кольцами падает из темноты и возносится ввысь. Ударили по воздуху серые крылья, разметав ближний из костров, из мрака раздалось победное шипение. В темноте над головами хлестнула гибкая длинная тень, змеев хвост. Напоследок одна из березок сломалась пополам и рухнула, видимо, задетая хвостом. Хлопанье крыльев и крики похищенных смешались и начали удаляться, змей, кажется, летел уже среди звезд, искрящийся, длинный, то противно изгибающийся коромыслом, то распрямляющийся, и неясно было, растворился ли он в высоте или скрылся за горизонтом.

Поляна, недавно бывшая такой светлой, шумной и радостной, погрузилась во тьму и молчание, светились только на земле красным светом угли из разоренного костра да тлела

береза. Отец заплакал.

Немного погодя из темноты заревела Дуняшка – и явилась, красная от горьких слез, на руках у Добрилы. "Сиротка малая," – бормотал, вздыхая широкоплечий бортник. Он одной рукой снова вынул тряпочку, порылся в ней, нашел еще кусочек от сот и дал девочке. Дунька шмыгнула носом и занялась лакомством. Батяня молчал. Добрило жалостливо вздыхал. Веприк всхлипывал. Сиротка Дунька чмокала.

– Ой, горе-то какое, – заговорили вокруг. – Беда-то!

– А люди-то ведь правду про змея говорили, а я не верил, – изумленно сказал добрилин сын Бобрец.

Селяне, которые не убежали по домам, начали вылезать из кустов.

– За что нам такая беда?

– Боги это змея-то послали, – сообщил кто-то испуганным шепотом. – Обижал Тетеря богов, вот и послали змея ему в наказание.

– Если послали за Тетерей, что ж он Тетерю ловить не стал? – буркнул Добрило.

– Перепутал, наверно, – предположил Чудя и почесал в затылке.

– Ну да. Бабу в красной юбке со здоровенным мужиком спутал!

– А вот он и утащил жену, чтобы Тетеря тосковал! Вот это ему и наказание.

– А Пелгусия-то зачем утащил? Тоже в наказание?... Нет,

летает поганый Змей над светлой Русью, ворует красоту. Слухом земля полнится, перехвалили мы Смеянушку...

Услышав имя жены, Тетеря вдруг вскочил на ноги и побежал прямо в лес, в ту сторону, куда скрылся змей. Веприк побежал за отцом, плача и зовя его.

Глава 4. Надо идти к князю

Веприк, конечно, отца в лесу нашел и привел домой, на радости в этом оказалось мало: был отец живой, а стал неживой. Целый день, бывало, сидит на одном месте – за избой или в овраге, молчит, никому не отвечает. Иногда возьмет Веприка за плечи и заглянет в сыновьи синие глаза. Потом начал подолгу возиться с Дуняшкой, все качал ее, нянчил, грустно улыбался. В лес совсем не ходил, дома тоже у него все из рук валилось – ни к какому делу не стал пригоден.

Веприк и сам бы сел и ножки свесил, если бы на руках у него, восьмилетнего, не оказались разом Дуняшка маленькая да бабушка старенькая. Да отец еще, бедолага. Хочешь – не хочешь, а хозяйство вести надо: зима не за горами. По ночам ему все мама снилась, как ей там в темной змеевой норе. Холодно там, мокро. Маманя обнимет его, согреет – слезы из глаз, он и во сне помнит, что нет ее рядом.

Люди в деревне жалели Тетерю и его осиротевших ребятишек – а чем можно помочь?

– Змей – это все равно что большой зверь. На него яму надо рыть, – говорил Млад.

– У змея крылья, это птица, – не соглашался Чудород. – Большой сетью его поймать и все дела.

– Чешуя у него, значит змей – рыба, – передразнивала его жена Матрена. – Лови его на червячка да на окунечка!

Тетеря, как обычно, сидел на улице перед дверью и молчал.

Заглянул пожалуйть его сосед.

– Что ж ты так убиваешься, Тетерев Людмилыч, – сказал он. – Смеянушку твою не воротишь, а тебе еще жить, детей растить.

Молчаливый охотник так на него глянул, что сосед убежал поскорей домой, а оттуда ушел подальше в лес за грибами.

Зашла в гости тетерина сестра Чернава. Постояла, посмотрела молча, вздохнула и ушла.

Пришли из леса бортники, принесли ребятишкам меду.

– Все сидишь, Тетеря? – сказал здоровяк Добрило. – Ну-ну. Илья Муромец тридцать лет и три года на печи сидел. Значит тебе осталось...

– Осталось тридцать лет и три года! – сосчитал Бобр.

Тетеря и на них грозно глянул, как на соседа, но бортники не испугались, а наоборот – расселись поудобнее на дровах во дворе, достали медовые соты из тряпочек и зачмокали не хуже Дуньки. Мимо шел Чудород, нес кадушку с водой. Кадушку поставил на землю, сам тоже уселся на дрова.

– Эх, Анику-воина бы сюда! Аника этого Горыныча бил-бил и еще бить будет! – вздохнул Чудя.

– И Муромец Илья его бил! А Анику твоего бородой в лужу макал! – тут же отозвался Добрило.

– И Аника этого змея бил-бил-не добил, и Илья, и кто его только не бил, а он все летает и летает... во дела! – язвитель-

но заметил дед Любимыч.

– И били и будем бить! – упорствовали Чудя с Добрей.

– Конечно! – поддержал их дед. – А он летал и будет летать... Где они ваши богатыри?

– Я вот тоже в змея раньше не верил, – пугливо пробормотал Бобрец.

– И главное: зачем ему баб-то столько? Почему мужиков не таскает? – возмутился Чудя. – Мужик для хозяйства намного полезнее: может и дом починить, и на охоту сходить, и на гусях сыграть, а бабы ему на что?

– Вот тебе жена зачем?

– Мне жена дадена в наказание за все, что я в жизни плохого сделал, – смиренно сказал Чудя.

– Твоя жена нам всем в наказание дадена, – кивнул Любимыч, – за все, что ты в жизни плохого сделал. Вон, у Добрилы полбороды повыдергала, баба-яга страшенная... э-э-э... а если приглядеться, то милая и ненаглядная.

Он вдруг умильно улыбнулся Чуде за спину и привстал со своего сиденья, словно готовился дать стрекача. Бортники замерли, почуяв недоброе: сзади, уперев могучие руки в толстые бока, стояла сама Матрена.

– Ой, это ж Матренушка, – радостно сказал дед Пятак Любимыч, словно только что ее заметил. – Лебедь наша...

Дед замялся в поисках подходящего слова. "Стройная" к Матрене не очень подходило, с тем же успехом можно было применить это слово к квадратному Добриле. "Лебедь бе-

лая" к Матрене тоже не шло, лицо у нее было совсем не белое, а очень даже красное, а юбка вообще зеленая. "Лебедь зеленая" – так, вроде, не говорят.

– ... главная! – решительно сказал дед. – Лебедь наша главная!

Главная лебедь обвела собрание строгим взглядом.

– Эх, мужики! Сидите? – поинтересовалась она. – А Смеяна в плену у змея поганого мучается.

– Вот и я им говорю, Матренушка: надо Анику-воина звать! – подхалимски влез Чудя. – Правильно?

– А я говорю: Илью Муромца! – не смолчал Добрило.

– А он говорит, что его Илюшка Анику-воина в лужу макал! – наябедничал Чудород.

Жена мрачно посмотрела на брошенную Чудей кадушку. Чудя быстро спрятался за Добрилу.

– Кто защитит землю русскую? – задала Матрена следующий вопрос.

– Аника-воин? – без особой надежды угадать отозвался из-за Добрилы Чудород.

– Илья Муромец! – возразил ему бортник, толкая в бок.

Так как Матрене ответы не понравились, бортники огляделись в растерянности вокруг себя и обнаружили только упрямо молчавшего Тетерю.

– Ты, Матрешенька! Ты нас защитишь! – с восторгом догадался Чудород. – Рученьками своими сильными, ноженьками своими резвыми, зубаньками своими остр...

Он встретился с женою взглядами и снова юркнул за Добрилу и затаился там. Кто должен защитить землю русскую оставалось непонятным.

– Неужели Змей Горыныч? – сам удивился своей догадке Бобрец. – Ах, вон оно что: змей землю нашу русскую от баб защищает!

Наступило неловкое молчание.

– Матрешенька, зоренька моя ясная, ты что, хочешь сказать, что мужики должны землю от змея защитить? – с ужасом спросил Чудород. – Это что – нам самим собраться и истребить чудище поганое? И всем погибнуть в честном бою?

Добрило снова толкнул Чудю. Матрена усмехнулась.

– На то у нас в Киеве князь есть, – сказала она.

Матренина речь всем присутствующим пришлась по душе. Самое замечательное было то, что не надо было самим идти на войну. Заговорили все разом:

– И верно! Князь-то наш Владимир, кто же кроме него защитит? К князю надо идти! В Киев! Поклонись, Тетеря, князю, пусть дружину, войско свое, посылает.

– Станет князь Тетерю слушать, – пожал плечами Чудя.

– Тебя, что ли, станет? – сказал Добрило.

– И меня не станет, – успокоил его Чудя. – Простого человека и на порог к нему не пустят. На княжий двор заглянуть не дадут. Вот был бы он богатырем, как Аника...

– Или как Илья Муромец.

– Или был бы купцом, как Садко-скоробогат.

– Да... к князю идти – князю нести...

– Подарки немалые нужны.

– Гора золотая!

– И две серебряных...

Тетеря слушал и прутиком по земле задумчиво чертил. К вечеру, Веприк слышал, отец долго возился под лавкой, искал, собирал что-то. Мальчик решил, что сегодня ему лучше не спать, надо поглядеть, что отец будет делать.

Глава 5. Чужое богатство

Снилась Веприку, как всегда мама, в своей новой белой рубашке и красном платке. Была она в какой-то подземной комнате, улыбалась ему, но синие глаза смотрели с печалью. "Дай-ка сынок, я тебя хоть во сне обниму, – сказала она. – Соскучился, Вепрюшка? Ты Дунюшку береги, не забывай. И бабушку. И батяню тоже береги."

Тут Веприк проснулся, потому что на улице скулила собака Муха. Он схватил верхнюю одежду и выбежал из избы. Муха, привязанная, крутилась на веревочке во дворе. Тонкий месяц еле-еле освещал сам себя, где уж ему было светить на землю.

Веприк постоял немного, прислушиваясь и давая сонным глазам привыкнуть к темноте. Очень скоро ему стало ясно, что на лугу, который лежит в сторону дальнего леса, кто-то есть: нет-нет да и чудился оттуда случайный шелест, а иногда ветерок с луга словно приносил живое тепло. Отец бросил собаке только полпирога с кашей, значит ушел ненадолго и Веприк, не раздумывая, побежал вдогонку. Опомившись, вернулся и прислонил к двери избышки тяжелое полено, чтобы Дунька сидела дома. И бабушка вместе с ней.

Он бегом направился к лесу, одолел два пригорка и взобрался на третий, лесной. Тут Веприк немного оробел: одному в лесу ночью ему еще бывать не приходилось. Он со-

бирался с духом, готовясь вступить в лесную холодную черноту, когда заметил отца – внизу, в овраге. Батяня в лес не пошел, он шел в обход, ниже опушки. В темноте даже зоркие глаза Веприка едва различали отцову белую рубашку. Мальчик чуть не рассмеялся от радости и бросился бегом с пригорка. Батяня, оказывается, уже почуял его, остановился и стоял, ждал. Он буркнул что-то сердитое, но это было неважно, и Веприк, пристроившись за батей вместе с ним двинулся по мокрому склону оврага в обход леса.

Так шли они, пока не солнце не встало, и немного дальше, потом отец повернул прямо в лес и они, топча желтые осенние листья, шли еще примерно до полудня, иногда меняя направление в соответствии с какими-то известными батяне знаками. Тетеря молчал, иногда только показывая сыну, куда не надо ставить ногу, если не хочешь угодить в грязь. Наконец им встретился другой овраг, вдоль которого отец некоторое время вел Веприка и привел к болотцу. Пройдя немного вдоль болота, Тетеря нашел высохшую иву с тремя пожухлыми листиками, около которой они молча посидели и пошли, оставляя болотце с левой стороны.

Наконец путники пересекли небольшую круглую полянку, за ней – полоску малиновых кленовых зарослей и вышли на открытое место. Впереди высилась поросшая лесом горка. Когда с той стороны подул ветер, потянуло сильным волчьим запахом. Присмотревшись, Веприк смог обнаружить две темные дыры, прикрытые растительностью – норы.

– Ну вот, пришли, – сказал Тетеря и начал снимать со спины привязанный там сверток.

Веприк удивленно огляделся. Конечно, он не ждал, что батя приведет его напрямиком в Киев к князю, но все-таки трудно было поверить, что они шагали целый день только для того, чтобы полюбоваться на лесной курган с волчьим логовом.

– Мир вашему дому, честные хозяева! – торжественно сказал Тетеря, кланяясь кургану.

"Батяня с ума сошел. И я туда же, чтоб ему не скучно было, – решил Веприк. – Куда он меня завел? Сейчас скажет еще, что теперь тут жить будем."

– Я медведь, – сообщил Тетеря, разворачивая черную шкуру и набрасывая ее себе на плечи и голову. – На всякий случай.

"А я – Змей Горыныч, – сердито подумал Веприк. – Как я его такого домой поведу? Укусит еще... И надо мне было за ним бежать. И сестренку с бабушкой в избе запер! Ой, как бабушка-то ругаться будет!" Настроение у него совсем испортилось, потому что бабушка, хоть и старенькая, могла не только ругаться, она могла и палкой по спине стукнуть.

Тетеря тем временем хлопотливо нагреб веточек и развел небольшой костерок.

– Здесь раньше жили волки, – сказал он, кивнув через плечо. – Потом ушли.

Мысль, видимо, была очень интересной, потому что в од-

ном из проходов за батиной спиной тут же появилась мохнатая волчья голова: послушать, может гости еще чего забавного скажут. Отец быстро обернулся, встряхнул на себе медвежью шкуру и рявкнул так строго, что волк немедленно спрятался назад в нору, а Веприк попятился. Тетеря огляделся, сломал у дерева кусок толстой ветки и сунул ее в костер.

– Надо же, обратно пришли, – удивился он. – Меня волки пока боятся, – сказал он сыну. – А ты иди сзади и неси огонь. Если их тут немного, авось не тронут.

– А если много? – взволнованно спросил Веприк, ухватив горящий сук и догоняя отца, который резво направился к кургану.

– Тогда они и на медведя напасть могут, – спокойно отозвался Тетеря, сунув голову в нижнюю нору, разрытую многими поколениями серых жителей до половины высоты человеческого роста.

– Батянь, а зачем... Ты чего это? Стой! Да ты что делаешь?! Батя!

Тетеря, опустившись на четвереньки уполз в звериный ход. Веприк успел ухватить его за штаны, но не удержал. Мальчик заметался возле норы, боясь и лезть за сумасшедшим отцом, и остаться одному снаружи.

– А щипаться будешь, я тебя так щипну, год сидеть не сможешь, – сердито сказал отец, на секунду высовывая голову из норы, но не успел Веприк опомниться, как Тетеря снова исчез и пришлось Веприку лезть в логово к волкам. Нора ока-

залась довольно широкой, мальчик прижимался к медленно ползущему впереди отцу, двигаясь на четвереньках боком и держа позади себя горящую ветку. В одном месте от большой норы ответвлялся проход поменьше и Веприк все боялся, что оттуда выскочит волк, но ни один зверь так и не появился. Батяня приложил ухо к земле, потом прошел еще немного и снова послушал землю. Он повторил это несколько раз, вытащил нож и принялся рыхлить землю. Рыхлую землю он сдвигал вперед голыми руками и опять рыхлил. Веприк озирался, трясся от страха и молился про себя всем богам, которых только мог вспомнить. Батя, совершенно похожий в темноте на медведя, разыскивающего желуди, копался долго, Веприку уже не только волки в темноте начали мерещиться, но и кабаны, совы, лоси и даже дикие быки. А один раз, показалось, староста Пелгусий погрозил из норы длинным пальцем.

Отец последний раз воткнул нож в землю и наклонился еще ниже. Он шумно завозился возле ямы и неожиданно начал погружаться в землю, пока совсем не исчез.

– Вепря, не робей! Лезь сюда! – донесся снизу его голос.

Веприк подо двинулся и осветил черный провал, возникший перед ним. Он боязливо сполз в него ногами и там сильные батины руки приняли его и опустили на пол другого коридора, пошире и повыше первого, который, оказывается, пересекал курган под волчьими ходами. Насколько позволял видеть свет наполовину сгоревшей ветки, стены здесь бы-

ли деревянные, высохшие и потрескавшиеся, конечно, сделанные не волчьими лапами. В проходе можно было стоять взрослому человеку, хотя и сильно согнувшись.

"Мы у лешего во дворце, – понял мальчик. – Не зря, значит народ про нас говорит. Мы пришли к родственникам в гости, совета просить... Очень хорошо... сейчас со мной будет обморок."

Батяня за рукав потащил его по коридору. Через несколько шагов обнаружилась комната, чуть поменьше их избы. Здесь вдоль стен и по углам под тонким слоем пыли тускло блестели разнообразные предметы: посуда, браслеты, шлемы. В подземном жилище не было ни души: темно и тихо. Под ноги Веприку прикатилась чаша из желтоватого металла, по краям которой звездочками вспыхивали прозрачные красные камешки.

За этой комнатой находилась следующая, гораздо больше первой.

– Посвети-ка, – велел батя и Веприк поднял ветку повыше.

У дальней стены находилось покосившееся возвышение с разложенными на нем предметами воинского быта: высоким шлемом, доспехами и большим мечом сверху. Перед помостом стояли пыльные сундуки и кувшины, лежали чаши и ножи. И Веприк догадался, куда его привел отец. Они находились в старинном могильном кургане, а перед ними лежал его мертвый хозяин. Он был окружен всевозможными пред-

ментами, которые считались полезными для воина в мертвом царстве: посуда, оружие, мешочки с травами, украшения. Кости мертвого воина давно осыпались, остались только металлические доспехи да меч, который он сжимал в руках. Слабый огонь в руках мальчика бросал красноватые светлые пятна на последний дом древнего воина, построенный прямо в земле: стены и пол из бревен, развалившиеся от времени лавки, остатки деревянных сундуков. Все вокруг было засыпано землей и древесной крошкой, но, несмотря на беспорядок и разрушения, помещение выглядело богаче и просторнее, чем все избы, которые доводилось Веприку видеть.

У Веприка задрожали колени и он, теряя сознание, начал валиться на батыню.

– Нашел время меня пугать, – сердито прошептал Тетеря, ставя сына на место. – У меня и так сердце в пятках, ты еще озорничаешь... Совсем разбаловался без мамки!.. А это еще кто за чудо?

Из прохода выглядывал недавний мохнатый знакомец, волк, совсем молодой, этой весной родившийся. Он переминался передними лапами и был готов сбежать в любой момент, но ужасное, непреодолимое любопытство держало его на месте: какие это удивительные создания пришли в гости и что они делают в этом странном месте? Охотник погрозил зверю пальцем и тот наклонил набок свою большую голову, словно говоря "Я мешать не буду, вы только не отвлекайтесь, делайте то, за чем пришли, а то мне очень интересно."

Тетеря снова обернулся к возвышению, несмело сделал шаг вперед и поклонился до земли.

– Будь здоров, богатырь!.. Ой!

Он смутился, сообразив, что он не совсем правильно поступает, желая здоровья мертвому человеку. Он еще раз низко поклонился и шумно вздохнул.

– Меня зовут Тетерей, – снова заговорил он. – Вот это сынок мой, Веприк... Беда у нас, богатырь. Унес жену мою, Смеянушку, поганый Змей Горыныч. Осиротели ребятки. И я осиротел. Некому защитить нас от змея лютого. Надо в Киев идти, к великому князю Владимиру. Подарок мне нужен для князя, вот я и пришел к тебе за помощью. Позволь взять немного от твоих богатств несметных, помоги вызволить Смеянушку... Веришь ли, для себя никогда не попросил бы!

Тетеря протянул руку к сундуку в углу, большому, с провалившейся крышкой. Соскучившийся юный волк тут же сунул туда же нос и разочарованно повертел мордой: едой не пахло. Волк понюхал соседний сундук и там его, видимо, что-то заинтересовало: он подвинулся поближе и покусал иссохшую деревяшку.

– Не знак ли это? – прошептал Тетеря дрогнувшим голосом.

Он только тронул крышку и сундук с внезапным шумом рассыпался в щепочки. Волк отпрыгнул, а на землю хлынул поток маленьких блестящих фигурок, желтовато поблески-

вавших, когда на них попадал свет. Посветив над находкой, Тетеря и Веприк обнаружили, что сундук был полон крохотных золотых лошадок, искусно сделанных со всякими деталями: развевающимися, словно на бегу, гривами, маленькими седлами на спинах, копытцами и даже уздечками. У кладоискателей языки отнялись от такого чуда. Видимо, народ похороненного здесь воина верил, что лошади приносят удачу и очень любил их.

– Спасибо тебе, добрый богатырь! – прошептал Тетеря, когда к нему вернулся дар речи. – Как тебя благодарить, я и не знаю...

Он украдкой поглядел на молодого волка: не будет ли еще знака. Тетеря верил, что душа древнего богатыря могла жить в зверях и птицах. Но волчонок, соскучившись любоваться на странных глупых гостей, которые, похоже, все равно не могли найти ничего вкусного, зевнул и потрусил назад в темный проход, и охотник решил, что таким образом ему дают понять, что пора оставить хозяина в покое. Отвык, наверно, богатырь от разговоров за тысячу лет. Охотник, торопясь, дрожащими руками, сгреб богатство на медвежью шкуру и, в последний раз поблагодарив за помощь, повел сына из подземного жилища.

Пройдя несколько шагов от богатырского кургана, они вынуждены были остановиться, чтобы прийти в себя после пережитых волнений, но, как оказалось, волнения еще не кончились. Веприк оглянулся на курган и обнаружил, что нор

в нем гораздо больше, чем он заметил вначале – не меньше дюжины. И из каждой выглядывало по волку, а возле некоторых их стояло по паре и больше. Все звери, моргая желтыми глазами, молча смотрели на людей.

– Батя, ты спрашивал, много здесь волков или мало, – хрипло проговорил Веприк.

Тетеря исподлобья поводил глазами по сторонам и снова взвалил на спину шкуру с золотыми конечками.

– Они не нападут, – успокоил он мальчика. – Пойдем. Только не беги.

Звери все так же неподвижно смотрели им вслед. Вдруг на вершине кургана один из волков протяжно, низко завыл, словно ветер в ущелье, и мало-помалу его голос подхватили остальные волки.

– Почему они нас не тронули? – не веря, что остался жив, спрашивал на ходу Веприк. – Может, это значит, что богатырь на нас не сердится? Или в благодарность, что мы их маленького не обидели, который за нами увязался... Батянь, а чего они воют?

– Разговаривают.

– А вдруг – не к добру?

– Это когда собака воеет, тогда не к добру, потому что собака гавкать должна. А волк – наоборот, должен выть, на то он и волк.

– А если волк загавкает – тогда не к добру?

– Тогда точно не к добру, – развеселился Тетеря. – Это

значит, что ты, бедолага, головой где-то сильно стукнулся, слышишь, чего не бывает.

Обратный путь был совсем не таким безрадостным, как путешествие к кургану. Охотники шли бодро, их тяжелая драгоценная ноша оттягивала плечи, но веселила душу, словно они уже спасли маманю. Пройдя болотце, разложили костер и поужинали сухим хлебом и половиной пирога с кашей.

– В давние-стародавние времена, – рассказывал отец, – на том самом месте, где мы с тобой сидим, лес не рос, а росла трава. А на траве паслись чудо-кони. Люди тогда были с лошадьми на равных. Золота у них было, как у нас репы в огороде. Не было над ними ни князей, ни старост. Спали они на земле под открытым небом, а для своих погибших богатей строили под землей избы побольше нашей, и клали туда полезные вещи и золото. Вот от них и остались в наших лесах эти курганы.

– Батянь, так ты еще такие курганы знаешь?

– Знаю, конечно, мне дедушка твой показывал. Кому ж знать, как не нам, Лешакам?.. Только ты обещай никогда больше туда не ходить! У живого украсть плохо, а у мертвого – в десять раз хуже.

– А как же мы с тобой – ничего, что лошадок золотых унесли? Не будут на нас мертвые сердиться?

– Не знаю, – мрачно признался Тетеря. – После будем беспокоиться, когда маманю спасем.

Охотники вырыли неглубокую яму, ссыпали туда драгоценные фигурки и легли сверху спать, а шкурой накрылись. Утром собрали клад и через некоторое время после полудня уже подходили к лесной опушке напротив родной деревни.

– Завтра пойду в Киев, – сказал Тетеря.

– И я с тобой, – сказал Веприк.

– А с Дуняшкой и бабушкой кто останется?

– Я с тобой, – опутив глаза повторил мальчик.

Тетеря долго смотрел на сына и чувствовал, как шатается его маленький детский мир, стоявший раньше, словно на двух могучих деревьях, на маме и батьке.

– Ладно, – сказал наконец Тетеря. – Дуньку отдадим тебе Чернаве, а бабушка сама за собой присмотрит... Пойдем поскорее, посмотрим, как они там. Доглядела ли бабушка за внучкой?

– Доглядела, – уверил его Веприк. – Я их в избе запер, чтобы Дунька не потерялась... Ты, батяня, иди вперед, иди, не жди... я еще вон малинки домой наберу.

Глава 6. Осенняя дорога в Киев

Приведя вечером Дуняшку к сестре, Тетеря незаметно сунул Чернаве берестяной кулек с малиной. Чернава вытащила горсть ягод и принялась с аппетитом жевать. Тетеря погрозил сестре кулаком и показал, что малиной следует задобрить Дуньку, чтобы не плакала без татки. Дунька обрадовалась и переселение к тете тут же одобрила.

Бабушка покричала, поругалась, стукнула один раз Веприка по лбу и один раз – Тетерю по уху, а потом принялась хлопотать, собирать им еду в дорогу.

Обычно в деревнях раньше осени не охотничали, поэтому у Тетерева в запасе меха было немного: по дюжине шкурок куницы, рыжей лисы, чернобурки да горностая. В те времена ценный мех служил людям вместо денег и Тетеря оставил себе на всякий случай.

В одиночку он мог добыть за зиму до тысячи шкурок мелких зверьков и еще, сколько получится, рысей и лосей. Медведя Тетеря старался обходить стороной, хотя его шкуру и мясо выгодно можно было продать и обменять. Не к лицу было охотнику наживаться на хозяине леса. Да и опасно.

Путешественники погрузили мех, еду и золотой клад на батины охотничьи санки, поклонились бабушке и, не дожидаясь, пока встанет солнышко, двинулись в дорогу. Тетеря уже бывал в Киеве не раз, когда ходил с товарищами ме-

нять меха на полезные и красивые вещи: стальные ножи, грешки, иголки, стеклянные бусины, ленты шелковые, железный ларец с узорами, павье цветное перо Дуняшке на забаву. Путь в Киев лежал через березовую рощу, по знакомым деревьям, а потом – пару дней чащей, до наезженной и нахоженной дороги, идти по которой было легко и которая за неделю приводила пешего путника прямо к стенам столицы.

В лесу и на полянах царило большое оживление. Звери были заняты тем же, чем люди: хлопотали, запасали земную благодать на зиму. Белки с деревьев сердито свистели на пешеходов, явившихся забрать у них орехи и шишки, заготовленные на зиму. Конечно, такие хорошие орехи, каждый норовит стащить для себя, вон – даже санки не поленились взять. Идите мимо, долговязые, и без вас грабителей хватает: дятлы, сороки, чужие белки... Проходи мимо, борода, а то вот я тебя! Небось шишкой в макушку не хочешь? Глупые, синекрылые сойки сновали, как хозяйки в большой семье, прятали запасы под кору, в ямки между корней, под камушки: там семечку, тут орешек, украденный из белкиного клада. Засунет и забудет. Лесные мыши таскали зернышки, наполняли подземные кладовочки. Далеко за оврагом, на соседнем холме стоял треск – медведь тоже делал запасы в малиннике, все – себе в брюхо. Нагуляет жир и ляжет спать до весны. Все звери ели до отвала, старались встретить зиму растолстевшими, чтобы не страдать от холода.

Радостно было смотреть на живую кутерьму, такую бес-

порядочную с виду, но для лесных обитателей не менее важную, чем для людей их великие заботы.

Благодаря теплой осени деревья не все еще переменили летний наряд. Клены, по своему обычаю переодевшиеся раньше остальных, уже алели резными верхушками, а каштаны беззаботно растопыривали совершенно зеленые листья. Березки еще только примеряли желтенькие наряды: стояли наполовину в зелени, наполовину – в золоте. Коренастые дубы, лесные князья, шелестели подсохшей, молочно-коричневой, словно выкованной из меди, листвой. Рябинки вдоль оврагов сияли всеми оттенками пламени: кто насколько успел покраснеть, от цыплячьего, бледненького, до густо-малинового. Будто облитые свежим медом, стояли группки осин в темно-желтом облачении и повсюду залихватски рыжели сохнувшие папоротники. Мохнатые ели, не принимающие участия в ежегодном карнавале, угрюмо темнели черно-зеленым мехом, зато под ними светились семейки лисичек и разноцветных сыроежек.

Мелкие дождики мыли и полировали всю эту лесную красоту, так что, когда в ясную минутку, бросишь взгляд на листву над головой, каждый листик горит насквозь, как редкий драгоценный камень: алые рубины, золотой и медовый янтарь с северных морей, зеленые изумруды всевозможных оттенков... Радостное, обильное, богато украшенное ладушкино царство!

Веприк засмотрелся на солнце сквозь сияющие листья:

батяня подкрался, тряхнул ветку и в лицо мальчику посыпался водопад холодной мелкой росы!

– Вон сороки полетели, смеются, – ворчал Веприк, утирая лицо рукавом. – Говорят, мальчик такой умный в лес пришел, а батя у него хуже дитяти.

Под ногами пружинил нарядный цветной ковер. Тетеря шел в одной рубаше, русские тогда вообще осень за холодное время не считали. Дождик иногда мочил его легкую одежду насквозь, зато потом солнышко быстро сушило. Веприк отнесся к путешествию посерьезнее: надел кожаную рубашку с меховым краем, в которой ему очень скоро стало жарко. Тогда он тоже надел простую холщовую рубаху, а на нее для тепла – еще одну такую же. Тетеря, выбирая дорогу, тащил свои саночки овражками и звериными тропками, а Веприк топал сзади налегке, рыскал по кустам и в конце концов объелся ягодами так, что ойкал при каждом шаге. Ночевали в ложбинках, на ночь клад закапывали, а ложились с большим удобством на санки, поверх роскошных мехов. Накрывались медвежьей шкурой.

В одном месте батя поднял руку и указал глазами на сосновую ветку, дрогнувшую впереди. Веприк, имевший привычку всегда следить за тем, что делает батяня, немедленно остановился и, напрягая изо всех сил глаза, взгляделся в густую хвою. Через некоторое время он обнаружил, что сосновые иголки едва прикрывают большую рысь, припавшую к ветке, и удивился, как он сам не заметил зверя. Рысь, не

отрываясь, глядела в намеченную точку под собой – туда, где должны пройти путешественники и где удобно будет упасть на шею одному из них. Конечно, рыси намного меньше тигров, но эти коренастые кошки очень тяжелы и в прыжке способны сломать шею лосю.

Прошла минута. Рысь удивилась, что никто не идет и вздернула вверх морду с круглыми, шальными глазами. Обнаружив зрителей, она растерянно моргнула и, толкнувшись толстыми могучими лапами, перелетела на ствол сосны и исчезла в лесу. Она убежала в самую чащу и от стыда до вечера не показывала оттуда носа.

Идти стало легче, но малина Веприку больше не попадалась, а только объединенные кусты и деревья с содранной корой. Наконец он сообразил, что батяня ведет его по тропе, расчищенной недавно прошедшим здесь стадом лосей.

– Так я без ягод совсем останусь, – раскапризничался Веприк. – Не можешь, что ли, в другом месте дорогу выбрать?

– Спасибо, сынок, – обиженно сказал Тетеря, останавливаясь и утирая лоб. – Татка санки тяжелые волочет, а ему малинку подавай.

– Ну, батянюшка, – принялся подлизываться сынок. – Ты санки где хочешь, протащишь, а малина-то скоро сойдет совсем... не наемся!

– Обжора! – с удовольствием сделал заключение отец. – Сразу видно: мое дитяtko, родненькое. Дуньку бы еще сюда...

– Дитяtko родненькое, а голодом мори-и-шь...

– Голодом?! Медвежатину копченую ел? Пирог сладкий ел? Репку ел? Мою репку, которую из-под носа у батянюшки стянул, ел?..

– Малинки бы еще... Ну хоть ежевички,.. – тянул Веприк. – Чернички... Клюковки...

– Мухоморчиков, – передразнивал батяня. – Вкусных, сладеньких!.. Вон, видишь, просвет за деревьями? Это уже дорога.

Конечно, по дороге хорошо и идти и санки везти. Но плоха дорога тем, что подстерегают на ней путника разбойники в надежде отобрать чужое добро. Зато Тетеря хорош тем, что разбойников, как и опасных зверей, за версту слышит и чувствует: вот не вовремя верхушка у елки закачалась, вот сова угукнула среди бела дня, вот ветер донес тепло живого существа, сидящего в дальних кустах. Тогда Тетеря с сыном заранее сворачивали с дороги и обходили недоброе место лесом.

Чем ближе к Киеву, тем больше народа встречалось в пути. Березовские охотники перестали прятаться, иногда даже вступали в случайные разговоры. Веприк смотрел во все глаза, такие люди, как на киевской дороге, даже в сказках ему не встречались: среди простого деревенского люда, двигавшегося пешком и в телегах, шли гусяры и бродячие скоморохи в цветных лохмотьях, прошла цепочка нищих слепцов, проехал караван купеческих телег, окруженный охраной с мечами, купцов обогнал богатырь в кольчуге и шлеме...

Пока мальчик вертел головой, дорога вылилась на равнину и, приблизившись к берегу реки, распахнула справа и слева осенние, оранжевые, поросшие ковылем просторы. А впереди, за плавно катившим холодные воды Днепром, на правом его берегу возлег град Киев, мать городов русских. Столько домов стояло вдоль по реке, что непонятно было Веприку, откуда на всем белом свете сыщется народ, чтобы все эти избы заселить. А выше всех, выше гор, вознеслись за домами высоченные земляные валы с неприступными бревенчатыми стенами на них – киевский кремль. Пройдет еще двести лет и в далеких восточных лесах построят Москву, будущую новую столицу Руси, но никогда не будет у Москвы таких высоких стен и никогда река, на которой она стоит, не сравнится с могучим Днепром.

Отец с сыном присели на высоком берегу и долго смотрели на столицу, молча любуясь и удивляясь.

Глава 7. Обещание воеводы

В Киеве батяня провел Веприка к одному знакомому, у которого он всегда ночевал. Как во сне проплыли мимо огромные, двухэтажные дома, крикливые площади, шумные кузнечные поселения с огнедышащими печами, стоявшими прямо у дороги, – пока путешественники не очутились перед невзрачным, наполовину закопавшимся в землю, бревенчатым домиком, выходящим на улицу глухой стеной без окон.

– Чернобород! – закричал батяня, стучась в калитку.

Из дверей вышел улыбающийся долговязый мужик с совершенно седой бородой и, полюбовавшись на тетерин приветственный поклон, так же церемонно, в пояс, поклонился.

– Тетерюшко! Будь здоров! Давно как не виделась! Забыл нас совсем? А я-то все глазоньки проглядел: где ж Тетеря, куда подевался, сокол наш ясный... а чего это ты приехал? Зима ведь на носу.

– Беда у меня, Чернобородушка, – ответил отец.

– Беда? – повторил мужик. – Ну тогда заходите, обедать будем... У нас на Руси положено так, – говорил он, отпирая ворота и помогая охотникам протащить санки во двор, – сначала гостя напои, накорми, а потом уже это... спать уложи.

Двери чернобородова домика имели замечательное свойство: они были шире любых ворот. Протащив санки сквозь домик, путешественники оказались на обширном дворе,

окруженном всяческими постройками. Веприк тарашил глаза на длинную конюшню, высокий дом с подвалом, еще дом – пониже и пошире, крепкие сараи, баню, коптильню, навес со сваленными там в большом количестве пузатыми бочками и обручами для них. Земля во всем дворе была застелена досками. Мальчику все это показалось похожим на подземную избу в волчьем кургане: ни деревца, ни леса, – чисто, богато, важно. И хитро спрятано за неприглядным забором.

– А это Веприк, сынок мой, – сказал Тетеря.

– Как же! – обрадовался Чернобород. – Слышал! Батяка твой говорит, серьезный парень? Помощник?

– Видишь вот – одного меня в город не пустил, – подмигнул батяня. – Потеряешься, говорит, плакать будешь, ищи тебя потом.

Пригожая девушка поставила им на стол в чистой комнате миску со щами, а потом устала стол закусками: грибами, капустой, пирогами. Выслушав батин рассказ, Чернобород покрутил головой в сомнениях:

– Не знаю, Тетерюшка, не знаю... Боязно как-то – к самому князю! Может, не пойдешь?

Понятно, что батяня Черноборода слушать не стал – да он и не всерьез советовал. Уговорил только помыться в бане, а с князем подождать до следующего утра.

Попасть к великому князю оказалось сложнее, чем березовцы себе представляли. Владимир Святославич жил в высоком – страшно сказать: в три этажа – тереме. Несказанную

резную красоту этого терема стерегли дружинники и слуги князя. Терем был окружен двором и другими постройками, тоже полными народа. Вокруг шла высокая стена с воротами. В ворота березовцев не пустили.

– Мне бы к князю, – начал Тетеря разговор со стражниками у ворот.

– Мне бы тоже! Да не зовет! – весело отозвался один из них, белобрысый и светлоглазый.

– Ты откуда такой взялся? – удивленно спросил второй.

– Из Березовки, – хмуро отвечал охотник.

– Что ж вы такие разговорчивые в Березовке, что вам между собой разговоров мало, обязательно князь тебе понадобился?

– Беда у меня, – сказал Тетеря.

– Шел бы ты мимо, мил человек, – ответили стражники.

– Я с подарком.

– С каким подарком?

– Не покажу!

– Мало нам своих дураков, еще из Березовки приехали, – сердито сказал второй стражник. Молодой, светлоглазый крикнул во двор "Копыто! Десятника позови!" и с любопытством принялся изучать упрямого Тетерю, подмигивая иногда Веприку. Пришел десятник. Отец помялся и раскрыл плетеный короб с золотыми лошадками. У дружинников глаза на лоб вылезли.

– Воевода тут? – хрипло спросил молодой стражник.

Батяню с почтением увели и Веприк долго ждал его на улице, отойдя от любопытных дружинников у ворот. Наконец отец вернулся – без короба.

– Видел князя? – первым делом спросил Веприк.

Отец покачал головой.

– Мне Добрыня Малыч, воевода, обещал все князю пере- сказать. Говорит, быстро такие дела не делаются. Лучше бы обождать, пока Илья Муромец подъедет, он сейчас Чернигов от печенегов один обороняет. Да ведь никто не знает, куда за Змеем ехать. Воевода говорит, давно бы войско послали, если бы знали куда. Сказал, подумают они с князем, потом скажут, что и как.

У Веприка мурашки по спине побежали: как же, такие люди будут думать, как мамку его выручить! Неужели придумают? Маманька, маманюшка, потерпи, родная, немножко уже осталось.

Чернобород тоже сказал, что воевода Добрыня – мужик серьезный, первый человек на Руси после князя Владимира. Сказал – и задумался. И батяня о чем-то задумался, а потом и говорит:

– Змея найти – дело малое. Сначала приманить его надо. И снова замолчал. И нахмурился.

Глава 8. Великий князь сердится на Тетерю

На следующее утро Тетеря с Веприком снова явились к княжьему двору. Молодой белобрысый стражник опять был на месте, а вместе с ним двор сторожил какой-то незнакомый мужик.

– Мне бы к воеводе, – сказал Тетеря.

– Пускать не велено, – ответили стражники.

– Я по делу. Я придумал, как Змея поганого приманить.

– Не велено пускать.

– Вчера я у воеводы был. Он говорил, пошлет войско на Змея, только не знает куда. Обещал помочь.

– Иди мимо, мил человек, – с сочувствием сказали стражники. – Наше дело маленькое. А воеводское дело большое. Не нам судить.

– Батянь, – зашептал Веприк, – не поможет нам князь! Пойдем отсюда, ну его к лешему.

– Ага, – послушно ответил Тетеря.

Он повернулся спиной к княжескому терему и пошел прочь. Веприк догнал его и услышал, как батя бормочет "... двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять!" Отсчитав двадцать пять шагов, Тетеря повернулся, взял разгон и вихрем ринулся в ворота. Стражники дружно шагнули плечо

к плечу и выставили перед собой красные, обитые железом щиты, словно стена выросла. Врезавшись в защитников ворот, березовский охотник одного опрокинул на спину, а второй отлетел в сторону, как воробей. Тетеря, как по деревянному мостику, пробежал по первому стражу, вылетел на середину двора и ошалело огляделся: повсюду были воины, наверно, сотня, не меньше. Оторвавшись от своих занятий они все уставились на чужого мужика, ворвавшегося на княжеский двор, а потом бросились его ловить. Тетеря носился по двору, преследуемый целой свитой красных от бега, ругающих его на чем свет стоит, дружинников, но сдаваться не желал. Иногда на него набрасывались сразу десять человек и тогда могучий березовец раскидывал их по двору так широко и привольно, словно сеял – чтобы росли-вырастали новые дружинники на защиту земли русской.

Вечно так продолжаться не могло. Тетерю наконец поймали, повиснув у него по три человека на каждой руке.

– Что за разбойник такой? – удивлялись вокруг.

– Брат это мой, ребята! – неожиданно подал голос вчерашний белобрысый стражник. – Что, милый, опять собачку потерял? Собачка у него есть любимая, из тряпочек... Силы-то много, а ума почти что совсем нету. С детства он у нас такой.

Тетеря с ненавистью смотрел на вруна. Стражник весело подмигнул ему правым глазом. Тетеря молча примерился врезать ему под веселый глаз, хоть под правый, хоть под левый.

– Чего хмуришься на меня? – ворковал самодельный брат, подталкивая Тетерю к выходу. – Да не брал я твоей собачки! Опять небось с мальчишками на улице в салочки играл, там ее и оставил.

– Ай да Свен!

Дружинники уже не ругались, а посмеивались.

– Ну и брат у него!

– Потерял собачку, пришел и надавал нам всем по шее!

Выведя наконец "брата" за ворота, Свен постучал себя по лбу:

– Ты что, с ума сошел, дубовая твоя голова? Ты что, собрался княжеский терем в одиночку воевать? Говорят тебе: воевода велел тебя не пускать. Не хочет больше тебя видеть. Не лезь, послушай доброго совета, а то как бы хуже не вышло.

У Веприка сердце заныло смотреть на батяню, как он, понурясь, ходит вдоль княжьего забора.

– Бать, это значит он клад-то наш украл? – спросил он про воеводу.

– Не то плохо, что украл, – ответил отец. – Плохо, что помочь не хочет.

– И князь с ним заодно?

– А кто его знает!

Отец с тоской посмотрел на крышу терема, торчащую из-за забора. Он отошел немного и снова посмотрел на терем. Веприк подумал, батяня сейчас опять разбежится и ползет

на забор, приготовился уже его ловить.

– Княже! – заорал вдруг Тетеря, стоя посреди улицы. – Горе мне! Сирота я и дети мои сиротки! Унес змей поганый мою Смеянушку, лишил нас света и радости! Слышишь ли, княже?

Довольно быстро вокруг Тетери собрались любопытствующие горожане, пара дружинников, посланная выяснить, в чем дело, тоже остановилась, взирая на горящего березовца с сочувствием.

– Горе мне! Смотри, княже – плачу! Унес змей жену мою, а меня оставил – беду бедовать, горе горевать!

Необычного вида человек с черными огромными глазами и большим носом внезапно остановился на своем пути и поспешил прямо к Тетере. На человеке была длинная рубаха из непонятной материи, а сверху он был еще обмотан полосой шерстяной ткани, которую умудрился натянуть даже на голову. Волосы у него были под стать глазам – очень черные, кудрявые, а нос – красный от холода.

Незнакомец в необычайном волнении ухватил Тетерю за рукав и забормотал что-то не по-русски. Тетеря тряхнул рукой, но незнакомец приклеился, к нему как репей.

– Погоди, погоди, я грек, – торопливо говорил он. – Послушай меня! Мое имя Фукидид из Nikeи.

– В греках все так хорошо за рукава на улице хватаются или только в твоей Nikee? – довольно нелюбезно осведомился охотник, неохотно прекращая свои вопли под окнами

княжеского терема.

– Не могу поверить! Мы товарищи по несчастью! – воскликнул красноносый грек и действительно прослезился. – Дай же я тебя обниму!

– Не дам! – решительно ответил Тетеря. – Я тебя первый раз вижу. Какой ты мне товарищ?

– По несчастью! – с жаром пояснил грек. – У тебя дракон украл жену? У меня тоже дракон украл жену! Ах, радость-то какая!

– Ты очень странный человек, – сказал Тетеря, с любопытством уставившись на нового знакомого. – У тебя украли жену, а ты радуешься. Раз она тебе не нравилась, зачем же ты на ней женился?

– Жену свою я любил безмерно и потерять ее было для меня ужасным горем. Но теперь я нашел тебя и это для меня великая радость! Неужели не понимаешь ты, как хорошо найти душу, способную понять твои страдания, глупый ты русский человек?

– Глупый ты грецкий человек! – обиделся Тетеря.

– "Грецкий" – так про орех говорят, – поучительно заметил грек.

– Глупый ты грецкий орех, – поправился охотник. – Мою жену украл не дуракон, а Змей Горыныч.

– Ах, это только в такой необразованной стране, как ваша Русь, имеет он это ненаучное имя! Весь мир знает, что тварь, похитившая наших любимых супругов, относится к се-

мейству ползучих гадов, – вместе с ядовитыми змеями, червяками и крокодилами, а именно – к разновидности гадов крылатых, то есть драконам. Известно, что драконы любят драгоценные камни и блеск огня. Тот, которого вы, русские, называете Горынычем, не может устоять перед женской красотой... но прости, я тебя перебил: ты так увлеченно кричал что-то под окнами у вашего князя.

– Да, князь с воеводой обещали помочь мне одолеть поганого Змея и обманули, поэтому я кричал "Горе мне, княже!"

– Ты неправильно кричал, – тут же с видом знатока определил Фукидид. – Твои вопли, конечно, облегчают душу, но пользы от них никакой. Ты должен указать князю на его обязанности.

– Что же, князь обязан спасти мою жену?

– Конечно! Правитель должен хранить мир и порядок в своей земле! Князь он или не князь?

– Княже! – заорал Тетеря так, что грек подпрыгнул. – Князь ты или не князь? Почему не защитишь землю русскую? Летает над Русью лютое чудище! И будет летать, проклятое! Почему...

На втором этаже княжеского терема окно вдруг распахнулось с такой силой, что ставни врезались в стену, а одна – повисла набок. Узнав русую бороду и синие глаза Владимира Красно Солнышко, народ начал опускаться на колени. Один Тетеря не испугался.

– Будь здоров, княже! – громче прежнего заорал он. – Чу-

дище-то летает, а тебе и дела нет! Князь ты или не князь?

– Я тебе сейчас покажу, и какой я князь и какой я не князь, – закричал в ответ Владимир Святославич. – Долго будешь помнить и всем рассказывать!

– Сколько еще будем терпеть безобразие на светлой Руси? – спросил Тетеря.

– Ты и есть самое главное безобразие на Руси! – ответил Владимир. – Набрался ума против князя на улице орать!

Из-за угла уже выбегали десяток дружинников, но увидев, с кем придется иметь дело, испуганно попятились. Однако Тетеря сник и сдался в плен без драки.

– Вяжите сироту, радуйтесь, – сказал он. – Иди, Вепрюшка домой. Зря мы с тобой в Киев ходили.

– Батяня! – воскликнул Веприк, прорываясь к отцу сквозь заслон дружинников. – Как змея-то приманить? Неужели сами не сможем?

– Иди домой, Вепрюшка, – тихо повторил отец. – А я в подвале у князя посижу... поучусь уму-разуму.

– А меня трогать нельзя! – скандальным голосом завопил Фукидид, хотя его трогать никто и не собирался. – Я – грек! Чужеземный гость! Прибыл по торговой надобности.

– Оставьте грека! – взревел, встрепенувшись, Тетеря, решив, что его приятеля обижают. – С меня весь спрос, меня и наказывайте, – смиренно продолжал он, помогая подняться дружинникам, которых уронил.

Никейского гостя уже и след простыл.

Долго караулил Веприк у ворот княжеского двора.

– Не горюй, паренек, – утешал его белобрысый веселый Свен. – Князь наш горяч, но незлобен. Поругает, может, выпороть велит – и отпустит... говоришь, сам Змей Горыныч к вам в деревню прилетал? Раскрасавица, наверно, мать у тебя.

Время шло, но отца все не было.

– Я к вечеру закончу службу, схожу узнаю, что там с твоим батюшкой, – пообещал Свен. – Ты пойди хоть поешь, целый день ведь тут торчишь.

Веприк отошел в сторону. У него даже слезы на глаза не шли, так он был зол. Больше всего ему хотелось, чтобы великий князь вывалился из своего высокого терема и шею себе свернул. Если бы привели к нему Змея Горыныча и князя Владимира, поставили обоих и спросили "Кого убить?", выбрал бы князя, а змей пусть пока поживет. Он хоть и крал, да не обманывал! И в самом деле – большой зверь. Неужели всей деревней яму на него не выроют? Приманить бы только... На что же отец придумал приманивать-то?.. Хорошо бы на князя Владимира!

Еще, конечно, хотелось есть. Оглядевшись, он понял, что не представляет, в какой стороне находится дом Черноборода. Побродив по улицам и поспрашивав прохожих, он совсем заблудился и еле-еле нашел дорогу назад к княжескому терему.

Стража уже поменялась. Наконец пришел Свен. Глядел он невесело.

– Плохи твои дела, парень, – честно сказал он. – Заперли твоего батю и отпускать не хотят. Привели его к князю, тот на него ругался-ругался, так что на улице слышно было, а батюшка твой ему про клад золотой напомнил. А князь удивился, какой еще клад, говорит, позвать сюда Добрыню Малыча, воеводу. Начал князь наш на воеводу ругаться, да только поняли они, что твой батя еще клады знает, помирились и вдвоем на батюшку твоего напустились: скажешь, где еще золото – отпустим, а нет – так и просидишь в подвале, в яме сырой, до старости. А батяня твой молчит, вздыхает только. Я против Владимира Святославича ничего сказать не хочу – будь наш князь здоров и славен! и воевода тоже – да только чем человек богаче, тем он жаднее. Очень уж хочется князю с воеводой еще золота получить...

– Да ведь в могиле оно!... – с ужасом воскликнул Веприк, но тут железная сенова рука зажала ему рот и молодой дружинник торопливо оттащил его подальше от ворот, на улицу.

– Что ты орешь? – понизив голос, заругался на него Свен. – Тоже в подвал захотел, разрази тебя Перун?! Я отцу твоему шепнул в окошко, что ты здесь. Он говорит, чтоб ты домой шел, не вздумал князю да воеводе на глаза показываться. Легче ему будет, если тебя тоже в подвал посадят? Вот то-то. А батянька твой сам дорогу домой найдет, когда отпустят.

У Веприка голова кругом пошла: как можно отца одного здесь кинуть?! Вот оно, богатство-то чужое, прав был батя-

нюшка, как будто чувствовал, что погубит оно его!.. Что делать-то теперь?

– Эй, парень! – сердито сказал Свен, разгадав мысли мальчика. – Не дури! Не делай хуже. Вернется батя, не у печенегов ведь в плену... Тебе ночевать-то есть где?

Не хватало только Веприку побираться теперь по всему Киеву. Пришел вчера еще с отцом, с богатством золотым, с мехами драгоценными, а стал сиротой голодным, холодным, ночующим где попало...

– Переночую, – буркнул он, не глядя на Свена.

– Ты, может, есть хочешь? Есть кому покормить-то?

– Покормлюсь.

Ему бы только из этого Киева выбраться – а в лесу не пропадешь. И не заблудишься, как в городе.

– Ты, знаешь что, ты возьми-ка мою рубашку на всякий случай, – сказал вдруг молодой дружинник. – Возьми, не кривляйся!

– Обойдусь.

– В наших краях, на севере, обычай есть: два воина рубашками меняются. Значит, обещают помнить друг о друге, – пошел на хитрость Свен.

– Моя рубашка на тебя не налезет! – мрачно сказал Веприк.

– Тебя зовут-то как?

– Вепрем.

– Батяня, наверно, назвал, чтобы сильным рос!

– Чтобы упрямым был! – ответил мальчик и наконец-то поднял на дружинника глаза.

– Оно и видно! – пробормотал Свен, стаскивая кольчугу.

Следом за кольчугой он скинул и меховую, крепкую рубашку из овчины, расшитую светлыми бляхами и, не успев Веприк понять, что происходит, ловко одной рукой подхватил кольчугу, а другой – швырнул рубаху мальчику под ноги. Повернулся и исчез в толпе, голый по пояс. Веприк было кинулся за ним, но испугался потерять чужую хорошую рубашку, вернулся, а когда поднял ее, Свена уже след простыл. Люди вокруг посмеивались. Веприк стоял на площади с подарком в руках.

К Чернобороду, он знал, дороги ему не найти: надо было меньше на отца полагаться и больше по сторонам глядеть, а теперь уж ничего не поделаешь. В сторону княжеского двора смотреть даже было страшно: а вдруг узнали уже, что ему тоже тайна клада ведома? Вдруг только и поджидают, чтобы схватить и в темную яму в подвале бросить?

Надо было выбираться к Днепру, за которым шла дорога в родные леса.

Солнечный свет медленно угасал, прохожих на улице становилось меньше и Веприк торопливо пошел в ту сторону, откуда плыл по воздуху влажный речной дух. Это было непросто: дорогу все время перегораживали дома и заборы, но наконец он увидел реку – далеко внизу под собой, под вознесшимся круто в небо защитным земляным валом. Воз-

вращаться в темный город ему не хотелось и он полез вниз, проехал сколько-то на спине, ободрал ладони, но наконец попал на большую площадь у реки, где в темноте ворочалось еще довольно много народа: некоторые укладывались спать под навесами, а некоторые возились с телегами и лошадьми. У навесов горели костры.

Веприк с большим облегчением понял, что попал на торговую площадь. Он пошел выбрать себе место на ночь. Маленький охотник чувствовал, что ночью должен быть заморозок и надел свену рубашу. Тут он почувствовал, как его злость на непрошеного дарителя хочешь-не хочешь проходит: уж больно хорошо грела рубашка, хотя и была ему намного ниже колен, словно у девчонки. Свои-то теплые вещи он оставил у Черноборода.

Он попробовал пристроиться у телеги с сеном, стоявшей недалеко от навеса, но оказалось, что место уже занято.

– Сюда нельзя. Я здесь по торговой надобности! – сердито сообщил обитатель сена, высовываясь наружу.

Веприк тут же узнал чудного грека, помогшего им с отцом разозлить великого князя.

– Дядя грек! – обрадованно сказал он. – Помнишь – сегодня утром? Моего батю дружинники поймали, а ты убежал!

– Да, – согласился грек. – Я бежал, как олень! За мной гнались русские воины, известные своей свирепостью и непобедимостью, но я не сдавался, я отважно... бежал, пока не убежал!

Веприк не заметил, чтобы за греком кто-то гнался, поэтому он хотел возразить, но тот не дал ему вставить ни слова и с воодушевлением продолжал:

– Но они меня выследили! Когда я пришел домой на греческий двор, меня уже поджидали два дружинника, делали вид, что выбирают ткани...

– Ты точно знаешь, что они за тобой приходили?

– За чем же еще? – обиделся грек. – Я же имел смелость поспорить с самим великим князем!.. Мальчик, ты должен меня спрятать! А весной я тайно сяду на корабль, отправлюсь в свою родную Nikeю и напишу там книгу о диких нравах русских людей!

Веприку казалось, что чужеземец как-то неправильно пересказывает события прошедшего дня, но ему хотелось поближе познакомиться с таким ученым человеком: как много он мог рассказать о Змее Горыныче! И потом, если он хочет узнать о диких нравах, нигде лучше Березовки ему этого не сделать, достаточно только посмотреть на Матрену.

– Я завтра иду домой в деревню, – сказал Веприк. – Если хочешь, пойдем со мной.

– Добрый мальчик! – вскричал грек так энергично, что с него посыпалось сено.

Они соорудили себе по гнездышку в теплом сене и мирно проспали до утра, пока сердитый хозяин не пришел и не прогнал их, заставив сначала собрать раскиданный товар.

Глава 9. Дорога домой без батяни

А утром стало понятно, что домой Веприку не добраться: перед ним лежал Днепр, великая русская река, до середины которой, как известно, не всякая птица долететь может, – и дом был за лесами, на том берегу. У кромки воды с рассвета толкались перевозчики с лодками, но ни у Веприка ни у грека не было при себе ничего ценного, чтобы оплатить перевоз.

– Придется с себя какую-нибудь одежду снять, – решил мальчик. – Нам на тот берег надо.

– Какой ты однако дикий мальчик! – немного свысока отметил грек, оглядывая Веприка. – В наше образованное время такую простоту уже редко отыщешь!

– У вас в греческой земле, может, и редко отыщешь, а у нас таких диких мальчиков полным-полно, – обиженно буркнул Веприк.

– Твоя грубая мохнатая рубашка расшита – чем бы ты думал? Неужели ты никогда не видел серебряных монет из арабского царства?

Веприк монет не только до того дня не видел, он даже не знал, что это такое. Все покупки вокруг него совершались по старому русскому обычаю с помощью ценных звериных шкурок, которые и служили русским людям деньгами.

– И много на такие монеты можно купить? – удивленно спросил Веприк, изучая на рубашке опоясанные рядами

светлых кружочков рукава, горло, подол и грудь.

– Я не знаю, какую цену могут иметь деньги в вашей стране, где люди даже не знают, что это такое, а у меня на родине за одну такую монетку можно купить, например, кувшин с маслом.

– А переехать на другой берег хватит?

– Я бы сказал, за одну монету нас раз пять должны перевезти туда и обратно.

Веприк удивленно покачал головой и на всякий случай передел рубашку шиворот-навыворот: не так красиво, зато безопаснее.

Веприк с греком выбрали лодочника подороже на вид и оторвали с рубашки одну из серебряных монет. Мужик при виде монеты совсем не удивился: с ним, наверно, нередко расплачивались такими денежками. Мальчик полез в лодку, но Фукидид заупрямился.

– Много с тебя будет, жадный человек! – заявил он перевозчику. – Ты должен по справедливости дать нам что-нибудь взамен,

Веприк не успел напомнить греческому скандалисту, чем кончились его поиски справедливости при дворе киевского князя, из-за которых они должны были сейчас бежать из города.

– Дай нам в обмен мешок гороха! – нудил грек.

– Где я возьму тебе мешок гороха?! – рассердился на него лодочник.

– Ты должен вернуть хотя бы половину этой прекрасной монеты!

– Так бы сразу и сказал, – успокоился лодочник и полез в лодку под лавку.

Вылез он с топором. Не успел Фукидид закричать о кроважидности и свирепости русских лодочников, как мужик пристроил монетку на прибрежном бревнышке и ловко разрубил ее пополам. Одну половинку он вернул, а вторую с большим удовольствием спрятал у себя.

Веприк, сидя в лодке, прощался с уплывающим от него Киевом: он не полюбил его и был бы рад, что уезжает, если бы рядом сейчас был батяня. Он не жалел о потерянных мехах и золоте: Веприк привык иметь немного, а если ему требовалась новая вещь, он делал ее сам – из дерева или глины, которых вокруг всегда достаточно. Маленький охотник не позволял себе унывать, он знал, зачем едет домой: ловить дракона. А там видно будет... Было бы еще видно, как его ловить, этого дракона.

До вечера шли они с греком по лесной дороге в компании других пеших путников. На лужах потрескивал ледок и люди были все румяные, взбудораженные первым морозцем. На половину арабской монетки купили себе много еды и кресальце – огонь высекать. Вместе с несколькими попутчиками переночевали в придорожной деревне. Фукидид интересно рассказывал о родных краях, но, Веприку казалось, много врал: трудно поверить, что где-то зимой не бывает снега.

На следующий день дорога стала пустеть. Веприк уже с опаской прислушивался к доносившимся время от времени шагам: не разбойник ли? Ближе к вечеру он свернул с дороги и повел своего греческого спутника так, что солнце светило им в левый бок.

– Куда это мы направляемся? – забеспокоился Фукидид. – Ты что, хочешь, чтобы я сломал себе ногу в этих буреломах?

– Страшно одним на дороге, в лесу-то веселее. Да и ночевать где-то надо.

– Как?! Ты хочешь сказать, что и сегодня мы не дойдем до твоей деревни?!

– Сегодня не дойдем, – с уверенностью ответил мальчик. – Нам идти еще недели две.

– А! – вскричал Фукидид – Коварный маленький дикарь! Ты заманил меня в лес, чтобы убить! О, я несчастный! Что ж ты медлишь? Бей меня в темя своей ужасной дубиной!

Веприк с удивлением снизу вверх посмотрел на греческого гостя: Фукидид хотя и не отличался богатырским сложением, однако был взрослым мужчиной, и довольно высоким, – против худенького белобрысого восьмилетнего мальчика. Стукнуть было нечем. Веприк вздохнул: скандальный попутчик уже успел надоесть ему.

– Нету у меня дубины, дядя Фукидид, – сказал он.

– А! – с облегчением воскликнул грек. – Тогда пошли дальше.

Веприк не стал ему напоминать, что в лесу можно отло-

мить по десятку ужасных дубин с каждого дерева.

На ночь он заставил Фукидида забраться в большое высокое дупло на дубе, и, хотя грек еще несколько раз принимался жаловаться, что юный спутник хочет его смерти, они провели ночь очень уютно.

– Мы будем ходить по вашей ужасной стране, где нет даже дорожных указателей. В конце концов мы замерзнем и умрем, – заявил грек, узнав утром, что на дорогу они возвращаться не собираются.

– Нет, – возразил Веприк. – Вот, посмотри, дядя Фукидид. Видишь, на пне мох? И вон на том тоже, и на том. Видишь, мох гуще растет с одной стороны, а с другой – лысина. Вот нам и надо в ту сторону, куда мох показывает, тогда придем к реке. А там уж до дома рукой подать. В лесу не заблудишься.

– О боги! И мы пойдем туда, куда показывает какой-то дурацкий мох? Непонятно, кто глупее – он или мы... И что мы будем есть? Что ты суешь мне эти отвратительные сырые грибы?.. И почему себе взял больше, чем даешь мне?.. Я бреду по ужасному русскому лесу по колено в снегу...

Фукидид не замолкал ни на минуту, а Веприк мрачно молчал, сгорая от желания накормить грека мухоморами.

– А это что? О! Еда! Боги сжалились надо мной! – завопил Фукидид, обнаружив в маленьком углублении под веткой осины три лесных ореха.

– Не трогал бы ты чужое, дядя Фукидид! – сказал Веприк. – Тебе это все равно на один зуб, а белке – запас.

– Ну вот еще! Белка себе еще найдет, а я умираю с голоду! – объявил грек, готовясь ворованным орехом закусить обед из большого ломтя хлеба и спелой ежевики. – Ай!

Еловая шишка врезалась ему в глаз и отлетела на землю. Это была очень увесистая шишка, белке было тяжело кидать ее, но результат вознаграждал старания: греков глаз опух и стал наливаться синевой.

– Ты! Ужасная русская белка!.. Только в вашей дикой стране белки могут быть такими кровожадными! Ай, как больно!.. Ну где еще белка может напасть на человека?

Вечером Фукидид попытался сбежать. Им снова повезло: нашлось большое удобное дупло, но Фукидид отказался в него лезть.

– Если разобраться в этом вопросе, – заявил он, – дупло – не такое уж безопасное убежище.

– В дупле безопаснее, чем на земле, – начал объяснять Веприк. – Туда не добраться ни волкам, ни вепрям, да и медведь в дупло не полезет. Если только рысь... дядя Фукидид! – невероятная догадка осенила юного охотника. – Скажи честно: ты боишься, что на нас нападет белка?!

– Нет! – не пожелал признаться грек. – Конечно, одна белка не решится напасть, нас же двое... А если их будет стая?

Мальчику ничего не оставалось делать как забраться в дупло в одиночку. Не мог же он втащить Фукидида на дерево. Его чужеземный приятель посмотрел вокруг себя, потом быстрым решительным шагом несколько раз обошел вокруг

дерева и остановился прямо напротив Веприка. Постояв, он неожиданно взвыл на весь лес:

– Вепря! Вепрюшка! Ау! Я тут!

– Что ты воешь? – воскликнул испуганный мальчик.

– Я заблудился, – жалобно отвечал грек.

– Куда ж ты шел? – поинтересовался Веприк, гадая, куда можно идти вокруг одного и того же дерева.

– В Киев, – тихо признался беглец.

Веприку жалко стало бедного грека. Как Веприку тесно было в городе, так и Фукидиду неуютно было в живом лесу.

– Иди спать, дядя Фукидид, утро вечера мудренее, – сказал мальчик, заметив, что говорит совсем как маманя, когда она Дуньку успокаивает. – Придем скоро домой в Березовку. Бабушка блинов напечет, медку поешь. Скоро колядка, праздник, весело будет... У нас колядки, знаешь, все какие веселые! В зверей наряжаться будем, угощенье печь... Спи, дядя грек.

Сон был хороший: снова привиделась мама. "Вепрюшка, родненок мой, – говорила она. – Не замерз ли? Не страшно в лесу без батяньки?" "Не печалься, мать, – раздался вдруг батянин голос, – и ребенка не пугай." Веприку стал виден батя – словно он сидит в другой темной комнате, по соседству с маминей. "Да как же мне не печалиться? – спросила маманя. – Дитенка с собой в город потащил и одного оставил! А дитенок по лесу теперь голодный и холодный шныряет! И грека, бедного, за собой водит. У вас, у Лешаков, голова на

плечах у кого-нибудь есть или нету?" Во все продолжение мамкиной речи Тетеря исподтишка подмигивал сыну и пожимал плечами. Да и маманька ругалась как-то не всерьез. "Вы что скоморошничаете-то?! – возмутился наконец Веприк. – У вас дома дети сиротки, а вы веселитесь!" – "Да ведь недолго уже осталось, потерпим," – сказала маманя. "А кто ж вас освободит-то?" – "Ты, Вепрюшка. Больше никому." – "Или ты или Илья Муромец," – уточнил отец.

Проснулся мальчик довольный: сон ему понравился, хотя Веприк и не понял, что он означал. Ему ли самому спасти маманьку с батей? Или надо идти в Чернигов, просить Илью Муромца? Или родители просто шутили с ним?

В последующие дни путники шли на север, питаясь хлебом, грибами, ягодами, орехами, ночуя то у костра то в дупле или в развилке сучьев. В прихваченном ночными морозцами лесу появилось новое лакомство – рябина.

– Кислая! – ворчал Фукидид. – От нее зубы болят.

Бесполезно было объяснять греку, что клал бы он рябины в рот поменьше – и зубы не болели бы. Фукидид брюзжал об ужасных русских людях, о лесных чудовищах: белках и всяких других, о снежных сугробах и ледяных заносах, которые ему приходится преодолевать – хотя снег еще и не выпал ни разу, а лед на лужицах и в лосиных копытцах был такой толщины, что утром таял от одного только солнечного лучика... Чтобы спутник болтал поменьше, мальчик учил его русским песням;

Ой вы, гуси-лебеди,
Где ж вы летали, милые,
Где ж вы, гуси, летали,
Кого вы, гуси, видали?
Не летали вы к моей матушке?
Не видали вы мою милую?...

Песни были и грустные и веселые, идти под них было радостно. Одно было плохо: прошли уже две недели, а никакой реки в помине не было.

Глава 10. Волк

Потом случилось несчастье. Шли по лесу, пели песни. Веприк беспокоился, что идут неизвестно куда, но виду не показывал. Давно надо было дойти до знакомой речки, потом пройти день-два вдоль нее против течения, а там уже – человеческое жилье и брод рядом, а дальше – две деревни и родная Березовка. А речка как сквозь землю провалилась. Фукидид спел про лебедей и придумал дальше:

Ой вы, орлы-соколы,
Где ж вы летали, милые,
Не видали вы мою женушку?
Мою женушку, Ифигениюшку ?..

Веприку стало казаться, что кто-то смотрит на них пристальным взглядом. Люди были далеко, а зверей они не очень боялись: лучшей защитой был Фукидид с болтовней и песнями. Звери шума не любят – поэтому лесные обитатели держались от них подальше. Маленький охотник с недоумением начал озираться, а потом и вовсе остановился, подав знак приятелю, как всегда делал отец. Греку его знак был абсолютно неинтересен, он продолжал шагать дальше и распевать во весь голос. И тут кусты сбоку дрогнули и им наперерез, уже не прячась, вышел крупный волк.

Веприк замер в ужасе, а Фукидид, обернувшись, крикнул "Ну, чего ты там, мальчик!.. Ой, кто это? Кыш!" Кроме белок

грек в лесу никого не боялся. Волк низко нагнул голову и оскалил клыки. На боку у него чернела запекшаяся кровь: этого зверя, наверно, выгнали из стаи и теперь он, больной, охотился в одиночку. Ему было некогда разбираться, тихо или не тихо ведет себя добыча. Добыча была ему по силам и ее надо было скорее есть.

Веприк был ниже спутника, поэтому волк, не помедлив и секунды, молча бросился на него. "Кыш!" – смело завопил Фукидид. Зверь был тяжелее мальчика и мог очень легко подмять его под себя и перекусить горло. Можно было бы попробовать бросить в него камнем, а вдруг попадешь в глаз, но Веприк не успел подумать об этом. Он сделал единственное, что показалось ему возможным: падая под тяжестью противника, сунул руку прямо волку в пасть, как объяснял ему батяня. Без руки жить можно, а без горла – нет. Волк сжал челюсти и маленький охотник закричал от боли. Не помня себя, он продолжал одну руку толкать все дальше зверю в глотку, а другой вцепился ему в ухо. Был бы волк поменьше, он мог бы давно откусить мальчику ладонь, Веприку повезло, что она прошла сразу целиком в волчью пасть, а зубы попадали теперь на складки свеновой меховой рубашки и на драгоценные арабские монеты, густо нашитые на рукаве. Стоило волку чуть приоткрыть рот, как Веприк толкнул руку еще дальше, прямо ему в горло. Зверь стал задыхаться, но рот у него уже не закрывался. Он начал отбиваться от маленького человека, но тот не сдавался и никак не хотел от-

стать. Волк хрипел, метался и наконец, рванувшись, в ужасе отбросил от себя свою неполучившуюся легкую добычу и, не разбирая дороги, бросился бежать.

У Веприка рука была вся изранена, но цела, лицо и грудь были расцарапаны, а от рубашки Свена, в который раз вырвавшейся его, остались одни лохмотья. Он с большим трудом поднялся и тут же ноги у него опять подкосились. Прошло немало времени прежде чем Веприк пришел в себя. Сначала он долго благодарил русских богов за спасение, а потом вспомнил про Фукидида...

Грек нашелся неподалеку – безмолвно вытянувшийся на трухлявом березовом пеньке. Влезть на дерево у него, похоже, не получилось, поэтому он встал на пенек, хотя и трудно было придумать, от какого зверя он на нем мог спастись. Разве только от утки.

На крики Фукидид решительно не отзывался, Веприку пришлось поискать его. Для начала Фукидид решил, что к нему пришло привидение. Он соскочил на землю и хотел убежать. Потом он подумал, что на пеньке все-таки будет надежнее и влез обратно. Зато когда выяснилось, что его юный приятель жив, радости грека не было границ. Он обнимал мальчика с таким жаром, что нанес ему едва ли не больше повреждений, чем волк.

– Это был медведь? – деловито осведомился Фукидид наконец.

– Что ты, дядя Фукидид! Что ж ты волка от медведя не

отличаешь?

– В виде шкур отличу, а живого мне, образованному греку, видеть и не обязательно... А кстати, где его шкура?

Кое-как завязали раны Веприка тряпчочкой, оторвали левый рукав у его полотняной рубашки и натянули на правую, израненную руку. Сверху Веприк надел остатки свеновой рубахи, добрым словом помянув киевского воина. Фукидид предлагал отдохнуть, но Веприк боялся, как бы волк не вернулся и уговорил грека пойти дальше. Он все надеялся, что река вот-вот появится перед ними, что почувствуют они ее влажное дыхание, но лес становился все гуще.

На ночь путешественники забрались на дерево и, как смогли, привязали себя к ветвям полосками коры. От их беспечности не осталось и следа. Веприк всю ночь не спал: боялся свалиться, мучался от боли в раненной руке и все гадал, выберутся ли они когда-нибудь из леса.

Утро тоже никакой радости не принесло. Рука болела еще сильнее. Фукидид догадался, что они заблудились. Трава и деревья были покрыты толстым мохнатым инеем. Грек простудился и все время чихал. С деревьев за одну ночь облетел весь их пестрый наряд и они остались черные, голые и страшные. Веприк с трудом шел вперед, еле сдерживая слезы. (В те древние времена хорошие, смелые мальчишки плакали еще меньше, чем сейчас. А плохие мальчишки – те и тогда ныли очень много... И так же противно.)

Грек уселся прямо на мерзлую землю и больше вставать

не хотел.

– Зачем мы все время куда-то идем, если все равно не знаем куда? – задумчиво проговорил он. – Это совершенно бесполезно... Я погибну от голода в ужасной Руси и дикие белки обглодают мой скелет! И правильно сделают. Не надо было сюда ехать...

– Постой, дядя Фукидид. Что это?

Между деревьями тихо шевелилось что-то светлое, которое, приблизившись, превратилось в красивого старца с белой бородой и совсем босого.

– Ого! – сказал старец, подходя ближе. – Ущипните меня, чтобы проснуться!

– Уйди, дедушка, – забормотал Веприк, пятась от лесного человека подальше. – Ни щипать, ни бить я тебя не буду. Не надо мне твоего клада. Оставь ты нас в покое.

Оглядев две оборванные, красноносые фигуры, дед весело сказал:

– Похоже, вы давно по лесу ходите. Вы откуда такие неприветливые?

– Я из Березовки, – ответил мальчик. – А ты что, можешь дорогу показать?

– А я из Рябиновки, – сказал дед. – Да вон она виднеется. Теперь понятно было, что за деревьями темнели стены избышек и забор вокруг деревни и что находятся путники не в чаще, а почти на самой опушке.

– Дедушка! – со слезами закричал Веприк. – Я ж тебя за

привидение принял!

– А я вас за полоумных принял, – с удовольствием сообщил дед. – Ты чей будешь?

– Тетерин сын, охотников.

– Да ну?! Лешачонок? Знаю твоего батьку... И про маманюшку твою слышали, как ее змей унес. Ох, беда...

За деревьями булькала и стучалась о камни речка. Оказалось, Веприк с Фукидидом на своем пути немного повернули вправо и вышли прямым ходом к броду.

В теплой избе толстая добрая тетка отмочила раны Веприка в травяном настое, отважных путешественников накормили, помыли в бане, положили спать, а утром пожелали им доброго пути. К вечеру они уже подходили к родной Березовке.

Глава 11. Грек Фукидид в Березовке

Едва поцеловав бабушку и сдав ей Фукидида на попечение, Веприк побежал за Дунькой. Он увидел ее издали: девочка, в теплой рубашечке и теткинном шерстяном платке, сидела на корточках возле деревянного столба, куда чернавин муж вешал рыболовную сеть. При виде брата она сразу вскочила на ноги. Он думал, она побежит ему навстречу, но Дунька стояла на месте и хлопала глазами. Веприк ухватил ее, толстушку, на руки и только тут обнаружил, что от сестренкиной ноги тянется через двор веревочка.

Тут и Чернава вышла на шум.

– Вепрюшка! – закричала она, всплескивая руками. – Живой!

– Тетя Чернава, что ж ты Дуняшку, как собачку, привязала? – сказал Веприк и заплакал.

В Киеве, когда батю в подвал посадили – и то не ревел. Не плакал, пока шли по холоду вдвоем с Фукидидом. Руку волк разодрал – даже это вытерпел. А увидел Дуняшку на веревочке – и все непролитые слезы разом хлынули из глаз.

– Ну что ты, Вепрюшка, – твердила растерянная тетка, обнимая его. – Я ж как лучше хотела. Посмотри: девчонка теплая, накормленная, не могу ж я все бросить и за ней смот-

реть...

Дунька прижималась к брату и тоже ревела – жалела Веприка.

В лешаковском дворе собралось уже полдеревни: знакомились с чужеземным гостем. Веприк издали услышал как бортник Добрило, показывая по очереди пальцем, называет свою семью:

– Это сын мой старший, Бобр. Понимаешь?

– Понимаю, – отвечал Фукидид, шмыгая носом. – Шубы еще бобровые бывают.

– Это мой младший сын – Бобрец. А это я – Добрило.

– Я очень рад нашему знакомству, уважаемый Бобрило, – ответил грек, у которого от насморка, наверно, заложило уши. – А почему у вас имена такие одинаковые?

– А у нас такой русский обычай: одно имя на всю семью, – радостно принялся врать Бобр.

– На всю деревню! – подсказал Бобрец.

– Старший мужчина кончается на "о". Вот помрет батя – буду я Бобрило, – сообщил Бобр.

– А я еще маленький, Бобрец пока что, – стараясь оставаться серьезным, сказал Бобрец, который был на голову выше своего здоровенного отца.

Грек не знал, верить ему или нет

– А детей у вас как зовут?

– Бобрики и Бобрятки. А жены – Бобрихи.

– Тетеря, хозяин здешний. Вот он из другой деревни, у

них там все Тетери. Его по-настоящему Тетерило зовут.

– А меня Чудило, – крикнул Чудород.

Слушатели уже не могли сдерживать хохота, но тут пришла жена Бобра Груша и помешала веселью.

– И не стыдно вам? – сказала она. – Человек из таких далеких краев приехал, чтоб на вас, озорников, любоваться...

– Не беспокойтесь, госпожа Бобреха, – вежливо ответил грек. – Я слушаю ваших родственников с большим интересом.

– Хороший ты человек, Фудя, ласковый, простодушный, – сказал, утирая слезы после хохота, Добрило, пошарил за пазухой и выдал гостю кусочек сот в утешение. – Я таких люблю. Весело тебе жить у нас в деревне будет.

Фукидид до темноты с большим удовольствием общался с народом. Бабушка повязала ему на спину свой теплый платок и стал он похож на дунькину подружку, только бородастую. Грек подробно рассказал березовцам, как они с другом Тетерей бунтовали против великого князя Владимира, как вдвоем храбро сражались против всей его княжеской дружины – и Тетерю победили, а Фукидида нет, потому что он дрался, как вепрь, бежал, как олень и прятался, как лиса, и был неуловим и опасен словно ужасная русская белка. Рассказал, как переплыли Днепр с ужасным лодочником, который под лавкой прячет топор, как шли по дремучему лесу, отбиваясь от диких зверей, которые кидали в них шишками. Рассказал и о храбрости Веприка, победившем огромно-

го волка, но не догадавшимся снять шкуру.

– Я ученый грек! Я море переплыл! – хвастал Фукидид. – Я могу говорить на пяти разных языках и много путешествую по торговым надобностям. А когда я вернусь на родину, я напишу книгу о дикой Руси и ее обитателях.

– А как же твою-то жену змей унес? – спросила Груша. – Неужели он и к вам, в греческие земли летает?

– Ах, я сам виноват: я так любил свою Ифигению, что без конца слагал о ней песни и пел на улице:

"Дева златоволосая, гордость Nikeи,
Гордо ступает, прелестная, стройной ногою,
Мне ли подаришь свой взгляд, белолицая дева?
Я от любви и восторга безмолвен стою!.."

Фукидид принялся хлюпать носом – то ли от горя то ли от насморка – и женщины начали жалеть его и совать пирожки.

Веприк распахнул глаза от восторга: перед ним сидел человек, который своими руками приманил к себе во двор Змея Горыныча. Оставалось только повторить его подвиг.

Глава 12. Как подманить змея Горыныча

Бортники повадились ходить к Веприку каждый день. Они, сильные и дружные, много помогали осиротевшим детишкам по хозяйству и подолгу болтали с Фукидидом, который наконец разобрался, что Добрилу зовут вовсе не Бобрилой.

Улучив минуту, когда грека не было поблизости, Веприк сказал бортникам:

– Батяня сказывал, Змея Горыныча подманить можно... Помог бы кто!

– А тебе зачем? – с интересом спросил Бобр.

– Да вот я все думаю: если мы всей деревней яму рыть бы стали – неужели не поймали бы зверя?

– Дай-ка подумаю, – молвил Добрило. – Это ведь, можно сказать, большая змея... Разве получится змею в яму поймать? Все равно ведь вылезет.

– Значит так, – с удовольствием принялся объяснять Бобр. – Роешь яму – длинную такую. Берешь змею за оба конца, растягиваешь и кладешь ее в яму. Хорошо еще сначала ее головой об камень стукнуть, чтоб не вырывалась...

– И пускай вылезает, – ответил Добриле мальчик. – Если там на дне колья будут острые, они брюхо-то змее вспо-

рют, а там пусть лазает – с распоротым-то брюхом... лишь бы шмякнулся в яму с разлета!

Медоходы зашумели, начали прикидывать, как можно заставить поганого змея свалиться в яму, но тут голос подал дедушка Пятак Любимыч:

– Ну поползает он по деревне, пожжет деревню и подойдет... зачем это?

– Как зачем?! – закричали на него. – Как же змея-то не убить?

– Ну убьете, что за радость? – настаивал Пятак Любимыч.

– Дед, ты вообще за кого: за нас или за змея? – возмутился Бобрец. – Смеяну он унес, ты забыл что ли? И Пелгусия, родственника твоего! И эту – фудину жену, Фигунюшку.

– Да толку-то что?! Как вы их найдете, если змея в Березовку заманите и здесь уколошите?! – закричал дед, сердясь на глупое свое потомство. – Он вам мертвый дорогу назад не покажет!

Заговорщики растерянно замолчали.

– Вот если бы прицепиться к этому чудищу, полететь и посмотреть, где оно живет! – пробормотал Бобр.

– Или лучше – кого-нибудь прицепить, – сказал трусливый Чудя, тоже участвовавший в разговоре.

Веприк встал и медленно пошел к избушке. Он рассеянно покрошил хлеба ручным голубям, которых Тетеря птенчиками из леса принес и которые теперь жили у них под крышей. Потом мальчик так же медленно обошел двор по кругу

и вернулся назад.

– Я знаю, кого прицепить, – сказал он. – Надо только песню хорошую придумать, чтобы дракон узнал, что у нас в деревне еще красавица есть.

Заговорщики взволнованно подались вперед и долго шептались, перебивая друг друга, тихо ругаясь и споря.

– А давайте Матрешеньку мою ему отдадим, – неожиданно предложил Чудя. – Я, конечно, без нее засохну с горя,.. – сообщил он печальным голосом. – Но с ней я засохну гораздо скорее!.. Как там у грека было в песне? "Дева, гордость Nikeи". Будет "гордостью Березовки".

– Какая же Матрена дева, когда она баба? – сердито спросил Добрило.

– Ну пусть баба, – тут же согласился Чудя. – Тоже красиво звучит: "Баба – гордость Березовки!"

– И не белолицая она, а совсем наоборот – краснорожая. – добавил Бобр.

– "Гордо ступает, прелестная, стройной ногою", – пропел его брат стихи Фукидида. – Вы что, с ума сошли? У нее же ноги, как у поросенка!

– Толстой ногою! – придумал Добрило. – "Гордо ступает, страшная, толстой ногою!"

Дедушка Любимыч прочистил горло и с чувством пропел:

– "Баба черноволосая, гордость Березовки,

Твердо ступает, страшная, толстой ногою,

Мне ли подаришь свой взгляд, краснорожая баба?

Я от страха и ужаса безмолвен стою!"

– Не "безмолвен стою", а "со всех ног убегаю!" – поправил Добрило под общий хохот.

– Ребята! – воскликнул Бобр. – Надо Фукидида попросить новую песню сложить! А мы возьмем гусли и пойдем споем ее по деревням, чтобы слухом земля наполнилась: мол, в деревне нашей живет царевна-королевна-красавица... Прилетит, поганый, еще как прилетит! Вот чувствую: прилетит, никуда от нас не денется!

– Точно! – зашумели медоходы. – Хоть до Киева дойдем! Вдоль по речке, по всем деревням! Повсюду, по всей Руси песни петь станем!

– И повсюду нам по шее надают, потому что петь мы не умеем никак! – радостно добавил Пятак Любимыч.

Веприк той ночью никак не мог заснуть: все думал, как лучше выполнить свой план. Его мучила совесть, потому что дело он затевал не очень честное и Фукидиду всего рассказывать не хотел.

За бревенчатыми стенами избышки выл осенний ветер, нес зиму. В шуме ветра ему слышались чьи-то тяжелые шаги. Он полежал, прислушиваясь, потом встал и подошел к двери. Шаги вокруг дома слышались громче и, кроме шагов, стало доноситься рычание. Вспомнились страшные сказки про медведя на одной ноге. Мальчик помедлил еще, а потом рывком распахнул дверь и ступил наружу. В полной темноте впереди него поблескивали два крошечных огонька – медве-

жьи глаза. Зверь пристально смотрел на мальчика, не шевелясь и не издавая ни звука. Веприк рассмотрел темную медвежью тушу. Медведь поводил мордой, пробуя запах, шедший из избы. За лесом бесшумно полыхнула синяя зарница, обведа светом массивную медвежью спину.

– Чего надо? – осмелев от страха, хрипло спросил Веприк.

Зверь не отвечал. Небо полыхнуло еще раз и он заметил, что сбоку, у стены возятся еще два черных пришельца, поменьше и покруглее. Медведица, понял мальчик. У него сердце сжалось.

– Чего смотришь?! – крикнул он со слезами. – Убили батяню вашего? Теперь меня съесть хочешь? На, ешь! У твоих медвежаток хоть мать осталась, а мы одни теперь на всем свете – погляди, пустая изба!

Про пустую избу он, конечно, сгоряча закричал: там кроме Дуняшки еще бабушка спала у печки да грек гостил. Медведица внимательно смотрела на него. Потом наклонила морду, повернулась и пошла прочь. За ней косолапо поспешили ее мохнатые дети. Веприк стоял у порога, тяжело дыша – и от страха, и от радости, и от жалости к себе, к Дуньке, к медвежатам этим, у которых его батяня отца убил.

Всю ночь его тревожил пристальный, непонятный медвежий взгляд.

Глава 13. Песня о милых подругах

Бортники про обещание не забыли. На следующее утро привязались к Фукидиду с песней: сочини да сочини, мы долгими зимними вечерами любимым женам дома петь будем. Греку понравилось быть первым стихопевцем на деревне, но для важности он напустил на себя строгий вид:

– Не знаю, не знаю... У вас, у русских, все песни какие-то странные, все начинаются с "ой да" да с "ай да", как будто певца иголкой укололи...

– Ты сочини, как умеешь, а мы потом "ой да" сами поставим, – обрадовались мужики.

– Ну, ладно. В стихах женщину принято сравнивать с чем-нибудь прекрасным, например, с восходом солнца, речкой, песней соловья... вы с чем бы хотели сравнить своих милых подруг?

– С громом и молнией, – мрачно ответил Чудя. – И со смертельной болезнью, например, с холерой.

– Да хотя бы и с восходом солнца, – перебил Добрило, пихая Чудорода в бок, чтобы не мешал.

– Так... тогда будет вот как: "Вижу не дивный восход пресветлого солнца!"

– Ага, – поняли мужики. – "Ой да то не зоренька ясная", значит! Хорошо!

– Ну раз "не зоренька ясная", тогда еще "не рябинка крас-

ная", – немного сердито сказал Фукидид.

Поднялся радостный шум: начало песни всем очень понравилась.

– Только ты не забудь сказать, в какой деревне наши милые подруги живут, – предостерег Добрило. – Чтобы с соседскими не путать.

– Ага... Как называется это мирное селение?

– Березовка.

– Какой вы, русские, однако простой народ! Греки называют свои города в память богов и героев, а у русского стоит поблизости береза, значит, будет селение Березовка. Поймает женщина перед родами тетерева или вепря, значит так и назовет своего сына.

– Моя маманя бобра поймала, – с невинным видом сообщил Бобр. – Она перед родами на вепрей, на кабанов то есть, не охотилась, живот, говорит, мешал... бобров ловила.

– А моя поймала бобреца, – добавил Бобрец, родной его брат. – Но он у нее убежал... тоже такой бобер, но поменьше и с крылышками.

– А моя поймала добрилу, – доверительно сказал греку Добрило.

– А какие деревни есть поблизости? – спросил Фукидид, с некоторым подозрением обведя глазами хихикающих собеседников.

– С той стороны рощи есть деревня, – ответил Веприк, сделав балагурам сердитые глаза.

– А каково название той деревни?

– Так Березовка же.

– Да. Я и сам бы мог догадаться, – сказал грек, задумчиво помолчав. – А есть ли поблизости еще деревни с тем же именем?

– Там дальше за Березовкой есть другая Березовка, – ответил Добрило. – Я милую свою подругу, жену то есть, оттуда привез.

– За какой Березовкой есть еще Березовка? – уточнил грек. – За нашей Березовкой или за той Березовкой, которая на другой стороне рощи березовой?

– За той Березовкой, за ненашей, – не смутясь отвечал Добрило. – А за нашей Березовкой, вон там, лесом и немного в сторону, там есть черная топь. У нас там коза утонула.

– А кроме Березовок есть у вас какие-нибудь места? – довольно сердито прервал его Фукидид.

– Конечно. Ну... Киев есть, мать городов русских. А на что тебе?

– Так как нам по-вашему начинать? "Как во селе да во Березовке, да рядом с другой Березовкой, за которой еще есть Березовка, ах да жила краса-девица"?!"

– Молодец, Фудя! – загомонили мужики. – Вот как плетет складно!

– "Ой да то не зоренька ясная,

Ой да не рябинушка красная,

То живет да во Березовке, (а за ней еще Березовка, а за

той еще Березовка),

Краса-девица, ненаглядная!" – мечтательно повторил Бобрец. – Ох, прямо за душу берет! Ай да Фудя!

– Да, – скромно согласился грек. – Есть в этих строках какая-то примитивная прелесть...

– Нам бы теперь ее выучить, эту песню...

– Как?! Это все, то вам нужно? – изумился Фукидид. – А как же долгие зимние вечера – как же вы будете петь такую короткую песню?

– Ничего, мы ее повторять будем, – пообещал Пятак Любимыч. – Нам бы хоть это все запомнить.

– Я мог бы слова написать, – потер свой большой нос Фукидид. – Но у меня нет с собой письменного прибора... Воска в ваших дремучих краях, конечно, нету?

– Воска у нас сколько угодно, – успокоил его Добрило, сунув руку за пазуху и вытащив пчелиные соты.

Никеец оживился, поискал вокруг себя глазами, выбрал деревянную неглубокую мисочку и старательно натер ее донце воском. Затем, шепотом сам себе диктуя, довольно долго что-то там царапал острой палочкой на воске. Наконец он вручил свое произведение народу: скопление каких-то казюлинок, как птичка лапками ходила. До того момента ни один из березовцев никогда не видел, чтобы слова писали... Миска долго ходила по рукам, все качали головами, интересовались и потом отдали ее назад, так и не поверив, что грек изобразил на ней все, что только что сочинил.

– О, невероятная русская простота, – пробормотал грек. – Ладно, повторяйте все за мной... А кто это мне рожу на поэме накарябал?!..

Бортники недолго собирались: не прошло и трех дней, как они, починив старые гусли дедушки Любимыча и сделав из дерева пару дудочек, разошлись выступать по деревням: Бобр с Добрилой налево, Пятак Любимыч с Бобрецом направо.

Грек немного удивился исчезновению приятелей, но Веприк сказал ему, что бортники идут в лесу по следу большого стада пчел и Фукидид поверил, потому что про зверей знал очень мало: только про тех, с кого можно шкуру снять и продать. Греческий купец видел, какие шкурки приносит с охоты Веприк и глаза его разгорались от жадности.

Мальчик ходил в лес с Малом, чудородовым братом. Мал помогал ему, но сам все время приглядывался к его повадкам и местам, в которых Веприк ставил ловушки: маленький охотник лучше чувствовал, где их ждет добыча. Охота была неплохой, хотя до Тетери, конечно, им было далеко.

– Вы не представляете себе, какова цена этих мехов на юге! – волновался Фукидид, разглаживая кунью коричневую шкурку. – Весной мы все вместе поедем в Киев! Я самолично повезу эти меха в Nikeю и в Константинополь! О! Как удивятся мои родные! Я явлюсь в драгоценной, прекрасно выделанной по секрету русских мастеров, шкуре носорога...

– Кого шкуре?

– У вас не водятся носороги? – с подозрением спросил Фукидид. – Ладно, кто же у вас водится?

– Ежики, – подсказал Мал.

– Мех дорогой?

– Дорогой. И очень редкий, – заверил Мал без тени смущения.

– Ладно. Тогда я явлюсь в шкуре ежика...

– Да, твои родные очень удивятся, – согласился Веприк. – Когда ты к ним заявишься в шкуре ежика.

Стрибог, хозяин ветров, не заставил себя ждать: принес мороз от северных морей и навалил вокруг деревни высокие сугробы. Дети занимались нехитрыми зимними забавами: катались с горок, кидались снежками, лепили снежных баб. Веприку было не до забав, зато долговязая фигура Фукидида каждый день непременно появлялась на горке – в териных старых лаптях и шерстяном платке, повязанном на груди крест-накрест. Он плюхался на санки животом, неся вниз, а потом вскакивал, отряхивался и строго смотрел: не смеется ли над ним кто из детворы?

В остальное время Фукидид болтал с соседями, растирал бабушке Тихомире травы в мисочке, лепил пирожки. А тут еще Дуняшка, вредная малявка, повадилась в снегу валяться и ее все время надо было ловить и ставить сушиться к печке. Грек в этом деле оказался очень полезен. Рука Веприка хорошо и быстро заживала, спасибо бабушке, которая умела лечить травами. Время шло, приближался Коляда, праздник

зимнего солнцеворота, от которого светлый день начинает потихоньку удлиняться на чуточку, на воробьиный скок. С этого времени и до середины лета день все растет, а ночь укорачивается, а потом наоборот – начинает расти ночь и уменьшаться день, до нового солнцеворота. И так каждый год.

Однажды утром Веприк нашел у дверей мертвую косулю. На животном не было ни ран от оружия, ни следов зубов: спина была переломлена по-медвежьи, тяжелым ударом. Конечно, Веприк не забыл недавних ночных гостей. Он постоял, глядя на дальний лес – темный, молчаливый, хранящий в себе свои секреты, жалости и любви. На ночь мальчик поставил на улице по большой миске меда и молока – и не ошибся: миски чисто вылизали, а одну укатали до оврага, забавлялись, наверно. Потом были еще подарки: две косули и заяц, так что Фукидид с бабушкой накопили мяса на всю зиму.

Ближе ко дню солнцеворота вернулись из разных мест Добрило с товарищами. Их выступления имели такой большой успех, что парни из окрестных деревень начали приходить интересоваться, что за новая красавица объявилась в Березовке и откуда она взялась – с неба что ли свалилась?

Глава 14. Явление змея в день зимнего солнцеворота

Коляду отмечали всегда очень шумно: переодевались в разных зверей, балагурили, пели по дворам песни. Провожали старый, одряхлевший и потемневший, год и приветствовали рождение нового года, которого представляли в виде младенчика. Первый день праздника, самый короткий день в году, считается в народе даждьбожьим днем, то есть принадлежащим богу солнца.

– Ну кто кроме русских мог придумать такое? – ворчал Фукидид. – Дни солнца они празднуют посреди зимы!

Добрило достал облезлую козлиную шкуру, примерил ее на себя и начал трясти головой и сердито повторять: "Топы-топы ногами, заколю тебя рогами!" Он немного попугал своих многочисленных внучат, но внучата не испугались, а обрадовались: повалили деда в снег и оторвали "козе" одно ухо. Потерпев неудачу с малышкой, бортник решил пугнуть жену: мекнул на нее из-за сарая и мотнул привязанными на голове рогами. С женой у него получилось гораздо лучше: Светлана испугалась, завизжала и со страху выплеснула прямо на Добрилу горшок горячего борща. Добрило взревел, как дикий бык и, раскидывая вокруг себя вареную свеклу, бросился бежать во двор. Теперь и внучата испугались: ко-

гда из-за угла вылетело, завывая, ярко-красное взлохмаченное чудище с выпученными глазами. При этом ни один добрилин внук не побежал, а наоборот – все, как один, встали на защиту родного двора: в одно мгновение каждый слепил по большому твердому снежку и запустил им во врага. Враг, получив в лоб сразу десяток снежных комьев, упал на месте и больше не шевелился. Дети закричали от радости.

Старший добрилин сын Бобр, увидев, что малыши убили деда, со всех ног бросился к нему. Первое, что увидел Добрило, открыв глаза – это лицо Бобра (совсем черное, перемазанное сажей из печки, потому что Бобр наряжался черным котом). Добрило решил, что он уже умер, попал на тот свет и на него смотрит бес – с такой-то черной рожей, кто же еще? Когда Бобр, увидев отца живым, засмеялся от радости, Добрило злобно забормотал:

– Что, бес затащил меня к себе и веселишься? Сейчас я тебе повеселюсь, наклонись только поближе!

– Чего говоришь? Поближе наклониться? – простодушно спросил Бобр и действительно наклонился.

"Чпок!" – Добрило вмазал тому, кого принял за беса, по уху. Бобр повалился рядом с ним. Детишки, узнавшие уже в малиновом чудище родного дедушку, радостно попрыгали на них сверху, оторвали второе козье ухо и порвали Бобру штаны.

– Вот, я же тебе говорил, что Коляда у нас – очень веселый праздник! – сказал Веприк Фукидиду, наблюдая за ку-

терьмой на бортниковском дворе.

Бобрец на палке нес соломенную журавлиную голову, де-душка Любимыч вывернул свою свитку шиворот-навыворот и стал пятнистой овцой, Бобр приладил сзади котиный хвост из коры, закрывавший прореху на штанах, если не шагать широко. Чуде пришлось быть козоводом, потому что коза была главной фигурой на празднике, ее нужно было водить по дворам и выпрашивать вкусные подарки. Оставалось только уговорить Фукидида переодеться в женщину, иначе вся затея с драконом провалилась бы.

– Почему опять я козу вожу? – притворно возмутился Чудород. – Обещали ведь отрезать мне бороду и сделать Весной-красной!

– Не твоя очередь! – ответил Пятак Любимыч. – Я Весной-красной давно не был.

Любопытный Фукидид завертел головой.

– У нас на Коляду обычай такой – мужчина наряжается в юбку и все вокруг него пляшут и поют, – объяснил греку Добрило.

– А зачем? – спросил Фукидид.

– Ну... зачем? Весело! – сказал Добрило. – Главный хорювод на празднике. Ребята, а вот Фудя хочет Весной-красной быть! Он-то ни разу не был.

– Я не уверен, прилично ли одеваться мужчине в женское платье? – с сомнением сказал Фукидид, которому на самом деле очень захотелось быть на празднике на самом виду.

– Ну, конечно, прилично! Одевай, не сомневайся, – поторопил его Веприк, открывая сундук с маманиной одеждой. – У нас все мужики очень любят в женские юбки наряжаться!

– Неужели? – удивился грек. – Какой удивительный обычай!

– Да, – поддержали Веприка мужики. – Если бы могли, мы бы только в юбках бы и ходили! У нас, как жена за одеждой своей не уследит – так пожалуйста, муж уже по деревне в юбке бегают.

– А соседские мужики ему все завидуют! – добавил Бобрец.

– А бабы наши, представляешь, вредные какие? – не дают нам юбок! Сами носят! – пожаловались хором бортники.

Грека заставили побрить бороду, которую он отрастил за время жизни в русской деревне, одели на него самую длинную, васильковую, юбку – прямо поверх меховой рубахи, повязали шелковый яркий платок, сверху надели блестящий обруч, а в него воткнули дунькино павье перо. Щеки и губы обвели малиновым свекольным соком, брови – черной сажей из печки.

– Ах ты, красавица моя ненаглядная! – умилился дед Любимыч, закончив малевать греку щеки и облизывая свекольный палец. – Ну где еще такую отыщешь?

Фукидид и правда преобразился – на глазах превратился в носатую, краснощекую, черноглазую молодую бабу, по виду – изрядную нахалку и щеголиху.

Из домов уже выбегали другие ряженные – бараны, коты, петухи, – кудахтали, мяукали, дразнили друг друга, а потом пошли всей толпой по деревне из конца в конец, вслед за малиновой облезлой козой и Чудей, тянувшим ее на веревочке.

Добрило мекал, брыкался и часто на потеху зрителям валил с ног щуплого Чудорода, а Чудя ловил непослушную "козу" и для виду кормил ее соломой. Участники колядок сыпали вокруг себя и друг другу на голову зерна и семечки.

Ряженных уже ждали во дворах хозяйки, приготовившие печенье и сладости, чтобы угощать гостей и выслушивать от них хорошие пожелания. Этим пожеланиям верили, считалось, что они будут в силе весь год, поэтому каждая старалась угостить получше.

– Мы ходили, мы искали Коляду, – пели ряженные,

По долам, по горам, по лесам, по лугам!

Гой! Гой! Гой!

Гой, Коляда!

– Идет коза рогата! – кричал Чудя. – Идет коза бодата!

– Топы-топы ногами! – вторил ему Добрило. – Заколю рогатами, затопчу ногами! Скачу-поскачу – пирогов хочу! Ножками туп-туп, глазками луп-луп! Ме-е-е!

Иногда он вместо "ме-е-е" говорил "му-у-у" и все вокруг покатывались от смеха.

– Дома ли хозяева? – кричали ряженные на каждом дворе, хотя и знали, что их везде ждут. – Смотрите, какие к вам страшилки пришли! А пускай хозяйюшка тащит караваяшко! А

пусть несет хозяин ...

– ...лапоть жарен! – вставлял Чудя.

– Пускай хозяин несет...

– Яичко пускай снесет! А хозяйюшка высидит!

– Ха-ха-ха!

– Эх, да все, что есть в печи к нам в мешки мечи!

– Кто дал каравай – две коровы в сарай!

– Козе – пирожок, девке – милый дружок!

– Ай! Ай! Мало не давай!

– Спасибо этому дому, а мы пошли к другому!

Чудя нарочно путал пожелания и всех смешил: мужчинам желал родить ребеночка, женщинам – иметь силушку богатырскую, маленьким детям – жениться, старикам – поскорее подрастать и к работе привыкать.

– Мяс! Мяс! С голоду помирав! – дурачился Бобр.

– Курлы! Зовите гостей за столы! – требовал журавль-Бобрец, тряся головой на палке.

Набрав угощения, березовцы устроили большой праздник, закончившийся катанием на санках и валянием в снегу. Парни выкатили большое колесо от телеги, намазали его салом, подожгли и пустили катиться с горки с криками "Катись, с весной воротись!"

В эту минуту на пригорке у рощи высоко взметнулись два костра, а между ними бортники грянули свою любимую:

"Ой да то не зоренька ясная,

Не рябинушка красная,

То живет да во Березовке, той, что за другой Березовкой, а за ней еще Березовка..."

Вторая песне, у костров кружился раскрашенный Фукидид с пером на голове. "Прилетает, значит, к праздничным кострам и ворует самых красивых девушек, – повторял про себя Веприк. – Ну-ка посмотрим, как он к нам прилетит..." Мальчик не стал наряжаться, только повесил на шею плетеную коробочку, прикрытую платком.

– Эй! – закричали плясунам у костров. – Чего вы там одни пляшете? Идите со всеми колесо катать и на кулаках драться!

– Нам и тут хорошо! – крикнули в ответ бортники и образовав, маленький, но упрямый хоровод, взялись за руки, скомандовали сами себе "и, ребята, дружно!" и важно пошли вокруг грека, делая вид, что им очень весело одним на горке. Остальные березовцы были немного удивлены такой самостоятельностью.

– Хватит дурака валять! – закричали они снизу. – Вас что, пчела что ли в голову укусила?

– Чего это на нас так сердито смотрят? – полюбопытствовал Фукидид.

– А это у нас народный праздничный обычай такой, – поспешил успокоить его Бобрец. – Собраться в кучу и рожки злые корчить.

– Спускайтесь сей же час и веселитесь со всеми! А то сей час драться будем! – крикнули снизу.

– Милости просим! Поднимайтесь и мы вам по шее надаем! – пригласил Добрило.

– Ну и бес с вами! Сидите там, как ворона на заборе! Фудя, бросай этих дураков, иди к нам!

– Иду! – крикнул Фукидид.

Заговорщики растерялись.

– Не ходи, Фудя! – велел Бобр.

– Почему не ходить? – удивился грек.

– А мы тебя не выпустим! – находчиво сообщил Пятак Любимыч, показывая товарищам, чтобы покрепче сомкнули хоровод. – Это игра такая!

Фукидид почесал нос и попробовал пролезть между Добрилой и Бобром, но словно на каменную стену наткнулся. Несколько раз пытался он выскочить из круга, но у него ничего не получалось: хороводники стояли насмерть. Потом хитрый грек сделал вид, что и думать забыл куда-то убежать. Он поплясал и покружился для отвода глаз и вдруг, собрав все силы, ринулся на самое слабое звено – Чудю с Веприком. Веприк устоял, а трусоватый Чудя выдернул свои ладони из рук соседей и сам пустился наутек, а за ним, вниз по склону, с радостными воплями, – и Фукидид. Добрило бросился вдогонку за беглецом, настиг, ухватил за юбку, повалил в снег, поднял его к себе на плечо и притащил обратно. Поставив его снова в середине круга, Добрило скомандовал товарищам "и, ребята, дружно!", мужики снова взялись за руки и пошли вокруг грека.

– Пустите! – потребовал греческий гость. – Так не честно!

Я хочу с горки кататься!

– Нет! Мы не наигрались! – упорствовали мужики.

– Ребята! – раздались веселые крики. – Смотрите: грека мучают! Не робей, Фудя, мы тебя освободим!

– Ах, мучители, что придумали: поймали человека и хоровод вокруг него водят!

– Ха-ха-ха!

– Наших бьют!

– Вообще-то, наши грека бьют, – поправил кто-то, – но это ничего, мы этим нашим все равно сейчас покажем где раки зимуют!

– Ага! Защитим, ребяташки, землю грецкую!

– Надо говорить "греческую"! – крикнул Фукидид, подпрыгивая вверх, чтобы его было видно в хороводе. – Грецкие только орехи бывают.

– Во-во! Встанем на защиту народа греческого!

– А Добриле дадим на грецкие орехи!

– Ха-ха-ха!

– Снежками их, ребята!

Град снежных комьев обрушился на бортников и заодно на Фукидида и они принялись отбиваться, кидаясь снегом и спихивая вниз каждого, кто влезал к ним на горку. Битва разгорелась не на шутку. Бобрецу сломали его палку, а журавлиной головой он кинул в кого-то вместо снежка. Дедушка Любимыч получил снежком в глаз и на этом месте у него

начал набухать здоровенный синяк. Веприку натолкали снега за шиворот. Фукидиду заехали по носу, а Матрену скатили на врагов с горки, как бревно. Хохот и крики стояли такие, что кроме них ничего не было слышно.

– Вепря, гляди, летит кто-то, говорю! – в который раз закричал Веприку Добрило.

"Кто еще там летит? – с раздражением подумал мальчик. – Чего он ко мне пристал?.. Где же Горыныч? Появится ли?.. Как летит?! Где?!"

Уже некоторые березовцы задирали головы, пытаясь разглядеть длинную тень вдаль на белесом зимнем небе, которая летела в их сторону, противно извиваясь. В меркнувшем свете самого короткого дня в году березовцам стал виден давний их враг – Змей Горыныч, который летает по всему свету и крадет красных девиц, а у самого в глазу камень Маргарит, куда глянет – все огнем горит. Длинный и противный, как гадюка, он хлопал серыми невероятными крыльями, а его черное туловище отливало темной синевой. Три гладкие змеиные головы рыскали жадными глазами по сторонам. Еще змей имел две когтистые лапы, которые во время полета поджимал под себя, а за ними плескался в воздухе бесконечный хвост. Таким увидели змея березовцы, пока он парил вдалеке, потому что вблизи рассмотреть целиком его было невозможно из-за огромного размера.

– Змей! – завопили наконец люди и в панике побежали кто куда. – Опять летит чудище поганое!

– Что-то часто он к нам. Может, мимо?

Но летучий гад приближался и уже можно было рассмотреть костяные хохолки на каждой голове.

– Боги! – вскричал Фукидид. – Дракон летит! Бежим!

Бортники, не сговариваясь, дружно ухватили грека за руки, не дав и шагу ступить. С высоты Горынычу открылось такое зрелище, что он чуть на землю не свалился от удивления: на опустевшем пригорке осталась разряженная девица, видимо та самая, о которой пелось в песне, трепыхаясь в мускулистых руках растрепанной красной козы без ушей и кота с дырой на заднем месте. Юная красавица крутилась, кусалась и била мучителей ногами.

– А! Коварные дикари! – вопил Фукидид. – Вот он, ваш ужасный план! О, я добрый наивный грек в безжалостных руках русских злодеев!

– Прости меня, дяденька Фукидид, – кричал Веприк со слезами, пытаясь обнять своего никейского друга. – Это я придумал на тебя змея приманить!

Грек, рванувшись с негреческой силой, вывалился из рук русских злодеев, стряхнул с себя Веприка и бегом бросился прочь. За ним вдогонку понесся весь хоровод, а по воздуху их нагонял Змей Горыныч. Он выпустил вперед страшные лапы и хотел уже схватить грека, но хитрый Фукидид с разгона бросился плашмя на землю и змеевы когти пронесли над ним, задев и повалив нескольких преследователей.

– Что ж ты делаешь, Фудя?! – обиженно крикнул Добрило,

поднимаясь с земли, охая и потирая ушибленный бок.

– Что я делаю?! – возмутился грек возобновляя свой неистовый бег. – Вы меня хотите змею отдать – и на меня же еще и обижаетесь?!

Промахнувшийся Горыныч совершал в воздухе поворот, заново прицеливаясь к своей жертве. Его крылья гоняли воздух с такой силой, что под ним поднялся целый снежный буран. Хвост чудовища то и дело касался земли, оставляя в снегу темные грязные борозды, так низко зверь летел. Не успел он сомкнуть на Фукидиде когти, как тот нырнул животом на чьи-то санки и унесся вниз с горы, правя к березовой роще. Змей ткнулся головами в снег и чуть не сломал одну шею. Разгневанный, он поднялся повыше и выпустил длинную струю огня в сторону рощи, так что некоторые деревья запылали. Неожиданно из рощи на пригорок хлынула толпа народа, прятавшегося там от чудовища. Фукидид замешался в этой толпе и исчез.

Змей с размаху приземлился перед березовцами и, злобно таращась на них шестью круглыми глазами, сипло потребовал:

– Отдайте красу-девицу, тогда никого не трону.

Его мерзкие головы качались над людьми, как вершины деревьев, и каждая шея была толщиной с деревенский священный дуб. Березовцы с недоумением стали оглядывать друг друга в поисках красы-девицы. Сначала тихонько, а затем все смелее зазвучали голоса протеста:

– С ума вы что ли все походили? Вот и парни соседские все пристают: красавица да красавица! Ты ж красавицу нашу, Смеянушку, украл уже, забыл что ли?! Кого тебе еще?!

Фукидид в это время скромно стоял на четвереньках в самой гуще толпы. Увидев Веприка он решительно заявил:

– Не смей даже подходить ко мне, коварный маленький дикарь, которого я считал своим другом!

– Дядя Фукидид, – зашептал мальчик, размазывая по лицу снег и слезы. – Я хотел, как лучше! Мы хотели узнать, где дракон живет. Мы сначала думали его сюда заманить и убить, а потом решили послать кого-нибудь в нору змеиную, чтобы весточку оттуда прислал – куда змея его затащит и как туда лететь. Ты же один на мисочках писать умеешь!

– Молчи, злодей! – оборвал его грек.

– Я буду есть вас по одному... нет, лучше – по трое, – пообещал Змей Горыныч. – Пока не доберусь до своей красы-девицы.

– Какой дурак ему сказал, что тут какая-то еще краса-девица живет? – сердито спрашивали в толпе. Добрило с Веприком виновато переглянулись.

– Как бы я вам весточку послал, если летать не умею? – злобно прошептал грек.

– Вот, я голубку принес, если выпустить ее на волю, она сразу домой полетит. Даже из змеиной берлоги дорогу найдет, – и Веприк протянул свою коробочку. – И кору березовую воском натер.

Грек долго смотрел своему маленькому приятелю в лицо и хмурил брови.

– Если вы нас всех потом не спасете, – наконец шепотом сказал он, выхватывая коробочку с голубем, – я тебе оторву твои подлые уши. И брошу на съеденье диким белкам.

Грек повесил себе на шею коробок, сделал шаг вперед, но опять обернулся к Веприку.

– Пойдешь в Киеве на греческий двор, – сказал он. – Найдешь там Креонта. Запомнил?

– Ну так как?! – спросил змей и топнул лапой.

В толпе народа произошло волнение и вперед выступила черноглазая молодая особа с плетеным коробочком на шее, обсыпанная снегом с ног до головы, зато с радужным павлиньим пером, криво торчащим у нее за ухом.

– Э-э-э-эт я! К-к-красивиссс здешний, – у Фукидида от страха зуб на зуб не попадал, к тому же у него никак не получалось говорить о самом себе в женском роде да еще и писклявым голосом.

– Чего?! – не понял змей. – Я что-то ничего понять не могу, что ты там бормочешь.

– С-с-с... с-с-сись... С-с-сисьняюсь осень, – признался грек.

– То не зоренька ясная? – уточнил змей.

– Я-я-я. Я с-с-самый и ес-с-сть!

– Что ж ты за красавица, если ни одного слова выговорить нормально не можешь? – немного удивленно произнес змей.

– Такая вот красавица! – обиделся Фукидид. – Я тебе на ночь сказки читать не нанимался... лась! Я красавица, на меня любоваться надо! – и он прикрыл платком подбородок, который без бороды у него с непривычки мерз.

– Да на что тут любоваться?! – возмутился Горыныч. – Нос, как огурец!

– На себя посмотри! – посоветовал Фукидид, основательно разозлившись. – А в девушке главное не нос какой-то там, а изящные манеры и умение поддержать разговор!

– Парле ву франсе? [2] – спросила левая голова.

– Уи, месье! [3] – отвечал грек, гордо подбоченившись. – Я говорю на пяти языках и играю на арфе!

– Ого! Берем! – хором воскликнул змей.

Он подпрыгнул в воздух и быстро подхватил в когти несчастного грека. Толкнувшись от поверхности другой ногой и ударив крыльями, дракон взмыл в небо, осыпая на прощание всех зрителей горячими искрами.

—

[2] Парле ву франсе? = (франц. иск.) Вы говорите по-французски?

[3] Уи, месье! = (франц. иск.) Да, месье!

—

– Стой! – что было силы закричал, очнувшись, Веприк. – Где моя мама? Ты украл Смеяну!

– Смеянушка, синеглазая красавица, она больше не ваша забота! – зашипел сверху змей.

Веприк, не помня себя, погрозил чудовищу тощим детским кулачком.

– Мы еще поговорим с тобой, змея поганая! – сказал он.

Горыныч развеселился, все три его головы завертелись от злорадного сиплого смеха, а Фукидид в лапе беспомощно заболтал ногами.

– Ага! – сказал змей. – Поговорим. Приходи, богатырь, и поговорим!

Сказав так, он набрал высоту и поволок Фукидида в свое логово.

Глава 15. Веприк собирается в дорогу

Веприк все ждал и ждал свою голубку: сможет ли выбрать-ся из змеева подземелья? Найдет ли дорогу домой, в Березовку? Осилит ли дальний путь? Маленький охотник подолгу стоял на пригорке возле рощи, откуда смотрел вслед ненавистному Горынычу, потом бежал домой, проверял в гнезде – не вернулась ли уже без него? Ручной голубь, оставшийся один, растерянно кружил над головой, не знал, куда делась подруга.

Веприк ждал-ждал и все равно пропустил долгожданное появление: вышел на шестой день из избушки, а голубка, измученная, сидит, как ни в чем ни бывало посреди двора и снег возле себя клюет. Только что не было – и уже тут. Мальчик подхватил птицу на руки и нашел привязанную к лапкам ленточку из бересты, сплошь усеянную греческими значками. Когда он рассмотрел, чем кора привязана, у него закружилась голова: красные яркие ниточки, как на маманькином платке.

Веприк осторожно снял фукидидово письмо, наклонился и от избытка нахлынувших чувств поцеловал голубку в усталые крылышки. Под перьями, среди пуха, мальчик обнаружил на теле птицы множество песчинок. Он, едва дыша, при-

нялся перебирать перышки и увидел, что в пух на животе и крыльях у голубки набилось мелкого, блестящего песка, белого, почти как снег. На спинке и на крыльях сверху он нашел песок другого цвета – желтый, почти что такой же, как у речки на берегу, но помельче. И на послании Фукидида к воску тоже прилипло несколько песчинок – крупных, угловатых, черных.

Веприк бегом бросился в дом, нашел в сундуке чистое полотно, положил в него бересту, ниточки, потом, успокаивающе шепча, почистил голубке перышки, стараясь не перемешивать песок, поглядел вокруг себя, соображая, как бы его завернуть, чтобы не рассыпался. Он отрезал три тонких ломтика сала, погрел у печки, чтобы стали мягкими и обвалял каждый в своем песке. Они затвердеют на морозе и песчинки окажутся крепко приклеенными. Потом отдельно завернул ломтики в тряпочки и наконец сложил все свои сокровища в мамкин железный ларец. На душе у него было и тревожно и радостно. И страшно, что опять ничего не выйдет. Даже подташнивало немного от волнения. Он огляделся, соображая, что еще ему пригодится – надо было идти в Киев. Там – греческий двор, где живут чужеземные купцы. Он найдет грека, к которому велел ему сходить Фукидид, тот прочтает голубиное письмо. На глаза ему попала спящая, разметавшаяся на резной лавке, Дуняшка – вот о ком надо было подумать.

Мальчик решил было попросить тетю Чернаву взять де-

вочку к себе, но вспомнилась ему маленькая толстенная фигурка на корточках, привязанная за ногу во дворе. Конечно, он и сам запирал Дуньку в избе, чтобы не надо было за ней следить, но такая жалость неожиданно подступила к горлу, что он чуть не расплакался. Девчонка маленькая, без отца, без матери, конечно, кому она нужна – нянчиться с ней.

У Добрилы в семье было много малышни, Веприк подумал, надо попросить их взять Дуняшку – одним больше, одним меньше, не такая уж для них забота. Веприк побежал к бортникам.

У тети Чернавы маленьких детей не было, а тут наоборот – весь двор был занят ребятней, многочисленным потомством медоходов: медоходики мал-мала-меньше. Большинство из них были мальчишки, которые, не обнаруживая никаких признаков усталости, лупили друг друга и таскали за волосы. Один только лежал и плакал, упав с забора, а возле него стояла маленькая девочка, показывала ему язык и дразнилась: "Плякса! Плякса!"

"Ну и очень хорошо, – немного неуверенно подумал Веприк. – Дуняшке полезно будет здесь пожить. За себя постоять научится... если жива останется."

Из низкой просторной избы с шумом вывалились бортники, на ходу оживленно о чем-то споря. Первым шел Бобр, смотрел он назад. Споткнувшись об одного из малышей, он свалился наземь, повалив еще несколько детишек. Некоторые остались на ногах, и об них споткнулся шедший сле-

дом Бобрец, а оставшихся внучат сшиб Добрило, который накрыл семью своим грузным телом, словно туча набежала. Взрослые и дети плакали, смеялись, ругались, возились, пытались встать на ноги и мешали друг дружке.

– Ты что же под ноги не смотришь? Опять калечишь мне детишек! – заругался Бобрец на Бобра, подбирая с земли одного из малышей.

– А ты что же не своих подбираешь? – сердито спросил Бобр, отбирая ребенка.

– Как же не своих, это же мой Бояшенька, – заявил Бобрец, утягивая ребенка к себе.

– Какой это Бояшенька! Это ж моя Малушенька! – отвечал Бобр, плюнув на ладонь и пытаясь оттереть с детского лица толстый слой грязи.

– Отстаньте от меня, – завопил ребенок. – Я вообще не из ваших, я соседский!

– Вепря! Ты чего? – крикнул Добрило, барахтаясь на внучатах, которые из озорства нарочно теперь мешали деду подняться.

– Не, я так! Ничего! – торопливо ответил Веприк и пошел восвояси. Не смог он решиться оставить маленькую сестренку в этом разбойном приюте.

Тут как раз пришлось ему проходить мимо двора старосты Пелгусия. У Пелгусия была дочь, сама уже старушка. Жили они теперь с мужем вдвоем: дочери жили в другой деревне, а Пелгусия змей утащил. Они были Лешакам дальними род-

ственниками.

– А что? – подумал Веприк обрадованно. – Скучно небось старикам одним-то! Будут на Дуняшку смотреть и радоваться, баловать ее, у печки сушить.

Бабушка Груня была как раз на улице.

– А! – сказала она. – Лешачонок! Плохо без мамки-то? Ох, как плохо... И без тятки. Говорил ведь мой тятя, чтоб не безобразничали – не послушались. Даже Дунька ваша, озорница какая... Вот оно все, как получилось-то! Ох...

"Ну тебя с твоими охами!" – сердито подумал Веприк и побрел домой.

Он думал о том же – о чем, говоря по совести, подумал в самом начале – Дуняшку надо было брать с собой. Не хотел он ее оставлять, наоставлялся уже. Придумать только надо – как бы это сделать?

Вечером явился Добрило.

– Ты чего приходил-то? – спросил он.

Веприк рассказал про возвращение голубки и про свои находки.

– В Киев мне теперь надо скорей, – сказал он. – Пускай этот Креонт, фукидидов знакомый, мне письмо прочитает. Греки – народ знающий, может еще что-нибудь посоветуют.

– Надо же! Вернулась все-таки голубка! – удивлялся Добрило. – Вот такая птаха малая, а молодец какая! И ниточку к лапке привязали, видишь, значит побывала она у самого змея в норе... Ты хочешь – оставь Дуняшку твою у нас, ей

там с ребятами весело будет.

– Нет! – сказал Веприк. – Я ее решил с собой взять.

– Так я и знал! – сердито отозвался бортник и стукнул себя по колену.

Мальчик удивленно на него уставился: что Добрило мог знать, если сам Веприк еще утром бегал по деревне и искал, с кем сестренку оставить?

– Ты маманю потерял. Ты батяню потерял. Был у тебя друг греческий, так ты и его дракону отдал, – перечислил Добрило. – Конечно, теперь ты боишься один на свете остаться, я бы и сам боялся... Придумать надо только, как мы сможем девчонку с собой увезти... А что ж ты думал – без меня пойдешь?! – и могучий бортник от души расхохотался.

У Веприка сразу на душе легко и весело стало – боялся он идти, а больше всего – за Дуняшку боялся, но с Добрилой, конечно, – это почти, как с отцом, не страшно. Он показал товарищу, свое изобретение – плетеные из толстых веток санки, посередине которых возвышался сплетенный из тех же ветвей шалашик.

– Я на шалаш шкурки теплые одену, да внутри меха положу, да Дуньку в шкуру закутаю – тепло ей будет! – объяснил он. – Так и будет сидеть в домике всю дорогу.

– А я санки тащить! – весело подхватил бортник. – Ты-то сам с таким грузом далеко не уехал бы!

Решили полпути идти в обход и ночевать в деревнях, а потом – срезать через лес. В лесу зимой безопаснее: волки по

глубокому снегу лазать устают, уходят в степь или разбойничают возле человеческих поселений. Добрило налил в большую миску молока и поставил на улице – молоко замерзло, его можно было брать с собой, как пирог, и откалывать Дуняшке по кусочку. Собрали одежду, сеновы монеты, меха – все, что Веприк наохотничал с Малом, привязали на санки мясо, хлеба запас, репы, мед в горшочке, посадили в меховой шалашик сонную Дуньку и утром, чуть свет, надев лыжи, пустились в путь.

Глава 16. По лесам с дикими быками

Сначала шли очень хорошо: Добрило тащил санки, Веприк следил, чтобы они не свалились на кочке, а Дунька спала в шалашике. Веприк сунул ей под меха руку – там было горячо, как у печки. Вышли из деревни, забрались на пригорок к березовому лесу, но тут из оврага послышался несмелый голос:

– Мужики! Эй! Возьмите меня с собой! Я вам по дороге песни петь буду!

Путники оглянулись и обнаружили Чудю – тепло одетого и с котомкой за спиной. Поверх собственной меховой свитки он напялил еще матренину, слишком для него просторную.

– Вепря! Ты маленький был, я тебя на руках качал! – напомнил Чудород.

– Врет! – отрезал бортник.

– Все равно возьмите... и бросьте где-нибудь по дороге, подальше отсюда, чтобы Матрена не нашла!

– И не стыдно тебе, ты бабы боишься? – спросил с укоризной Добрило, словно не он осенью от этой же бабы в пруду прятался.

– Не стыдно! – с гордостью ответил Чудя. – У меня такая баба, что ее все боятся – и я тоже... возьмите меня с собой!

Она драться лезет – и все из-за тебя, Добрилушка!

Бортник вопросительно посмотрел на Чудорода.

– Да! Говорит, раньше вы пчел в деревню водили, а теперь – на тебе! – дракона привели. И я, говорит, с вами заодно... А ты добро-то не помнишь, какое я тебе делал?

– Какое ты мне когда добро делал? – удивился бортник.

– А вот: помнишь, я тебя бить не стал, когда она велела?!

Щуплый маленький Чудя наступал грудью на здоровяка Добрилу, требуя ответа.

– Бери с собой!

– Ну что, Вепря, как ты решишь? – спросил бортник.

– Я вас три дня караюлю, когда вы в столицу пойдете!

Тут в шалашике послышалась возня и наружу выглянуло щекастое Дунькино личико, сонно обводя всех карими отцовскими глазками.

– Это кто, Дунька?! – изумился Чудород.

– Нет, хрюнька! Мы что, по-твоему, должны были чужого ребенка украсть и в Киев унести? – рассердился Добрило.

– Вы совсем уже рехнулись, – ругался Чудя, пристраиваясь за санками. – Девчонку тащите! Нипочем не дойти нам до Киева, замерзнем по дороге или волки нас съедят.

– Хорошо-то как, Чудородушка, что ты с нами увязался, – мрачно сказал Добрило. – Так весело с тобой!

Они все трое оглянулись на Березовку и вздохнули: сзади оставались дома и теплые печки, а впереди – снег и холод.

– И-и-их! – крикнула Дуняшка и полезла из шалашика.

Она проснулась и желала развлекаться, лучше всего – валяться в снегу.

– Вот он, самый веселый наш товарищ, – сказал с улыбкой бортник, запихивая девочку назад в тепло. – Вот, кто ничего не боится! Поехали, милая, деда тебя на саночках покатает.

Во все дни Коляды между деревнями ходил и ездил на телегах народ – в основном молодые парни в гости к девушкам или драться на кулаках. Так что по лесу шла нахоженная дорожка, прикрытая упавшим за ночь снегом. Путники бодро топали по ней, но уже разгорячились и чувствовали, что путь предстоит нелегкий.

– Ты песни петь обещал! – пыхтя, напомнил Чудороду Добрило.

– Потом! – пропыхтел тот в ответ. – Вечером. Или лучше завтра.

В ложбинке снегу было больше и дорожка совсем исчезла. Сугробы там лежали Веприку по пояс. Могучий бортник брел впереди, за ним, расчищая путь, ехали санки. Чудород, как по скатерти, трусил по расчищенной тропе позади санок и гудел:

– А когда дороги совсем не будет, ляжем в снег и замерзнем, бедные... Добря, ты не знаешь, волк откуда есть начинает – с головы или с ног? Не хочешь говорить... ну, я лучше Веприка спрошу, он охотник, знает, наверно. Вепря, ты не знаешь...

– Ты о чем-нибудь хорошем говорить можешь? – возму-

тился наконец Добрило, вытащив санки из ложбинки и остановившись на минуту.

– Ладно, Добренька, ладно... о хорошем? Сейчас поговорим...

Чудя погрузился в размышления, бормоча себе под нос, и некоторое время березовцы шли молча – к большой своей радости. Добрило нырнул в новую ложбинку и поплыл в снегу, расчищая проход. "А и правда – как же мы вот так пойдем всю дорогу? – подумал Веприк. – Ведь и упадем и замерзнем... и волки нас, пожалуй, съедят. С головы они начинают или с ног?... Тьфу ты!" Впереди бортник скинул верхнюю одежду и шагал в рубашке, а от него во все стороны валили клубы теплого пара. Но Чудя в конце концов снова разинул свой болтливый рот:

– Ох, чудо чудное! Сейчас пирог с печенкой нашел! Горячий! Вку-у-усный! Ам!

Добрило от неожиданного такого заявления встал, как вкопанный, и уставился на Чудорода. На Чудорода он смотрел недолго: упустил санки и они поехали вниз, сбили Чудю с ног и похоронили под собой.

– И-и-и-их! – крикнула довольная Дунька и снова полезла из мехового домика.

– Чудя, ты что? Какой пирог нашел? – с беспокойством спросил Добрило, снимая с товарища санки и возвращая Дуняшку в гнездышко. – Ты как себя чувствуешь? Головой не стучался?

– Я очень хорошо себя чувствую, – кротко ответил Чудя, лежа на спине в снегу. – А по голове ты меня только что санками стукнул... А про пирог я наврал – ты ж просил сказать что-нибудь хорошее.

– Ах ты бессовестный! Что ж ты, не мог по-настоящему что-нибудь хорошее сказать?! Обязательно врать надо?

– А что по-настоящему у нас есть хорошего?! – завопил Чудя. – Одни, заблудились в лесу дремучем! До костей промерзли!

– Кто заблудился – посреди дороги?! – заорал на него Добраило. – Где ты дремучий лес нашел? Кто промерз? Чудя! Пойди поближе, я тебе, болтуну дырявому, ноги оторву!

– Ты еще хуже Матрены, – надулся Чудя, вылезая из оврага. – Уже и сказать ничего нельзя...

– Я с ним с таким не пойду, – жаловался на ходу бортник Веприку. – Оставим его в соседней Березовке, а то он нам все уши проговорит... Ах ты, озорник! Ну-ка, слезай с санок.

– Ну и слезу! – пискнул Чудя. – Уж и посидеть нельзя... Дажьбожий сверкающий щит, натертый по случаю зимы до белого блеска, поднимался уже в середину тусклого холодного неба. Вокруг стояли высокие белые стволы, растопырив заросшие инеем ветви. Они смыкались над головой и обманывали зрение, скользя справа и слева. Путники забрались в самую сердцевину березового леса, еще пара часов – и березки станут редеть, а за ними и соседняя Березовка покажется. Конечно, летом они за то же время прошли бы

столько да еще столько да еще полстолько, но все-таки не на месте стоят. "Дойдем в Киев, куда мы денемся," – успокоившись, думал Веприк. И тут повалил снег.

Маленькие редкие снежинки за одну минуту превратились в пышные хлопья, стремительно летевшие вниз и быстро скрывшие под собой и дорогу, и деревья и даже самих путников друг от друга. Снег падал так густо, что протяни вперед руку – и пальцев не увидишь. За его пеленой исчезло солнце. Сразу потемнело. Путники, сердито крякнув, остановились, а Чудя оживленно заверещал:

– Что я вам говорил? Наконец-то заблудились!

Силач-бортник и юный охотник, оба люди лесные, не были слишком напуганы. Они могли найти верное направление, слушаясь многочисленных лесных примет, а особенно – собственного чутья, но беда была в том, что в таком снегу идти они будут очень медленно да к тому же есть опасность пройти в двух шагах мимо деревни, не заметив ее за снежной пеленой. Веприк отступил на шаг от приятелей, сразу скрывшись в сумерках, осмотрел ствол ближайшей березы, оценил цвет коры с разных сторон, ковырнул лыжей у ствола.

– Ну чего? – спросил Добрило, когда мальчик вернулся.

– По-моему, туда, – показал рукой Веприк.

– А по-моему, вот так, – возразил бортник, показывая чуть правее.

– Завели в лес и бросили! – ныл Чудя.

– Пока что не бросили! – бортник предостерегающе под-

нял палец. Чудород ненадолго угомонился.

– Дядя Чудород, – сказал Веприк, – нам придется останавливаться и проверять, куда идем, чтобы не ходить кругами, но идти пока можно. А часа через два снег утихнет и там уж мы быстренько сообразим, где деревня.

– Если живые еще будем, – хрюкнул Чудя.

– Да. И если снег утихнет, – тихонько подсказал Веприку Добрило.

– Молчи уж лучше, дядя Добрило, – так же тихонько попросил Веприк.

В снежной летучей каше они медленно двигались, куда вел Добрило. Иногда останавливались, нюхали воздух, осматривали пни и деревья. Казалось, так они всегда и будут брести сквозь белую мглу, с трудом переставляя уставшие ноги. Ясно было, что все равно придется остановиться: очень ж густо сыпал снег. На памяти мальчика никогда не случалось такого снегопада. Добрило впереди наткнулся на пень и остановился, обругав пень обидным словом. Он прислушался и, наморщив лоб, с тревогой огляделся, потом переглянулся с Веприком. Мальчик своими чуткими, как у лисы, ушами улавливал за глухой пеленой мягких хлопьев неясный шум, словно волны плескались. Он шагнул мимо Добрилы и прислушался, потом прошел еще немного вперед – и замер на месте.

В нескольких шагах от него стоял в снегу огромный зверь, самый опасный из зверей того древнего времени: тур, гигант-

ский дикий бык. Туры пугали всех не только размером, но и буйным нравом: быки нападали часто безо всякой понятной причины. Ни кабан, ни медведь, ни волки не могли выстоять против такой горы могучих мышц и мяса, увенчанной острыми рогами. Только тигр мог померяться с туром силой – и скорее всего расстался бы со своей полосатой жизнью под огромными копытами. Туры были велики ростом, но тот, что стоял напротив Веприка был больше всех – его спина была, наверно, вровень со вторым этажом княжеского терема. Черный, как ночная тьма, он спокойно смотрел на мальчика сверху вниз. Распахнув руки, Веприк не смог бы дотянуться до концов его изогнутых рогов. Грудь животного медленно расширялась в такт дыханию, столбы пара выталкивались из широких ноздрей. Его дыханию вторили еще два десятка огромных зверей: несколько молодых быков и турицы, чьи золотистые бока видны были за массивной фигурой вожака.

Веприк удивился, как это он, несмотря на снегопад, может рассмотреть так много, а потом удивился еще больше, обнаружив, что впереди, там, где дикие быки, снег падал реже, чем позади него. Почти и не падал, кружились только редкие снежинки. Он оглянулся, но товарищей, разглядеть в белой пелене не смог. Вожак ткнулся мордой в снег и шумно выдохнул, от чего в снегу появилась яма, в которую спокойно мог бы улечься взрослый человек. Веприк услышал сопение позади, но это были просто Добрило с Чудей, соскучившиеся его ждать.

При виде гигантского быка, спокойно их рассматривающего, у Чуди мелкой дрожью затрясся подбородок, а губы принялись невнятно твердить:

– Тутутуту...

Добрило, не сводя глаз с тура, стукнул Чудорода по спине между лопаток.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Чудород. – Турыту-рытурытуры...

– Хватит долдонить! – шепотом велел бортник.

– Не могу! Я весь трятрятрятрятря...

– Что это, дядя Добрило? – прошептал Веприк, показывая вперед. – Неужели птица?

На ветке заснеженной березы качалось белое пятнышко. Когда Веприк указал на него, оно встрепенулось, расправились и, раскрыв крылья, вспорхнуло в вышину. Когда птица пролетала над путешественниками, мальчик узнал свою ручную голубку, оставленную дома в теплом гнезде.

– Лети домой! – крикнул он ей и, сунув в рот два пальца, пронзительно свистнул.

Голубка сделала еще один круг над их головами и скрылась в вышине.

– Никогда не видел, чтобы голуби, как собаки, за хозяином летали, – покачал головой бортник. – Чудеса.

– Это знак, – убежденно проговорил Веприк.

– Ну, если знак, то хороший. Был бы плохой, ворона бы прилетела.

Тур впереди издал короткое мычание и стадо пришло в движение. Быки и коровы поворачивались, те, что лежали, медленно поднимались на ноги. Вожак вытянул широколобую морду к березовцам и снова отрывисто замычал, потом постоял, проверяя, поняли они его или нет. Он повернулся и сделал пару неспешных шагов, потом поглядел на Веприка через плечо и снова позвал.

– Они хотят, чтобы мы шли за ними, – прошептал маленький охотник.

– Зовут, так надо идти, – спокойно ответил Добрило и потянул свои санки за стадом.

Веприку тоже казалось, что гигантские быки настроены доброжелательно и хотят им помочь.

– Кукукукуку,.. – начал Чудя.

– Ку-ку! – радостно отозвалась Дунька из шалашика.

– Ку-куда мы идем? – выговорил Чудя.

– Березовка там, – махнув рукой в сторону, ответил Веприк. – А там,.. – он показал на стадо, медленно уходившее от них, – Там Киев.

– Ненене!.. – уперся Чудород. – Не пойду!

– Вот и умница, – сказал Добрило. – Не ходи. Хорошо-то как! Отдохну хоть от твоей болтовни.

– Ах так, да?! Накося выкуси, Добрилушко! И пойду, и пойду! И болтать тебе назло всю дорогу буду... А вот интересно, коровы мясо едят? То есть летом, конечно, они на травке пасутся, а когда травки нету?..

Чудя резво потрусил за товарищами, не замолкая ни на минуту, как и грозился.

До темноты они шли за турами по утоптанному их ногами пути. Животные двигались неторопливо, иногда кто-нибудь из них останавливался пожевать коры с ближнего дерева. Бывало, одно отставало и шагало рядом с людьми, шумно дыша и с любопытством их рассматривая. Туры увели путешественников в сторону от человеческого жилья и держали направление на юг. Огромные и сильные, как корабли, они плыли в сугробах, грудью раздвигая глубокий снег. Быки лоснились среди зимней белизны гладкими черными боками со светлым ремнем по спине, а коровы сияли рыжим и гнедым золотом.

Найдя уютный ельник, туры принялись устраиваться на ночь: жевали зеленую душистую хвою, сдирали кору с осин по соседству, величаво укладывались, выбрав место поспокойнее. В теплом лабиринте их больших тел люди тоже нашли для себя местечко и свалились в изнеможении, едва принеся по охапке веток на подстилку. Только Добрило нашел еще в себе силы немного понянчиться с Дуняшкой, которая днем хорошо выспалась и хотела поиграть.

Глава 17. Чудесная гостья

Наутро девочку потеряли.

Веприк, почувствовав беду, проснулся в темных утренних сумерках и сначала не мог никак понять, где это он: справа и слева, как стены уходили вверх турьи бока, а возле него, под ворохом мехов и верхней одежды, сопели Чудород с Добрилой. Мальчику было тепло, даже жарко, но спины животных за ночь побелели от изморози. Он поежился, собираясь с духом выбраться из тепла на мороз. И тут такой страх его обжег, что он воробьем вылетел наружу: а Дунька где? Веприк взрыл меха, сунулся в шалашик, проверил даже под Добрилой – никаких дунькиных следов.

Проснулись соседи, вместе они искали девочку, пока совсем не рассвело: звали, заглядывали в ямки, трясли кусты, бегали вокруг удивленных туров.

– Батюшка! – в отчаянии обратился Добрило к спокойно лежавшему вожаку. – Пропала у нас девочка. Не видал ли ты ее?

Он на всякий случай поклонился быку в пояс, а тот, с изумлением наблюдавший, как бородач скачет у него под носом, тоже наклонил свою огромную голову.

– Здоровается, – пояснил Добрило и поклонился быку еще раз.

Вожак, решивший, что у людей такой обычай – по утрам

кивать друг дружке, плясать и кланяться, опять кивнул.

– Издевается, – мрачно сказал Чудород.

Вожак вежливо кивнул Чудороду. Чудород испугался и поклонился вожаку.

– Батюшка, – снова попросил Добрило. – Скажи, где девочка, помоги сироткам. Мы ее больше терять не будем, глаз не сомкнем – будем караулить. Мы ей... хворостиной мы ей дадим по сидячему-то месту, разбойнице! Да и крапивой – что дедушка Пелгусий не успел! Ах ты, плутовка!

Он ткнул пальцем вперед и приятели наконец заметили Дуньку – на спине у одной из коров. Дуняшка мирно спала в ямке между лопаток огромного животного, видны были только румяная щечка и угол мехового рысиного плащика. Как она туда залезла, долгое время для путешественников оставалось тайной. Другая тайна была – как Дуньку оттуда снять. Добрило попросил у вожака прощения за беспокойство и поклонился в последний раз. Вожак, у которого голова уже кружилась от поклонов, неохотно кивнул и закрыл глаза: притворился, что спит.

Корова, оберегавшая дуняшкин сон, – добродушная, светлая, песочной масти, с большой белой звездой на широком лбу, – с подозрением следила за приближающимся Добрилой, а когда он подошел слишком близко, встала на ноги и отошла в сторону.

Стадо поднималось, отряхивало с себя снег и иней и начинало неторопливый дневной переход к югу – туда, где за

лесами и реками лежал Киев, мать городов русских. Людям волей-неволей пришлось спешно собирать вещи и идти за турами. Веприк трусил рядом со светлой турицей, которую он про себя прозвал Красавушкой, как дома корову звали. Он все боялся, что Дунька свалится и готовился ее ловить. Когда Дунька проснулась, Добрило сманил ее вниз вареной репкой, покормил, но только отвернулся – и девочка уже лезла Красавушке прямо на морду, а с головы, когда корова ее подняла, скатилась к себе в гнездышко. Там она и ехала с большим удовольствием: спала, смотрела на снежные ветви, плывущие над головой, болтала для развлечения толстыми ножками в старых веприковых штанишках, ловила языком снежинки, мычала, чирикала и показывала язык старшим товарищам.

Туры неумолимо шли по лесной чаще, осторожно переходили заледеневшие речки и ручьи, пересекали занесенные снегом степи – в торжественном безмолвии, царившем среди замерзшей природы. Одни только зайцы в парадном белом наряде вытягивались на пеньках, приветствуя господ животного царства. Там, где осенью деревья красовались рубинами, янтарем и изумрудами, теперь в изобилии сияли на ветвях алмазы – ослепительные, прозрачные, искрящиеся радужными гранями. Зима украшала лес, плела из веток ледяные кружева, заманивала путников в свои стылые владения. Туры спокойно шли по зимним просторам, правя на юг, сильные и теплые, пар от их дыхания инеем оседал на мор-

дах, так что у каждого животного выросло по белой бороде. Люди под их защитой не боялись ни ветра, ни мороза, ни диких зверей, ни снегопадов.

Веприку снова снилась мама – сидела в комнате, напевала тихо и задумчиво. "Ох, Веприк-Веприк, – сказала она, ероша его светлые волосы и хмурясь, – больно ты у нас решительный вырос! Была б я дома, нипочем бы не отпустила вас зимой в такую даль. Возвращались бы вы домой, а летом по травке – да с песнями! – пойдете и всех нас спасете!" – "Не пугай, маманечка, мне и так страшно! – признался Веприк. – Что, если не получится у меня ничего? Вдруг зазря идем?" – "Не попробуешь – и не узнаешь, – вмешался отец. – Ты, мать, давай, не огорчай мужика." "Ладушка поможет," – улыбнулась на прощание маманя и растаяла вместе с последним предутренним сном.

Мальчик проснулся, застудив бок: Добрило с Чудей куда-то делись. Найти их оказалось просто: в темноте среди деревьев потрескивал костерок, а возле него сидели на корточках оба пропавших березовца. Рядом с собой они разложили на куньей шкурке лучшие припасы: копченое мясо, мед, пирог с репой и один маленький грецкий орех.

– Перун! Всемогущий и грозный! – вещал Чудя, грозя Добриле пальцем. – Все знают, что он обращается в тура и выходит к людям из леса, значит это он послал нам коров для защиты.

– Сам ты корова, – презрительно отвечал Добрило. – Ни-

какой не Перун, а Велес! Тоже всемогущий, и грозный, и могучий, и... волосатый! Он правит зверями: лисами, свиньями, пчелами, собаками – всеми, он и велел турам помогать нам!

– Перун грознее, могучее и волосатее твоего звериного Велеса, – спорил Чудя. – Его благодарить надо, ему и подношение.

– Нет, это Велес могучее, грознее и... Ты что ж это делаешь, негодник?! Ты что же подношение велесово лопаешь?!

– А вот коли оно велесово, так я все и съем! – набив рот репой, невнятно ответил Чудород. – А тебе Перун задаст си-ней молнией по шее!

– Ах так?! А посмотрим, как он мне задаст! – взвился Добрило и тоже укусил от жертвенного пирога.

– Бу-бу-бу, – злобно ответил Чудя с набитым ртом.

– Ум-ум-умм, – не остался в долгу бортник. – Чавк!

Когда Веприк подошел к костру оба богомольца, поссо-рившись, молчали, только сыто икали в перемазанные ме-дом бороды и косились друг на друга. Не успел мальчик при-сесть, как в тени деревьев зашуршали ветки и снег заскрипел под чьими-то легкими шагами. Заслоняя гаснущие утренние звезды, в свет костерка ступила молодая пригожая женщи-на и кивнула изумленным березовцам, словно знакомым. На ней был подбитый горностаевым мехом голубой плащ и ме-ховая шапочка, из-под которой сбегала до сапожек затейли-вая коса цвета спелой пшеницы. Березовцы молча смотрели

на пришелицу, потом разинули рты, выдохнули "ах!" и продолжали смотреть с открытыми ртами, потому что она была чудо как хороша – высокая, гибкая, большеглазая. В отблесках огня ее ласковые глаза то плескались летней небесной синью, то зеленели молодой травой – и невозможно было понять, что прекраснее.

– Будьте здоровы, люди добрые! – певуче проговорила незнакомка. – Нельзя ли у вашего костра погреться?

– Ах! – гостеприимно ответили березовцы.

– Вы что же, совсем меня не узнаете? – поинтересовалась гостья, присаживаясь на невесть откуда взявшийся позади нее пенек.

"Дева златоволосая, гордость Nikeи,

Гордо ступает, прелестная, стройной ногою..." – крутилось у Веприка в голове. "Гордая" и "прелестная" – эти слова очень хорошо подходили к незнакомке. "Ой, это же, наверно, жена Фукидида из плена сбежала! – подумал он. – А Фукидида-то и нету. Нехорошо-то как получилось..."

– А ты, наверно, Фукидида, грека нашего ищешь? – смущенно сказал он. – А Фукидид это... того... тебя полетел искать!

– Да уж, знаю я, как он полетел, – ответила гостья, обведя насмешливыми глазами троих путешественников. – И кто ему помог полететь тоже знаю... Ну да ладно, не о том речь. Не угадал ты, Веприк. Стихи хорошие, да не про меня.

– Леший это, – вдруг ляпнул Чудя. – Леший, хоть и про-

тивный да мохнатый, любое обличье принять может – глаза-то обманывать он мастер. Не бывает в природе таких красивых баб, хоть убей!

– А коли леший, – сказала незнакомка уже, похоже, начиная сердиться, так встань на пенек, обернись вокруг три раза да плюнь через левое плечо, а потом нагнись, голову засунь между колен и погляди. Так настоящее обличье мое и увидишь, противное да мохнатое! Не забудь сказать "Дядя леший, покажись не серым волком не черным вороном, а самим собой".

– А и верно! Надежное ведь средство! – оживился Чудя и, не успев Добрило его поймать, вскочил на пенек, повертелся на нем, старательно плюнул, чуть не попав в бортника, потом, наклонясь, сунул голову между ног и уставился на красавицу. После этого он разогнулся и спросил озадаченно:

– А как говорить-то – "дядя леший" или "тетя лешая"? Ты ж не дядя!

– Это я тетей прикидываюсь только, – успокоила его лесная гостья.

Чудород снова покрутился, поплевал и наклонился головой вниз. "Дядя леший, покажись не серым волком не черным вороном, а самим собой," – прокряхтел он и пристально поглядел на незнакомку.

– Ну как? – довольно сердито спросила та после молчания. – Мохнатки на мне видишь?

– Да никак, – смущенно ответил Чудород, продолжая сто-

ять кверху сидячим местом, а головой вниз. – Такая же красивая. Только вверх ногами.

– А посмотри получше – может, хоть что-нибудь противное найдешь?

– Ничего противного не нахожу, – с сожалением признался Чудород. – "Я от любви и восторга безмолвен стою."

– Стоял бы ты, Чудородушка, головой вверх, – хихикнула красавица. – А то как бы ты место свое заднее не простудил!

– А откуда же ты всех нас знаешь? – вдруг изумленно спросил Добрило.

– Да это что! – засмеялась гостя – будто ручеек прозвенел. – Я не только всех знаю, я и мысли все ваши в голове прочитать могу. Вот сидит Веприк, притих и глаз с меня не сводит – думает он, что похожа я очень на маманюшку, загрустил, ее вспоминает... Вот ты, Добрило, – что тебе показалось? Что я точь-в-точь жена твоя любимая, Светланушка, когда она помоложе была? Да успел еще Малушечку, внучку вспомнить, пожелать, чтобы выросла такой же красивой да ласковой. Хорошее желание! Пускай так тому и быть!.. А про Чудю и отгадывать нечего – сидит, злодей, соображает, как бы половчее по спине меня треснуть и сказать "Аминь! Рассыпья!"

Она погрозила Чуде пальцем и он спрятался за бортника.

– Так ты что же, ведьма? – догадался Добрило. Потом тоже испугался и поправился: – Лесная колдунья?

– Баба Яга, – шепотом пробормотал Чудя у него за спиной.

– Берите выше, – посоветовала красавица.

Тут Веприк увидел такое, отчего у него язык отнялся, пришлось мычать и пальцем показывать: снег вокруг незнакомки быстро таял, а у самых ее красных сапожек уже поднимались из травы голубенькие цветочки. В полушаге от костра дерево громко затрещало от мороза.

– Ты Весна-красна? – выдохнул Добрило.

– Нет, не Весна, – ответила гостья. И, весело рассмеявшись, добавила: – Не весна, хоть я и девица красна! Еще выше поднимай!

Из утренних зимних сумерек вдруг, как солнечный зайчик, выпорхнула откуда ни возьмись веприкова голубка, всплеснула белоснежными крылышками и уселась прямо у гостьи на плече. И тут Веприка как солнцем озарило – с плачем он кинулся вперед, обхватил прекрасную незнакомку и прижался к ней, зарылся лицом в горностаевый мягкий плащ. "Ладушка! Слава тебе!" – всхлипывал он.

– Вепрюшка, простое сердечко, – ласково сказала Лада, заглядывая мальчику в глаза. – Храбрый ты, упрямый, горячий... Раста, мальчишечка, сильный, как батька твой – и еще сильнее! Быть тебе богатырем! – она погладила его по плечам. – Как сказала, так и будет! – весело заявила она и хлопнула в ладоши. – А вы что же, мужики, языки проглотили?

Добрило с Чудей стояли в снегу на коленях – перед лицом богини любви и красоты.

– А-а-а мы от красоты твоей речи лишились, – затарато-

рил Чудя, видя, что богиня ругать его не собирается. – Слова вымолвить не можем, любимся только... безмолвны стоим.

– Так любуетесь, что даже бабой ягой обозвали, – ехидно напомнила красавица.

– Это все он! – без промедления соврал Чудя и ткнул пальцем в Добрилу, а сам про себя начал нарочно думать: "Слава тебе, Ладушка пресветлая! Я очень уважаю богов – а Ладу больше всех! Ты самая красивая, самая всемогущая, самая грозная, самая волосатая... ой!"

– Обидно мне, что не сразу узнали, – надула богиня розовые губки, но тут же улыбнулась – и от той улыбки на деревьях листики зазеленели. – На да ладно. Я ругаться не люблю, я миловать да дарить люблю, уж такая я есть!.. А ведь я вам помочь пришла! Сироток пожалеть: уж больно мне пирожок дуняшкин понравился!

– Это который откусанный? – удивился Чудород.

– Не в том дело, что откусанный, а в том дело, что от сердца оторванный! Не хотела Дуняша с ним расставаться, а все-таки отдала – то мне и дорого. И повеселила она нас, давно так не смеялись! Упросила я богов явить по одному чуду для вас: и грозного Перуна, и Даждьбога, и Стрибога, хозяина ветров, и Велеса, что зверями командует и домашним хозяйством. На пути своем многотрудном не унывайте, знайте: вы не одиноки, есть у вас помощники. Но и сами не плошайте! – строго напомнила богиня. – Не грусти, Вепрюшка, верь в хорошее. С тем и оставайтесь.

Она улыбнулась на прощание и повернулась уже, чтобы уйти.

– Постой, Ладушка пресветлая! – завопили Добрило с Чудородом в один голос. – Скажи, кто нам туров послал на помощь и защиту? Кому подношение жертвовать: всемогущему Перуну или Велесу звериному?

– А это вы благодарите лес-батюшку, – ответила богиня. – Балует он тетериних сироток...

И с этими словами растворилась в синем сумраке. С минуту еще все сидели неподвижно, глядели на зеленую травушку среди холодного снега и думали о своем.

– А что это только по одному чуду боги-то явить нам в помощь могут? – наконец деловито спросил Чудя.

Костерок вспыхнул ярче, вокруг него завертелась метелица и из ветра сложился знакомый ласковый голос:

– А вам, болтунам, Чудороду с Добрилой, за поведение ваше непочтительное Перун и Велес вообще хотели языки оторвать и вместо носа приставить!

– Ты слышал, языки нам хотели оторвать? – прошептал в ужасе бортник.

– Слава вам Перун да Велес! – не сговариваясь, хором завопили оба болтуна.

– И Ладушке слава! – добавил на всякий случай Чудя.

– И Ладушке! – согласился Добрило. – И всем богам тоже слава!

Они сунули руку за подношением, но на шкурке остался

лежать только несъеденный грецкий орешек, который Фукидид прошлой осенью подарил Дуняшке, а Добря отобрал, чтобы не подавилась. Подумав немного, мужики бросили орешек в костер, надеясь, что такой редкий невиданный плод приведет богов в хорошее настроение, пусть даже всем достанется понемножку.

Глава 18. Ушибевна

Почти три недели путешествовали березовцы с дикими быками по лесам и степям. Места, где они шли, были им незнакомы, но они верили, что не зря летала над ними голубка – ладушкина любимая птица, не напрасно неукротимые туры приняли их в свою семью, не могли они завести, куда не надо. Шагали медленнее, чем туры шли бы без людей, но быстрее, чем люди шли бы без туров – долго ли, коротко ли – пока однажды утром перелесок, по которому шло стадо, не кончился над речным обрывом, с которого открылся величественный вид на широкую заледенелую реку и раскинувшийся на правом берегу деревянный город с высокими валами и могучим кремлем. (*)

– Киев! – выдохнули разом три путешественника.

– Му-у-у! – крикнула Дунька, которая совсем отвыкла от человеческой речи и теперь только мычала по-коровьи.

Туры останавливались, глядели на город и поворачивали назад в лес: их путь теперь лежал в стороне от людских поселений, дальше на юг, в теплые степи. Красавушка подошла к людям и подождала, пока Добрило снимет девочку, потом фыркнула ей в лицо на прощанье, отчего брови и ресницы у Дуньки мгновенно покрылись инеем. Корова внимательно посмотрела на бортника: сможет ли такой большой и глупый дядька хорошо заботиться о девочке, не оставить ли ее себе?

Потом она тоже повернулась и пошла к перелеску.

– Спасибо вам, звери добрые! – крикнули березовцы и низко поклонились своим рогатым спутникам и защитникам. – Век помнить вас будем!

Вожак, зная уже обычаи, наклонил в ответ голову, а потом задрал ее к небу и трубно заревел – прощался с людьми и сообщал стаду, что дальше они идут привычным звериным путем.

Березовцы постояли, посмотрели турам вслед и начали спускаться к реке, через которую по льду вилась расчищенная дорога на тот берег. Как ни торопились они к уютным человеческим жилищам, в город попали уже в сумерках.

Пройдя пахнущее дымом поселение кузнецов, путешественники задумались, где бы им заночевать. На улице уже стемнело и народ, опасаясь грабителей, заперся в домах.

– Сейчас попросимся на ночлег в крайнюю избу, авось приютят, свет не без добрых людей. Или скажут, к кому можно попроситься... Поговорить только надо по-хорошему... Акхм! – Добрыня откашлялся так, что Веприк с Чудей вздрогнули: похоже было, что громом расколело столетний дуб. – Хозяева! Люди добрые! Пустите странников переночевать! – загудел Добрило. – Молчат... Не слышат, что ли?

Веприк был уверен, что Добрилин зычный голос очень хорошо слышат не только в крайней избе, но и во всех соседних.

– Хозяева! Люди добрые! – повысил голос Добрило. С

крыши дома посыпалась солома. Добрило в полсилы стукнул в дверь. Дверь затрещала и прогнулась внутрь вместе со стеной.

– Пойдем отсюда, дядя Добрило, – поспешно сказал Веприк, забоявшись как бы могучий бортник ненароком не развалил избу. – Дома никого нету, наверно.

("Или испугались и прячутся," – подумал он про себя.)

– Да, пойдем, постучимся в другой дом, – согласился Добрило и, не успели его товарищи остановить, уже гудел под следующей дверью:

– Хозяева! Люди добрые! Будьте здоровы! Пустите странников!

Хозяева внутри испуганно пискнули и затаились. Веприк понял, что дверей им не откроют.

– Дай-ка я попрошусь, – предложил Чудя. – Хозяева! Пустите переночевать! – пропел он жалостливым надтреснутым голосочком.

– К Ушибевне идите, – ответили изнутри. – Ищите дом с каменным низом.

Походив взад-вперед по улице, березовцы отыскивали один такой дом и постучали в ворота.

– Чего надо? – услышали они через недолгое время шамкающий старушечий голосок.

– Хозяева честные! – крикнул Чудя. – Не найдется ли места усталым путникам?

– Мы запла,.. – начал было Добрило, но Чудород толкнул

его под ребра.

– Тише ты, – прошипел он. – Чего кошельком хвастаешь? Сейчас запросит с нас втридорога или обворует ночью!.. Люди добрые, – заскулил он в сторону закрытых ворот, – пустите переночевать! Детишки с нами, голодные, холодные... Скажи: "Тетенька, пусти сироток", – шепотом велел он Веприку.

– Тетенька, пусти сироток, – неохотно буркнул Веприк.

– Нечем мне вас, сироток, угостить. Идите себе, милые, мимо, – прошамкала старушка.

– Я эту жадную бабку сейчас сам так угощу, – прошептал Добрыня. – Можно я ей дверь вышибу?.. Ты постояльцев пускаешь или нет? – крикнул он сердито.

Веприк подумал, что старушка, услышав добрилин бас, побоится открыть, но вышло как раз наоборот – Ушибевна не испугалась. Когда она открыла дверь, стало понятно, почему: старуха была огромной, как две Матрены, в руке держала большой топор, а в другой – краюху хлеба. Она была такой большой, что Веприк даже сначала испугался, что это Змей Горыныч замотался в платки и подстерег их в чужой избе. За ее спиной маячили два дюжих парня – то ли работники, то ли сыновья, – оба тоже с топорами.

– Кто кричал? – с любопытством спросила Ушибевна и откусила хлеба, показав гостям длинные и острые зубы, все почти на месте несмотря на преклонный возраст.

Добрило с Дуняшкой на руках подвинулся поближе. Ду-

няшка попыталась отнять хлебушек у бабуси. Ушибевна хлеб спрятала, а Дуньке сделала из пальцев такую страшную козу, что та захныкала.

– А где ж ты ребенка-то украл, разбойная твоя рожа? – спросила старуха.

– Я не украл. Это внучка моя, Малушенька, – ни с того ни с сего наврал бортник.

– Ага, – сказала Ушибевна.

– Не внучка, а дочка, – поправился смущенный Добрило. – И не моя, а родственника моего, он у князя в подвале сидит.

– И не Малушенька, а Дуняшенька, – сердито добавил Веприк, который вранье очень не любил.

– Тятка, значит, у князя сидит, а маманю, видать, гу-си-лебеди съели, – ехидно сказала старуха. По всему было видно, что не верит она ни единому их слову.

– Нет, маманю Змей Горыныч по осени украл, – сказал Веприк.

– Ах он змей, ах он Горыныч! – поддакнула бабка. – Крадет все, что ни попадя. Вчера вот лапоть оставила на заборе – и тот унес!

– Мы три недели по лесу сюда добирались. С дикими турами.

– Верю! – согласилась Ушибевна.

– У нас мисочка разрисованная, мы грека Креонта ищем, чтоб он ее нам прочел!

– Нам Лада, богиня пресветлая, помощь обещала!

– И другие боги тоже!

– А еще обещали язык оторвать и к носу приставить, – уточнил Чудя.

– Му-у-у! – не смолчала Дуняшка.

– Заходите, – сказала Ушибевна и посторонилась в воротах. – Вы не разбойники. Вы полоумные. Я с вас за это лишнюю кунью шкурку возьму. Или две лисьих – а вдруг дом мне подожжете, вы же не соображаете ничего... Безобразушка, проводи-ка гостей.

– А были бы разбойники? – проворчал Добрило.

– Ушибла бы! – радостно прошамкала бабка, играя топором. – Я ж Ушибевна, не кто-нибудь!.. Эй, парень, а не твой ли это батька князю нашему кричал князь он или не князь? Как там его звали? Имя еще такое смешное...

– Владимир Святославич, – подсказал Чудя.

– Да не князя! Мужика этого нахального.

– Тетеря! Батяня мой, – взволнованно ответил Веприк. – Ты не знаешь ли, бабушка, как он там, жив ли?

– Да сидит, вроде... Вот, спать в этой комнате будете.

Ушибевна с сыном привели березовцев в довольно чистую большую комнату с широкими лавками. Одна стена была теплой – наверно, за ней стояла печь в хозяйской избе. После зимнего перехода усталым пешеходам такая красота и не снилась – они упали на лавки возле теплой стены и проспали глубоким сном до позднего вечера, когда Ушибевна разбу-

дила их и заставила пойти помыться в бане.

Чистые и выспавшиеся, березовцы ранним утром готовы были навестить греческих купцов, но сначала послали Чудю найти дружинника Свена, передать ему привет и благодарность от Веприка и расспросить про Тетерю. Сам Веприк около жилища князя показываться боялся. Оказалось, что березовский охотник по-прежнему сидит в подвале, молчит или поет печальные песни. Князь Владимир один раз осерчал на него за упрямство и велел уморить голодом: оставил Тетерю без обеда, но потом простил и даже прислал вареную курицу с княжеского стола. В другой раз Тетеря сам обиделся на князя и три дня ничего не ел, даже пирогов, которые носят ему жалостливые киевские бабы, но потом ему обижаться надоело и он съел еще одну курицу, которую прислал князь. Так и живут.

Что касается Ильи Муромца, то, как выяснилось, от Чернигова он уже вернулся, разбив наголову всю печенежскую рать. Но гостил в Киеве недолго: завез только князю полсотни пленных печенежских ханов и ускакал в Новгород – там, рассказывают, немецкое войско напасть обещало.

Глава 19. Торговый грек Креонт

Греческий двор располагался в богатой части города. Это было целое поселение, где торговали и жили чужеземные купцы. Все они прилично могли говорить по-русски, потому что этот язык был им нужен для ведения торговых дел. Некоторые купцы приплывали по Днепру на кораблях весной и уезжали домой осенью, до того, как реки покроются льдом. Некоторые жили в Киеве постоянно. Они привозили греческие вина, соль, прекрасные ткани, благовонные масла для светильников, сладости, изящную посуду, сушеные фрукты, душистые травы и многие другие дары теплого климата и умелых рук, в обмен на которые из Руси шли корабли, нагруженные мехами, медом, зерном, древесной корой и воском.

Греческое поселение состояло из разнообразных построек: на русский лад – деревянных и на чужеземный – сложенных из камня (*). По большому двору в изобилии сновали греки, все до одного похожие на Фукидида: с такими же смышленными черными глазами и кудрявыми волосами. Присмотревшись, березовцы научились их различать: у одних греков носы были от мороза красные, а у других – синие.

Креонта они нашли возле винных складов – пожилого, высокого, черноглазого, с умным высоким морщинистым лбом и красным носом.

– Будь здоров! – поклонились березовцы. – Мы к тебе от

знакомого нашего, грека Фукидида.

– Фукидид?! Мой ученик, помощник и племянник?! – вскричал взволнованно Креонт. – Где он? Что с ним? Уже почти три месяца, как он пропал!

– Он уехал, – неохотно ответил Веприк, очень надеясь, что новый знакомый не станет дальше спрашивать, каким образом и куда уехал Фукидид.

– По делам, – уточнил Чудя, переглянувшись с мальчиком.

Им не хотелось обманывать старого умного грека, но признаваться, что произошло на самом деле тоже не было желания – а вдруг грек рассердится и не станет читать им письмо.

– Уехал и ничего не сказал мне? – изумился Креонт. – Что же за дела увлекли его так спешно и далеко? Неужели бояре в Новгороде готовы принять наши цены на драгоценных горностаев? А может, какой-нибудь князь пообещал ему урожай зерна и целебной редьки со своих полей? Куда же он направился?

– В Березовку, – буркнул Веприк.

– Удивительно! Первый раз слышу. Что же за редкие товары могут быть в этой Березовке?

– Шкурки ежей, – ответил Веприк, не долго думая.

– Интересно! Это зверь или птица?

Все собеседники выжидательно уставились на юного охотника: Креонт, Чудя, Добрило и Дунька.

– Рыба, – брякнул Веприк, устремив задумчивый взор в

небеса. – Но мохнатая! – не видя понимания в грековых глазах, он добавил: – Потому что зимой лазает по деревьям и ест белок.

– Воистину многими чудесами чудна земля русская! – восхитился Креонт.

– Да уж, – подтвердили березовцы.

– А каково же славное имя березовского князя?

– Чудород, – ответил Чудя.

– А как его по отчеству?

– Матреныч, – подсказал Добрило.

– Тут письмо у нас, – сказал Веприк, открывая шкатулку и толкая одним локтем Добрилу, а другим – Чудю. – Фукидид велел тебе показать.

– Письмо?! Что же вы сразу не сказали... Это что? Надо же какое странное послание. Ну-ка посмотрим,.. – Креонт принялся читать вслух. Березовцы пододвинулись к нему поближе. – "Прежде всего надерите уши тому маленькому мерзавцу, который доставит это письмо..." Кто доставил это письмо?

– Я! – ответил Добрило, быстро загородив Веприка своим могучим телом.

Грек в замешательстве уперся взглядом в широкую бортикову грудь.

– А поменьше мерзавца у вас не найдется? – осторожно спросил он.

– Есть и поменьше, но я гораздо мерзее, – твердо сказал

бортник. – Мне уши и дерите. Если еще есть желание.

– А я вообще-то считаю, что за уши драть непедагогично, – быстро решил Креонт и уткнулся в письмо. – Так.. что тут дальше? "Ищите меня!" Кого искать?

– Тут еще есть кусочек.

– Ага! "...за дикими пустынными степями,

За снежными высокими горами,

За морем, что раскинулось, как небо,

В ужасной пустыне в черных песках" ... Так! – Креонт возмущенно упер руки в бока, шмыгнув носом и с большим подозрением поглядел на березовцев. – За степями, за горами, за морем, в ужасной пустыне – вы мне хотите сказать, это там находится ваша Березовка?

– Нет, там не наша! Там другая Березовка. Их много! – начали оправдываться мужики. – Песня даже есть "...в Березовке, что за другой Березовкой, а за той еще Березовка..."

– Знаю, – кивнул Креонт. – Хорошая песня. "Ой да то не зоренька ясная" называется.

– Вот! Это про Фукидида!

Пожилой грек от негодования даже уши пальцами заткнул.

– Почему-то мне кажется, – сказал он, – что вы все врете.

– Врем, – согласился Добрило.

– Только у нас не очень хорошо получается, – признался

Веприк.

– Но мы стараемся, – заверил Креонта Чудя. – Можно, мы

еще разок попробуем?

– А может вы попробуете сказать мне правду? – предложил Креонт.

Веприк набрал полную грудь воздуха.

– Мы нарядили Фукидида красной девицей и его украл Змей Горыныч, – выпалил он одним духом.

– Можно ли придумать более глупую небылицу?! – воскликнул грек, от возмущения сверкая черными глазами и сопя красным носом.

– Можно, конечно, дурное дело не хитрое, – вздохнул Добрило. – Только вот правду-то другую не придумаешь, мы все как есть сказали.

Креонт снова нахмурился, подбоченился, потом внимательно поглядел на гостей и опустил руки.

– Расскажите-ка все сначала, – потребовал он.

Березовцы и рассказали: как унес змей Смеянушку, а киевский князь посадил в подвал ее мужа Тетерю, как Веприк привел в деревню Фукидида, как одели его Весной-красной и всучили Змею Горынычу, как дали ему с собой дощечку восковую для письма и ручную голубку, чтобы отнесла письмо из змеева логова обратно в Березовку. Веприк открыл железную шкатулку и показал завернутые в полотенца находки.

– Какой невероятный рассказ... За степью и за морем, – пробормотал Креонт, морща лоб.

Послание Фукидида было не совсем ясным. Песни он, конечно, хорошо сочинял, а дорогу запомнить не сумел. Он

даже не умел сказать, где север, а где – юг, поэтому сложил красивую поэму про то, что видел, пока висел в лапах у дракона.

– Так, – начал рассуждать Креонт. – Раз мой племянник пишет про степи, значит змей полетел на юг, к теплым морям.

Добрило и Веприк кивнули. Чудя пожал плечами, но сказал "Ясное дело – на юг, куда ж еще".

Бортник подтвердил:

– Правильно. Чем южнее от Киева, тем меньше лесов и больше полей. А в северную сторону – наоборот, леса все гуще.

– А за степью, значит, должны находиться горы,.. – бормотал грек. – Так сказано в письме... А что же это мы на улице разговариваем? Пойдемте-ка в библиотеку, у меня тоже есть, что вам показать.

Глава 20. Советы мудрых греков

– Би-би! – хихикнул Чудород.

– Дядя Чудя, ты чего? – сердито зашептал Веприк.

– Да место какое-то смешное, куда мы идем. Биби... биби-литека!

– Библиотека! – поправил Креонт важным голосом. – "Библион" – это греческое слово, значит "книга".

Березовцы все равно ничего не поняли, потому что книг никогда в жизни не видели. Да и ты тоже: сидишь, читаешь, – большой, значит, учености человек несмотря на молодые годы, а попадись к тебе в руки старинная книжка – и не узнаешь даже, что это такое.

Бумаги тогда не употребляли, писали обычно на коровьей или козьей коже, а первые русские книги вообще были деревянными, с вырезанными ямками, в которые наливали воск и потом на нем чертили буквы. Письма часто писали на березовой коре – просто царапали ее чем-нибудь острым.

Страниц было мало, иногда всего две или три, а часто – одна длинная, свернутая трубочкой, называвшейся "свиток".

Хранились книги не на полках, а в деревянных сундуках, обернутые для сохранности тканью и посыпанные душистыми травами от моли и жучков.

Креонт привел гостей в просторную избу с белеными расписными стенами, в которой стояли вокруг печки столы и

лавки, а у столов сидели деловитые греки. Некоторые из них имели в руках гусиные перья, которыми они на удивление березовцам вырисовывали черные казюльки, вроде фукидидовых – так, стараниями ученых писцов, появлялись на свет новые книги.

Креонт покопался в большом сундуке и развернул на столе необыкновенный рисунок, весь в беспорядочных пятнах и метинах, как бок у плешивой козы.

– Вы знаете, что это такое? – спросил грек.

– Да! – хором ответили березовцы.

– А что это? – спросил Веприк.

– Это географическая карта, – терпеливо принялся объяснять Креонт. – Вот, видите тут длинную кривую линию? Это Днепр. Вот в этом месте – Киев, а там – Новгород...

– А это – дорога новгородская? – спросил Веприк, ведя пальцем по неровной черте.

– Как ты быстро все понял, юный рус! – восхитился Креонт, деликатно снимая грязный веприков палец с карты.

– Постой, – воскликнул мальчик в сильном волнении. – Это ведь как будто я – птица и лечу высоко в небе над светлой Русью! Вот Чернигов! А в той стороне, куда течет Днепр должно быть синее море, мне батя рассказывал.

– Правильно, вот оно, – обвел Креонт место на карте. – Это море вы русские довольно нахально называете Русским морем, прочие же иноземцы зовут его "Черным". В него впадает Днепр, а за ним – видите? – находится наша столица,

славный город Константинополь.

– Дяденька! – волновался Веприк. – Чудо-то какое! Я как будто весь мир за один раз сверху увидел!

– Гляди, не свались сверху-то, расшибешься – завистливо посоветовал Чудя, который сам пока ничего не понял в мудреной картинке.

– Смотрите: в сторону Новгорода лежат дремучие леса.

Правильно? А южнее – степи, – показывал Креонт. – Как писал Фукидид? "За дикими степями, за высокими горами, за морем, которое как небо..." Если лететь над степью, можно прилететь сюда – к Карпатским горам, – он постучал по неровным зубчикам на картинке. – А можно и сюда – к горам Кавказским. Но за Кавказскими горами никакого большого моря нет, а за Карпатскими – наоборот, простирается Средиземное море, которое древние ученые даже сравнивали с океаном, а ваши мореплаватели прозвали Великим. И между прочим, воды его славятся своей небесной голубизной. И вот, посмотрите!.. – престарелый грек поискал вокруг себя, нашел возле печки длинную соломину и приложил ее к карте. – Смотрите, я веду линию от Киева, через Карпатские горы, дальше через море и – куда попадаю?

– Куда? – спросил Чудород.

– В Африку! Прямоком в огромнейшую пустыню! "В ужасной пустыне, в черных песках"... На языке местных жителей пустыня эта называется "аль-Сахара", а сами себя они именуют "аль-арабы".

– А что за "черные пески"? – напомнил Веприк.

– Не знаю, – Креонт пожал плечами. – Такого места на карте нет, а сам я в пустыне никогда не бывал. Туда вообще мало кто ездит, потому что жители там все сплошь разбойники и, если нет никакого врага, чтобы напасть на него, воюют между собой.

Веприк вспомнил про черные песчинки, лежавшие в шка-

тулке и достал свои сверточкИ. Он показал сгрудившимся вокруг стола любопытным грекам три кусочка сала, облепленные песком: один – белым, другой – черным, а третий – золотистым.

– Такой песок может быть и в пустыне и на речном берегу, – сказал Креонт, разглядывая желтый кусочек. – Ничего особенного я в нем не вижу. А белый песок мне знаком: разве можно его не узнать, если так часто играл и кувыркался в нем ребенком? Такого сияющего, такого прекрасного белого песка нигде больше нет – только на берегу Средиземного моря. Я закрываю глаза и вижу пляжи родных Афин... Ну конечно! Ты говоришь, белые песчинки были на животе твоей голубки? Конечно! Торопясь назад домой, она перелетела через море, наверно, выбилась из сил и села отдохнуть, едва достигла суши! Поэтому песчинки и забились ей в перья снизу. А желтый песок, видимо, бросал ей на крылья ветер в пустыне, поэтому он остался сверху...

Березовцы слушали, открыв рот: по всему выходило, что змей прячется именно там, где показывал умный грек. Вот только про черные пески никто из собравшихся не смог ничего сказать.

– Но даже если нам удастся с точностью определить местонахождение дракона, что же вы собираетесь в таком случае предпринять? – поинтересовался Креонт.

Березовцы смутились.

– Я все думаю, как бы мне змея убить, но пока ничего

придумать не могу, – признался Веприк. – Пока что нам его хотя бы найти надо...

Греческие купцы захихикали, поглядывая на тоненького белобрысого мальчика в меховой простонародной свитке.

– Думали мы Илью Муромца позвать, да он Чернигов защитил и в Новгород подался.

– Эврика! – вскричал неожиданно Креонт.

– Да ты и сам, небось врешь не меньше нашего, – обиделись русские гости. – А мы-то почти и не врем... целых полчаса уже.

– Что я такого сказал? – удивился пожилой купец.

– Да разве не ты сейчас тут каркал "э-э, ври-ка!ль"? – хмуро напомнил ему Доброило.

– О боги! Вы меня не так поняли. "Эврика" по-гречески означает "Я нашел". Мы, образованные греки, кричим "Эврика" всегда, когда в голову приходит хорошая идея.

– Ты придумал, как убить змея? – обрадовался Веприк.

– Нет. Зато я знаю, как спасти Фукидида. Очень просто: мы заплатим выкуп! Так дракону и передайте. Мы готовы начать торг... ну хотя бы с трех оправленных в золото рубинов. Дракон ведь любит драгоценные камни? Или можем обменять нашего товарища на красивую рабыню. Таким образом, ваша задача упрощается до малого: не надо никого убивать, просто сходите к дракону и передайте ему наше предложение.

– А куда идти-то? – любопытствовал Чудород.

– Как куда? В Африку, я же вам показывал. А там, я думаю, найти его пещеру уже не трудно.

– Ты ж сказал, там мужики все – разбойники! Куда ж ты нас отправляешь?!

– Это я не совсем правильно сказал, – смутился Креонт. – Важно, с какой стороны посмотреть. Глядя издали, мы можем принимать их за разбойников, а вблизи они, может, добрые милые люди. В конце концов, в каждом человеке можно отыскать что-то хорошее...

– А в Африку как мы попадем? Тебе твоя "эврика" про это что-нибудь сказала?

– Нет ничего проще: мы посадим вас на торговый корабль до Константинополя – поплывете по Днепру и через Русское море. А оттуда на любом корабле вы с легкостью достигните африканского берега, там недалеко.

– Придется только месяца три подождать, – добавил молодой купец, торгующий ароматными маслами. – Пока лед на реках растает.

Березовцы повесили носы, а греки загалдели, обсуждая подробности дела: хватит ли трех рубинов и не много ли будет за Фукидида отдать целую рабыню.

– Итак, будем действовать по плану, – решили греки. – Мы собираем выкуп и руководим переговорами, а вы будете нашими гонцами. Предложите дракону для начала два рубина. И потом передайте нам, что он на это ответит... Хорошо бы еще получить от дракона какое-нибудь доказательство, что

вы действительно с ним говорили, а то боязно вам рубины в золоте отдавать. Пусть пришлет с вами, например, чешую или коготь.

– Пусть уж все три головы разом присылает, – пробурчал Добрило.

– Не надо. Как же он с нами без голов будет вести переговоры?.. Вы, знаете что, не самовольничайте, делайте, что вам умные люди говорят, – сказали строго греки. – Ваше дело маленькое: уехал-приехал, а нам думать надо, всем делом руководить – мозги расходовать!

Печальными вышли березовцы с греческого двора, дошли до Днепра и долго с неприязнью смотрели на его ледяной простор.

– Три месяца! – шептал Веприк. – Маманя в берлоге у змея зачахнет.

– А боги-то где же наши русские с их обещанными чудесами? – вспомнил Чудя. – Велели нам помнить, что мы не одни на пути многотрудном – и ни слуху от них ни духу. Я уж и соскучиться успел. Теперь-то мы и вправду не одни: с нами премудрые греки, которые будут нас гонять до змея и обратно, как Сидор свою козу. Это что ли и есть обещанное чудо?

– Я вот что думаю, ребята, – сказал Добрило. – Или мы на своем многотрудном пути чудес не заметили. Или весь этот путь еще впереди.

Глава 21. Чудо Велеса

Березовцы все больше печалились, запертые в Киеве, как в клетке, посреди мерзлых равнин. Зачем надо было так спешить сюда зимой на удивление всему народу?

Как-то раз зашел в гости дружинник Свен.

– Мы вот что с ребятами решили, – сказал он. – Если найдете вы берлогу змеиную, зовите дружину – разрешит ли князь Владимир, нет ли, а поедем мы змея воевать, знать бы только в какую сторону ехать.

– В эту, как ее,.. – наморщил Добрило лоб.

– Во-во, – подтвердил Чудя. – Туда нам и надо.

– В Африку, – сказал Веприк.

– Но ведь Африка бывает только в сказках, – удивился Свен. – Это волшебная земля, где живут удивительные существа: быки с рукой вместо носа, отвратительные скользкие бегемоты с ядовитым толстым языком, полосатые змеелошад: голова лошадиная, а вместо шеи – змея, мохнатые древесные человечки ростом с собаку и другие люди – огромные, блестящие и совсем черные. Слышал я также про людей с песьими головами, обитающими там и про многие другие чудеса.

– Африка на самом деле существует, упрямо сказал Веприк. – Мы сами видели ее на греческой карте...

– Да, – добавил Чудя. – Видать видали, да сам не едали...

Путешественники долго сидели молча и грустили. Один Чудород надоедливо бубнил, качая Дуняшку на коленях:

– Баюшки-баюшечки,
Спи-поспи, Дунюшечка,
Спи-поспи, лягушечка,
Спи-поспи, кукушечка,
Спи-поспи... кадушечка,
Спи-поспи...

– Выгоню я вас, – сказала Ушибевна, уныло притулившись в углу. – Не могу больше этот гундѣж слушать! Этак он всех нас до смерти загудит. И девочку полудурком сделает.

– Вредная старушечка, – все так же нудно продолжал свою колыбельную Чудя. – Прямо как змеюшечка...

+++

Из своей светлой удивительной страны, где всегда теплое лето, русские боги с большим интересом следили за делами Веприка и его товарищей.

– Что ж им теперь в самом деле до лета в Киеве сидеть? – сказала Лада, богиня любви. – Сделайте же что-нибудь... Велес, дай им коней! Ты же с легкостью можешь перенести к ним на двор лучших скакунов из княжеских конюшен!

– Ты какое обо мне представление имеешь? – возмущенно спросил Велес, бог домашнего хозяйства и лесного зверья. – У меня всего и чудес что ли – коней воровать? Такими чудесами пусть они сами и занимаются!

– Они хорошие честные люди, – вступилась за березовцев

Лада. – Хотя и с дуриной. Не станут они коней воровать.

– А я – хороший честный бог, – гордо ответил Велес задирая косматую голову.

– Хотя и с дуриной, – хихикнув, подсказала вечно юная Леля, дочка Лады, покровительница влюбленных.

– Пешком пусть идут, – буркнул Велес.

– Пешком им в три месяца до моря не дойти.

– Ладно, что-нибудь придумаю, – ответил Велес, который, хоть и любил показать свою строгость, а сердце все-таки имел.

+++

Следующее утро в хозяйстве Ушибевны началось с большого потрясения. Старухин старший сын по прозвищу Кривоног вышел на улицу, когда еще было совсем темно. Во дворе он услышал чье-то сопение и, так как не любил, когда к ним заходят без спроса, вытащил тяжелый кол и на цыпочках подкрался поближе. По звуку шагов он пытался определить, сколько воров к ним залезло и наопределял человек пятьдесят – так шумно и нахально гости топтались. От удивления Кривоног высунулся из-за угла и в первых утренних лучах разглядел у себя во дворе невиданных косматых зверей огромного размера.

До самого полудня никто не решался показать нос из дому: люди боялись, что чудища сожрут их и костей не оставят. Потом Ушибевна услышала, что звери залезли в кладовую и не выдержала. Она собрала семью, все ушибеевцы

взяли топоры и выступили в поход на врага. Враги, оказалось, жрут свеклу из зимних запасов и таскают солому с крыши сарая. Всего обнаружилось пять удивительных косматых зверей снежно-белой масти – вроде зубров, но с длинными лосиными ногами и с надменными мордами: точь-в-точь заячьими, только уши маленькие. Звери, как бы между делом, посмотрели на людей удивительными голубыми глазами и задумчиво уставились на крышу избы, делая вид, что свеклы не брали. Изумляя зрителей, на спине у каждого торчали два высоких горба.

– Чудо! – выдохнул Добрило со страхом и радостью.

– Бегемоты мерзкие с неба просыпались! – прошептал Чудород.

– Мое! – крикнула Ушибевна и растопырила длинные загибающиеся руки.

– Не подходи к ним, бабка, – предупредил Чудя. – Они, наверно, ядовитые, хуже гадюки.

– Пугай больше! – оскалилась Ушибевна. – Мясо съедим, а из шкуры шубу себе сошью! Татарской королевой ходить буду!

– И мне, маманя, – потребовал Безобраз. – Я тоже хочу ходить татарской королевой!

– И тебе, дитяtko. И Кривоноженьке. Окружайте с топорами, а я отвлекать их буду... кис-кис-кис!

– Да вы что?! – завопили Веприк, Добрило и Дунька заодно с ними. – Это же чудо божеское! Это нам боги зверей

в помощь прислали!

– Как бы не так! Если вам в помощь, так и слали бы к вам домой, а прислали мне! Мое!

Бабка попробовала ухватить за шею ближнего зверя, но он вдруг сказал "тьфу!" и метко плюнул прямо ей в лоб.

– Я знаю, что это за звери, – спокойно сказала Ушибевна, утираясь фартуком. – На таких, сказывают люди, из Персии товары везут. Верблюд называется. Все, как рассказывали: горбатый и плюется... У-у, зараза, поплюйся еще на хозяйку!

– Тьфу!

– А верблюды ядовитые? – спросил осторожный Чудя.

– А человека он сожрать может? – добавил Веприк.

– А разговаривать они не умеют? – встрял Доброило.

– Му-у-у! – дружески сказала Дунька верблюдам.

– Брысь! – закричала Ушибевна. – Отойдите, голодранцы!

Своих верблюдов нет, так на чужих нечего рот разевать!

На березовское счастье боги тоже не дремали.

– Полюбуйся, что ты сотворил, – сказала Велесу Лада, делая в воздухе изящное движение правой рукой. Тут же, как в волшебном зеркале, перед ними появилась живая картина: жадная старуха Ушибевна носилась по двору, шипела на березовских гостей и грозила им топором, чтобы не смели подходить к верблюдам.

– Да, – с гордостью согласился Велес. – Это я сотворил. Эти удивительные животные – мои создания. Они чрезвы-

чайно умны, не боятся ни жары ни холода, никогда не устают, довольствуются самой простой пищей. Я назову их Кли-темнестра, Амфибрахий, Теодор...

Прислушавшись к воплям на ушибеевском дворе, Лада с небольшим злорадством сообщила:

– Их уже назвали: Белка, Гляделка, Сопелка, Плюнька, и Горбатка.

– Горбатка, тпру, животина бестолковая! – орала тем временем Ушибевна. – Эй, Безобраз, стукни Сопелку чем-нибудь, не видишь, он крышу у сарая грызет?!

– Тьфу!

– Тьфу!

– Ах, необразованные люди, недостойные моего дара! – возмутился мохнатый бог. – Вот и старайся для них после этого!

(С тех пор на Руси верблюды не водятся. Особенно мало их в Березовке.)

– Из твоих чудесных созданий хотят шубы сшить! Ты бы хоть письмо с ними послал, кому они предназначены и зачем.

– Как я могу послать письмо, если эти деревенские жители читать никто не умеет?.. Ладно, придется с ними поговорить...

Немедленно вслед за этими словами Плюнька пожевал измазанной в свекле мордой и заявил громким голосом:

– Я Велес, мохнатый бог!

– Слава тебе Велес! – с изумлением вскричали мужики и пали на колени перед верблюдом.

– То есть я не Велес, – поправилось животное в некотором смущении.

– Ого! А верблюд-то оказывается пошутить не дурак! – с уважением отозвался Чудя, поднимаясь с колен.

– Я говорю с вами как Велес, – пояснил верблюд.

– Говоришь, как Велес, а морда у тебя похожа на зайца, – сказал Добрило, не зная, чем бы досадить подшутившему над ними говорящему зверю.

– Слушайте меня, глупые люди! – рывкнул Плюнька. – Устами этого верблюда с вами говорит звериный бог Велес. Приветствуйте и почитайте его!

Мужики снова бухнулись на колени и начали озираться.

– Устами какого верблюда? – спросил Чудя у говорящего верблюда.

– Вот этого!.. Перун вас разрази! – Велес выругался, потому что сообразил, что у верблюдов нету пальцев и он не может показать, куда нужно. – Вот! – Плюнька мотнул мордой у колен, пытаясь указать на себя самого.

– Где? – вытянули шеи мужики, думая, что животное тычет себе под ноги, где, наверно, прячется какой-нибудь малюсенький верблюдик, специально сотворенный Велесом как свидетельство его силы и мастерства.

– Я! – заорал верблюд.

– Слава тебе!.. – закричали все присутствующие в один

голос. Дальше – кто сказал "Велесе", а кто – "верблюде".

– Я прислал вам в помощь этих чудесных животных! Они сильнее быка и могут с легкостью передвигаться по глубокому снегу. На спине у них жировые запасы в виде горбов, так что верблюды могут целых две недели прожить без корма. Посмотрите в корзинах – там есть все, что нужно для вашего путешествия: сушеные фрукты, хлеб, мясо, горшки, ножи, лук со стрелами, ковры, ветки для костра и прочее. Видите длинные колья, привязанные к бокам одного из верблюдов? Это юрта – кочевой дом, как у печенегов. Ее можно собирать в дороге и накрывать коврами, а потом разбирать и везти дальше.

– Слава тебе! – хором ответили березовцы, роясь в огромных круглых корзинах, висевших у верблюдов с каждого бока.

Чудя открыл одну корзину и обнаружил пару больших свекол, засунутых, видимо, запасливым Гляделкой поверх горшков с едой. Гляделка кротко моргнул голубенькими глазками. Чудород быстро прикрыл корзину и погрозил верблюду пальцем.

– Курага, чернослив, сушеные финики, дыня в сахаре, изюм, жареные бананы, маринованные грибочки (*), .. – перечислял Велес. – Персики в меду, яблоки моченые, соленые огурцы,.. не мешайся, бабуся, и банан на место положи!.. про яблоки моченые я говорил?

Ушибевна разинула свой людоедский рот и заныла:

– Подарки царские кому попало раздают, а меня, бабулю, и забыли. Бабуля старенькая, никто ей не поможет, сироток ее не пожалеет...

И великаны Безобраз с Кривоногом загудели самым подлым образом:

– Никто нас не пожалеет, сироток...

Ладно, ладно, – поморщился говорящий верблюд. – Пусть корова ваша старая весной сама собой опоросится.

– Чудо! – радостно сказал Добрило.

– Конечно, чудо, – с недовольным видом подтвердила Ушибевна. – Коровы-то телиться должны, а не пороситься!

– М-да, – пробормотал Велес. – Но теперь уж ничего не поделаешь, слово мое крепко. Ничего, разок опоросится, небось не умрет.

(И действительно: по весне ушибеевская Милка родила восемнадцать розовых здоровеньких поросят. К большой, между прочим, радости своих хозяев.)

– Ну, прощайте. Скатертью вам дорога, – пожелал звериный бог.

Плюнька несколько раз удивленно пожевал волосатыми мягкими губами, но больше слова из него не шли. Плюнька подумал и потянулся за соломой на крыше.

– Удивительное дело, – молвил Чудород. – Нас никто не спросил – снарядили нас в дорогу и счастливого пути пожелали. На ноги поставили, значит, петъ-плясать заставили! И правда чудо чудное!

– Да, – согласился с ним Доброило. – Похоже, пол-Киева ждут-не дождутся, когда мы в Африку уедем. А там уж все соберутся и помогать начнут: и греки, и войско княжеское, и Аника-воин, пожалуй, тут же отыщется!

– И Илья Муромец, – добавил Чудя.

– Так что – едем? – спросил Веприк.

Оба его товарища ухмыльнулись и дружно кивнули.

– Бабуля, – обратился с просьбой к хозяйке Доброило, – ты бы сенца животным нашим выдала... или хоть соломки. Мы заплатим! Хочешь серебром, хочешь мехами.

– Хочу! – сразу оживившись, блестя от жадности маленькими глазками сказала Ушибевна. – И серебром хочу и мехами. И золотом и алмазами. И – что еще у вас там есть?

Весь день путешественники знакомились с верблюдами и устраивали их на ночлег: гладили и чесали мохнатых животных, дивились их росту и гордому виду, кормили, водили по двору за уздечку, рассматривали подарки в корзинах. Потом осмелели: посадили Дуняшку верхом на Белку, между высокими горбами и долго ее катали. Горбатка сам подошел к Веприку и, подогнув сначала передние, а потом задние ноги, улегся на землю перед ним. Юный березовец с опаской устроился между горбами и ойкнул от страха, когда верблюд встал, высоко подняв седока на себе, гораздо выше, чем на лошади или на заборе. Веприк сначала все хватал в обнимку передний горб и сползал то на один то на другой бок – под хохот товарищей, но Горбатка вышагивал так плавно, что маль-

чик скоро перестал бояться.

Глава 22. Пора в дорогу

– Радость-то какая вам привалила, – выйдя во двор, сказала Ушибевна. – Отпраздновать бы надо... Прошу к столу, гости дорогие!

Немало удивленные, березовские путешественники последовали за ней в хозяйскую избу и нашли там большой струганный стол, а на нем – одинокую мисочку со вчерашней постной кашей и сырую свеколку, скорее всего, отнятую хозяйкой у одного из верблюдов. За столом, с ложками наготове, сидели уже Кривоног с Безобразом.

– Это что за праздник такой? – пробурчал Добрило. – На столе-то пусто!

– Ась? – тут же вскинулась Ушибевна. – Старая я бабуленька, слышу плохо – что ты там говоришь? Угощенье не нравится? Так ведь не все ж подарки бесценные от богов каждый день получают! Мы-то люди бедные, что имеем – все с гостями делим!

Бабка облизнулась и выжидательно уставилась на пришедших. Помолчали...

– Где ж мне, бабушке, разносолов-то взять? – уже начиная сердиться на недогадливых слушателей, опять принялась причитать старуха. – Ножки-то у меня старенькие, ручки-то – старенькие, слабенькие...

Она по привычке откусила от ломтя сала, оказавшегося в

одной руке и быстро спрятала руки за спину, отчего на плечах у нее заиграли могучие мышцы.

– Мамань, мамань, про сироток забыла сказать, – подсказал шепотом Безобраз, чуть не сломав в руке деревянную ложку.

Березовцы со вздохом переглянулись, вышли и вернулись с руками, полными угощений из велесовых подарков. Очень скоро все собрание объелось жареных бананов и повеселело. Спели несколько хороших песен, а Дуняшка поплясала немножко – себе и другим на радость. После тягостных бездельных дней Веприк готов был хоть сию минуту встать, забраться на верблюда и пуститься в путь. Душа у него пела от радости, а живое воображение уже рисовало перед глазами неведомое Черное море. Может и правы премудрые греки: может, уговорит он Змея обменять маманюшку на богатый выкуп. Тут вспомнились ему круглые наглые глаза чудовища, когда оно кричало, что Смеяна больше не их ума дело, и Веприк засомневался, станет ли Змей меняться. Ну да ничего, не сумеет он уговорить – авось дружина княжеская договорится.

– Слышь-ка, – сказала Ушибевна. – А мамку-то твою и впрямь ведь Горыныч унес! Ишь ты! Беда! – она облизала мед с персика и с любопытством спросила: – И куда ж вы теперь? Прямо к змею?

– Это не так-то просто, – ответил за товарищей Веприк, который не один раз изучал у греков карту и слушал объяс-

нения Креонта. – Горыныч-то, судя по всему, в африканской земле гнездится – туда надо морем плыть. Да не через одно море, а через целых три!

– Это на всякий случай! – с грустным видом пояснил Чудород. – На случай, если мы в первом не утонем.

Добрило толкнул Чудорода, чтобы тот не мешал, и Веприк продолжал:

– Вот, погляди, бабушка Ушибевна, – пригласил он и положил на стол ложку. – Вот так течет Днепр...

– Какой там Днепр! У меня каша недоедена! – возмутился обжора-Безобраз и забрал ложку.

Безобраз принялся доедать вчерашнюю кашу, а Веприк положил на стол другую ложку.

– Вот Днепр, – сказал он. – Он течет на юг, откуда приезжают к нам греки и армяне. Он бежит себе и бежит, пока не вливается с синее море. То есть Перун его знает, синее оно или не синее, раз люди его Черным зовут, – Веприк поставил к ложке деревянную миску с квасом. – По-нашему, по-русски, прозвано оно Русским, а по-гречески – "Эвксинский Понт"... За этим морем – еще одно, называется Эгейское, а за тем – третье, Средиземное, в середине земли лежит, значит, – выбрав мисочку поменьше, юный березовец поместил ее рядом с деревянной, а дальше поставил большой горшок с огуречным рассолом. – Эгейское море, греки сказывали, теплое и маленькое, в нем множество островов, а Средиземное – огромное и синее, как небо... Вот нам сначала надо

доехать до Черного моря – в южную сторону, как Днепр течет. Дядя Креонт говорил, чем дальше поедem, тем теплее нам будет. Там, на юге, лежат такие земли, где зимой снега не видали!

– Врешь, – пожала плечами Ушибевна. – Не может такого быть. Что ж у них зимой, горох с неба сыпется что ли? Как они с горки-то катаются?

– Очень даже может, – сказал с убеждением Добрило. – Там на юге, наверно, кузница Сварога, отца богов. Там кует он новые души для нерожденных людей.

– А я думаю там, на юге, огненные пещеры, куда недобрые души после смерти попадают, – высказал догадку Чудя.

Веприк согласно кивнул товарищам.

– Конечно, с такими чудесными делами без богов всеильных не обошлось. Страшно даже подумать, отчего такой жар идти может. Но нам так далеко, слава Перуну, не надо. Нам бы доехать до Черного моря, а там найти корабль – и в Константинополь, вот он, на берегу, – маленький охотник положил свеколку рядом с деревянной миской. – А из Константинополя уж в Африку, вон туда, – он похлопал ладошкой возле горшка с рассолом. – Там пустыня Сахара, а в ней где-то берлога змеиная. Где – мы не знаем, но, наверно, на месте оно виднее, чем издали... Дядя Безобраз! Что ж ты кусок свой прямо в Эгейское море макаешь?!

– Это лебедь по морю плавает, – отвечал с набитым ртом Безобраз, набирая на хлеб меду из мисочки, означавшей

Эгейское море. – Как там греки обещали? Какое это море?
Вкусное и сладкое? Я и пробую.

– А где вы корабль будете искать? Разве что царь морской вам его уже снарядил!

– Корабль нам придется самим найти. Греки сказывали, на море есть город Сурож [4], вот там много каких хочешь кораблей и плавают они по всему торговому миру. А дальше

в ту же сторону – русский морской город Тмутаракань, но нам лучше в Сурож, он ближе.

– Нельзя вам ехать, – вступил вдруг в разговор Кривоног. – Чем дальше от Киева, тем леса меньше – все степь да степь. Русскому человеку лес всегда нужен для защиты. А в степи – печенег: убьют вас или уведут в плен. Кто вас оборонит? Дунька что ли?

– Ничего, не бойтесь, мы с Дунечкой не дадим вас в обиду, – пообещал Добрило, без напряжения приподнимая сильными руками обеденный стол и подмигивая девочке. – Если врагов немного будет, пяток-другой-третий.

– А если много, – добавил Веприк. – то мы на верблюдах ускорим, не зря ведь они у нас чудесные.

—

[4] Сурож: сейчас – город-курорт Судак в Крыму

—

– Спи-поспи, девчущечка,

Спи-поспи, малюшечка, – тихонько затынул Чудород, баюкая задремавшую после веселого обеда Дуньку, – а то придет старушечка, стукнет колотушечкой...

Слушая колыбеленку, Дуняшка вдруг разинула заснувшие было карие глазки и внимательно уставилась в морщинистое чудино лицо, украшенное жиденькой бородежкой.

– Мама! – радостно сказала она и снова заснула.

– Пора вам в дорогу собираться! – решила Ушибевна. – Эту девочку надо поскорее к родителям вернуть – а то Перун

знает, какую еще гадость она за мамку примет.

<https://vk.com/hatkabobra>

Глава 23. На верблюдах через степи

Даже нетерпеливый Веприк понимал, что в далекое путешествие за один час не соберешься: необходимо было проверить припасы, распределить груз на верблюдах, купить кое-чего в дорогу. Почти половину дня березовские путешественники повели на торговой площади: Чудя требовал, чтобы ему купили сапоги, да и всем остальным не мешало обновить одежду, хотя Ушибевна обещала нашить новых рубашек – не бесплатно, конечно.

Зимой в торговой жизни города наступало затишье, купеческим обозам трудно было добираться до русской столицы, но все равно на площади было, на что поглядеть: местные мастера наполняли рынок удивительными товарами для домашнего хозяйства, одеждой, едой, украшениями и всякой всячиной.

– Надо бабушке купить что-нибудь вкусненькое, порадовать, – вспомнил Веприк. – А то обижается она на нас.

– Ты ей лучше топор купи побольше, вот она и обрадуется, наша бабусечка, – посоветовал Чудя.

– Рысик!... Как там тебя? Лосик! – услышали товарищи за собой сердитый голос. – Да как же?.. А! Веприк! Стой, парень! Веприк!

Оказалось, за березовцами торопился Чернобород, седой хлопотливый мужик, тетерин киевский приятель, у которого они с отцом оставались ночевать.

– Вепря! И где ж тебя леший носил?! – вскричал Чернобород и потряс мальчика за плечи. – Я ж твое добро сторожу!.. Батька твой, Тетерька-то, волнуется: как там мой Веприк да как там моя Дунечка, а я и сказать боюсь, что сынок его пропал и вещи все у меня бросил! Навещаю я твоего батяню...

Веприк в сердцах хлопнул сам себя по бестолковому лбу: ведь у Черноборода под навесом, он сам видел, бочки были сложены для продажи – надо было спрашивать о нем на торжище!

До вечера просидели они у Черноборода в гостях и вернулись домой в сумерках с пышным грузом разных мехов. Пришлось взяться за шитье и через три дня каждому березовцу был готов роскошный меховой плащ по собственному вкусу: у Веприка – пушистый, дымчатый из черно-бурых лис, длиннее самого мальчика. У Добрилы – коричневый куничий, короткого меха. Чудя на зависть Ушибевне завернулся в ярко-рыжую лисью мантию, к которой он с двух сторон пришил еще черно-бурые хвосты. Наряднее всех, конечно, была Дуняшка в шубке из меха горносталя, белого с черными кончиками на хвостиках. Горносталя за красоту ценился так высоко, что русские продавали его за границу на парадную одежду для королей и императоров.

Таких нарядных путешественников Киев, наверно, нико-

гда и не видел: разодетый в разноцветные меха отряд на удивительных снежных верблюдах. Дуньку посадили в просторную корзину на боку Горбатки. Во главе отряда ехал Добрило на Плюньке, за ним на Горбатке – Веприк с Дунькой, а следом – Чудя на Гляделке, к которому были привязаны одна за другой Белка и Сопелка, тащившие юрту и много другого груза. Позванивали бубенчики на разукрашенных седлах. Ушибевна с сыновьями махали вслед. Народ дивился и кланялся, думая, что едут чужеземные князья.

Караван прошагал деревянными киевскими мостовыми, уплыли назад богатые дома и бедные дымные землянки, защитные земляные валы, священное место с огромными деревянными идолами и поселение кузнецов, располагавшееся у самой реки, подальше от остального жилья, чтобы от случайной искры не сторел весь город. Остался позади ледяной Днепр и верблюды, перейдя на размашистый плавный шаг двинулись по лесной дороге прочь от Киева, к югу.

Пройдя заснеженную рощу, путешественники пересекли небольшое степное пространство, а за ним – еще несколько перелесков. На ночь остановились в большой деревне, где Чудя наврал хозяйке, что он – французский король.

Дорога, приведшая их из Киева, кончалась вскоре за деревней. Дальше путь лежал в диком поле, лишь изредка украшенном голыми березовыми рожицами. Степь густо была покрыта снегом, сквозь который там и тут торчали, клонясь под ветром, сухие стебли ковыля. Ветер дул с такой си-

лой, что иногда казалось, хочет раздеть путешественников, чтобы неповадно было от него закрываться. Гордые мохнатые верблюды шли вперед, не показывая никакого внимания ни к плохой погоде, ни к сугробам, ни к унылой пустыне вокруг.

Селения стали попадаться реже и имели совсем другой вид: каждая деревня была укреплена, словно маленький кремль. Видно было, что в этих местах жители боятся нападения кочевников из степи. Вокруг селений насыпаны были земляные валы, поверх которых ставили бревенчатые стены, а по низу втыкали острые колья, чтобы печенежские кони напоролась на них. Некоторые деревни находились на вершине плоских холмов, куда трудно было забираться не только конному, но и пешему.

Земля вокруг была русская, но не стояло здесь нигде настоящих крепостей с войском, поэтому печенеги не давали населению спокойно жить: разоряли и сжигали села, угоняли скот, убивали жителей, а уцелевших – забирали в рабство.

Когда остановились на ночлег в одной деревне, защищенной деревянными стенами, Веприк с удивлением увидел, как бедно живут здесь люди: дома их были даже не домами, а непрочными землянками с дощатыми навесами. При вражеской угрозе жители в любую минуту могли бросить свое хозяйство и бежать на север, в леса, а потом построить все заново.

Степные обитатели с удивлением приветствовали бере-

зовских путешественников, отважившихся выехать в степь таким небольшим отрядом. Березовцы и сами уже удивлялись себе, заражаясь страхом и беспокойством, которые привычны были людям, живущим по соседству с кочевниками.

Глава 24. Чудо Перуна

Лысое степное безлюдье навевало тоску. Около полудня караван прошел мимо сгоревшей деревни и путешественники угрюмо замолчали. Далеко впереди из-за горизонта поднимался столбик серого дыма, словно деревни горели по всему полю. Неожиданно такой же дым появился и сбоку, гораздо ближе к березовскому отряду. Веприк своими зоркими глазами смог разглядеть на возвышении, откуда шел дым, крохотного шевелящегося человечка, словно муравей встал на задние лапки.

– Что-то костры жгут, – обеспокоенно крикнул он бортинику. – Не про нас ли враги друг другу сигналият?

Не успели они проехать и четверти часа, как из-за дальнего холма выскочили темные фигурки и сердце у Веприка сжалось. Фигурки понеслись прямо к ним и очень быстро стало видно, что это большая группа всадников необычного и очень недружелюбного вида. Одни только свист, которым всадники подгоняли своих коротконогих лошадок, мог навести страху даже на невозмутимых верблюдов. Всадники все были полураздеты, словно холод им был нипочем: на некоторых красовались кожаные рубахи без рукавов, а двое ехали раздетыми до пояса. Головы их были непокрыты, даже волосы все сбриты до блеска.

Березовцы начали поворачивать верблюдов назад, но и от-

туда к ним уже с улюлюканьем неся конный отряд, скалясь на глупых русов, попавших в ловушку.

Кочевники рассыпались вокруг русских путешественников, насмешливо хохоча и показывая на них пальцами. Глаза у кочевников были узкие, сощуренные, и потому казалось, что они все время ехидничают.

– Спокойно, – дрожащим голосом скомандовал Чудород. – Мы их не видим. Едем себе и едем. Мы их не трогаем и они нас не тро...

– Не, никого не видим! – насмешливо перебил Добрило. – И вот этого, который по ноге на меня лезет, я тоже не вижу... щекотно только... ну-ка брысь, поганка!

Печенег показал, что Добрило немедленно должен отдать ему свою красивую шапку. Он пощупал куниц на добрилином плаще и, решив, что плащ ему тоже пригодится, принялся тащить его на себя. Добрило поплотнее запахнул плащ, заодно стряхнув с себя неприятеля и миролюбиво обратился к нему:

– Милый человек! Чего ты по мне лазишь? Не приставай, видишь по делу едем. Чего вам от нас надо?

– Шапка давай! – вдруг ответил печенег по-русски, хотя и не очень правильно выговаривая слова.

– Ты смотри, какой ты ученый! – удивился Добрило, но шапку отдавать не торопился. – Уважаю! А еще что-нибудь ты по-нашему сказать можешь?

– Шуба давай! – немедленно отозвался печенег.

– Ишь ты! А верблюда? – с любопытством поинтересовался медоход.

– Верблюд давай! – подтвердил узкоглазый разбойник. – Мальчишка давай! Жена давай!

– Какая я ему жена! – возмутился Чудород. – Я ж мужик!

– Мужик давай! – не стал спорить печенег.

Могучий бортник понурился и испустил из своей груди такой шумный горестный вздох, что его верблюд вздрогнул.

– А я вот темный мужик, деревенский, – признался он. – Бортники мы, в лес за медом ходим... не умею я на чужих языках разговаривать... Рад бы, да не могу. Я вам лучше так покажу, поймете? – задумчиво спросил Добрило. Он ловко скрутил из толстых пальцев необыкновенных размеров кукиш и сунул его под нос ближнему кочевнику. Кочевники, похоже, Добрилу хорошо поняли: они злобно затараторили по-печенежски и принялись грозить путешественникам кривыми саблями. Медохода это ничуть не напугало, он стал отвечать противникам по-русски и грозить кулаками.

В продолжение разговора погода над равниной менялась: ветер утих и при полном безветрии на небе стали собираться грозные фиолетовые тучи. Очень скоро наступили сумерки, словно был уже вечер, а не белый день, только кое-где на землю проникали редкие солнечные лучи. Воздух посвежел, как перед дождем.

Попасть в руки к враждебно настроенным кочевникам означало конец жизни для пленника: вещи отберут, а само-

го разденут, привяжут на веревке к лошади и угонят в плен. Могут в степи держать, бить и заставлять работать вместе с животными, а могут продать, как лошадь или собаку.

Верик в отчаянии стиснул зубы, чтобы не расплакаться перед разбойниками: столько трудностей и бед свалилось на него и вот теперь, когда путешествие, кажется, наладилось, оно тут же и закончилось. Сидели бы дома в деревне – ни верблюдов, ни шуб, ни сапог, зато сами целы. Как можно было верить, что несмышленный мальчик вместо силача-отца, вместо князя с его дружиною, вместо славных богатырей земли русской – найдет управу на самого Змея Горыныча? Что могут сделать его упрямство и любовь к родителям? Жизнь – не сказка и не песня, добро не победит, зло не будет наказано. Маманюшка так и останется томиться в норе у поганого змея. Батя умрет в княжеском подвале. А Дуняшка... ой, мамочки! Дуняшку-то он зачем с собой потащил? Пропадет Дуняшка с ним вместе в плену у печенегов.

Верик тоскливо поднял глаза к небесам и остолбенел. Тучи совершенно заволокли небо, так что нигде ни единого лучика не пробивалось больше на землю, только одно большое и круглое окно в облаках зияло над самой головой. В облачном окне виднелось синее степное небо, озаренное по ту сторону туч ярким солнцем. И в этом огромном небесном окне появилось над степью человеческое лицо... Оно было так велико, что накрывало собой, казалось, полмира. Черные волосы с серебряными нитями вились и клубились, как дым.

Огненно-рыжая борода задорно пламенела, перемешиваясь с тучами. Суровые фиолетовые глаза с любопытством взирали на людей...

– Перун! – заорал, не помня себя мальчик, узнав бога по рыжей бороде, как на идоле у них в деревне. – Перуне! Слава тебе! Спаси нас! Поглядите, Перун!

Ни на него, ни на божество в небе никто не обратил никакого внимания: печенеги скалили на русских зубы, ругались и размахивали саблями, Добрило увлеченно крутил вокруг себя кукишем, Чудя стараясь всех перекричать, призывал русский и печенежский народ объединиться в борьбе против поганого змея, который ворует женщин, не спрашивая у них ни роду ни племени.

– Акхм! – откашлялся Перун, раздраженный, что его не видят и не слышат. – М-да!

Его голос прозвучал, как гром, и слегка встряхнул землю. Крики разом стихли. Кочевники застыли с открытыми ртами и глазами, выпученными от ужаса. Чудород с Добрилой тоже застыли с открытыми ртами, но глаза их были выпучены не от ужаса, а от радости.

– Перуне! Слава тебе! – завопил Чудород. – Яви чудо, все-сильный! Ниспошли на врагов огонь синий небесный... дай им как следует!

– Являю чудо! – объявил Перун, с неудовольствием косясь на болтливое Чудю.

По мановению его косматых бровей с небесного свода со-

рвалась вдруг молния и врезалась с грохотом прямо в одного из печенегов, в голову. С недоступной глазу быстротой, разрывая воздух треском и сверканием, с неба упали еще несколько огненных веток и начали ходить по степи с такой скоростью, что за каждой оставалась в воздухе пламенеющая стена. Молнии рассекали туловища врагов и их лошадей, ни на мгновение не прекращая своего ужасного движения. Очертив десяток кругов вокруг путешественников, небесный огонь утих и опал в землю. Никто не успел даже шевельнуться. Ошеломленные противники молча смотрели друг на друга.

– Что-то молнии золотые, а не синие, – наконец озабоченно сказал Чудород. – Перуне! Ты что же не синие молнии послал?

– Перепутал, – с некоторым смущением ответил Перун, обозревая последствия своих стараний.

Повсюду, куда упал животворящий золотой огонь, природа радовала изобилием. На снегу расцвели ромашки и колокольчики. Немытые, покрытые шрамами кочевники засветились красотой и здоровьем. Вся их одежда оказалась постирана и аккуратно заштопана. Голые макушки обросли буйными густыми волосами, черными, как смоль, с подбородка у каждого свесилась кудрявая борода до пояса. Щеки мгновенно налились приятной полнотой, а из бород высунулись пухлые улыбчивые губы. В руках они с изумлением держали богатые дары: снопы пшеницы, поросят, корзины со спелы-

ми фруктами, букеты, пирожки, крашенные вареные яйца. У одного на руках даже оказался голенький младенец. В гривы и хвосты их коренастых лошадок были вплетены десятки разноцветных бантиков. На головах всадников красовались венки из весенних цветов и веток березы.

– Слава тебе, Перуне! – сказал Добрило. – Спасибо. Защищал.

При его словах печенеги словно проснулись: все как один соскочили с коней, пали на колени и склонились перед русскими путешественниками и их грозным божеством. Младенец громко агукнул.

Первым опомнился Чудя.

– Ага! – сказал он. – Видали? Вот он, гнев-то небесный! На этот раз вам предупреждение, а больше так себя не ведите! Вот какими вы сейчас стоите, чистыми да нарядными чтобы так всегда и ходили! Бани себе постройте! Свеклу, репу сажайте. Песни пойте! Богов уважайте! А то, знаете, была одна девочка...

– Ладно, дяденьки, ходу отсюда, – шепнул Веприк.

– Потом доскажу! – крикнул Чудя. – В другой раз. А теперь идите по домам!

(Известно, что чудины заветы оказались для печенегов непосильными и, не прошло и сотни лет, печенеги совсем исчезли из русских степей.)

– Спасибо, спасибо, – вежливо кланялся Добрилин главный обидчик, пятясь от него.

– Пожалуйста. Еще приходи, гостям всегда рады, – буркнул медоход. – Шапку отдай!

– Я вот думаю, – проговорил Чудя, рассеяно глядя вслед разбегающимся кочевникам. – Не попросить ли Перуна, все- сильного и могучего, и по нам стукнуть своей золотой молнией? Что-то у меня зуб болит, подлечить бы...

– Да ну его! – вполголоса ответил Добрило. – Опять перепутает, костей потом не соберешь.

– Добрило! – подал с неба голос Перун. – А я все слышу! За неуважение быть тебе наказанным!

И не успел Добрило оправдаться, как новая золотая молния с треском врезалась ему в макушку и пропала, оставив Добрилу помолодевшим на десять лет, с цветущей веточкой черемухи, игриво засунутой богатырю за правое ухо.

– Да что такое! – возмутился грозный бог. – Что за день у меня сегодня, все кувырком!

И он ушел за облака, которые долго потом лились на путников противным холодным дождем – посреди зимы. Подхалим Чудя ехал и упрямо твердил, косясь на небо:

– Дождь – не снег, спасибо тебе, Перуне! Помыться-то нам давно пора... Эх, водичка хороша – не теплая, не холодная, в самый раз, приятно как по спине течет... Апчхи!

Глава 25. В гостях у кочевников

Местность вокруг березовского отряда незаметно менялась. За один день разницу увидеть было невозможно, но по прошествии недели путешественникам уже не верилось, что выезжали из Киева по глубокому снегу: все возвышенности были бесснежные, обдутые ветром, кое-где даже высывалась заочневшая травка. Воздух и в самом деле потеплел – не обманули греки. Верблюды шагали все легче и быстрее.

Однажды вечером березовцы хотели остановиться и поставить юрту, но верблюды не послушались: еще некоторое время они упрямо топали вперед и наконец привезли седоков к кочевому селению. Мужики сначала испугались, но печенеги встретили их улыбками и поклонами, так что, оказалось, ночевать можно и у кочевников – и с большим удобством.

– Шайтан [5]! Шайтан! – кричали печенеги, показывая на русских путешественников пальцами.

—

[5] шайтан (тюрк.) – нечистый дух

—

– Здрасьте, я шайтан! Молодцы, что узнали, – бахвалился Чудя.

– Шайтан! – говорили печенеги, показывая на Добрилу.

– Нет, он не шайтан, куда ему! – махал руками Чудя и ты-

кал себе в грудь. – Я шайтан! Меня и слушайте!.. Песни сегодня пели? В бане мылись? Ну-ка ты, рыжий, подойди сюда, шею-то покажи, небось грязная?..

Добрило только головой качал, любуясь на болтуна-Чудорода, а кочевники кивали и кланялись. Весть о небывалых колдунах и их небесном божестве летела по степи далеко впереди березовцев, поэтому повсюду их принимали со страхом и уважением.

Круглые печенежские юрты были теплыми и хорошо защищали от ветра. В центре жилища всю ночь горел костер, а дым от него выходил через дыру в потолке. Печенежские хозяйки кормили березовцев невероятно вкусным кушаньем под названием "плов" – кашей, перемешанной с мясными кусочками и сушеными фруктами. Добрило в ответ угощал узкоглазеньких кривоногих чумазных детишек велесовыми сладостями и медом.

– За что они тебя так все любят, ума не приложу, – позавидовал Чудород, наблюдая, как суетятся вокруг бортника полдюжины печенежских малышей, Дуняшка, верблюдов Плюнька и еще пара кочевников устрашающего вида, которые, наверно, никак не могли отправиться в набег на мирное селение, не получив по засахаренному персику.

Добрило, старательно деля угощение на равные части, чтобы лакомки не передрались, ответил со вздохом:

– У меня пятеро детей и двенадцать внуков... если не знать все их прозорливые детские повадки, в нашем семей-

стве живым не останешься... Как они там без деда, шмелятки мои?...

Плюнька, чувствуя, что хозяин загрузил, нежно чмокнул его в ухо, а один из устрашающих печенегов, потеряв терпение, потянул моченое яблоко из добрилиной руки. Добрило рассеянно выпустил яблоко, глядя вверх чужих детишек на холодную степь, откуда березовцы приехали и за которой среди лесов тонула где-то в сугробах родная деревня... А в деревне стоял построенный еще добрилиным прадедом большой теплый дом с просторным двором. А во дворе бегали, валялись, ездили друг на дружке, падали с забора, таскали друг друга за уши, дразнились, ябедничали и кричали двенадцать курносых медоходиков, дедушкина забота и отрада...

Глава 26. Зеленая Таврика

На исходе второй недели березовский отряд приехал к обширному водному пространству, круглым пятном лежащему вровень с травяной долиной. В речке Березке, пробежавшей мимо родного селения, даже заяц утонуть не мог, так что деревенским жителям никогда не приходилось видеть так много воды. Изумлению их не было предела, но изумлялись они напрасно: это был всего лишь мелкий морской залив, он скоро остался позади и чудесные верблюды зашагали по земле плодородного полуострова, именовавшегося в те времена Таврикой [6]. Путешественников окружила приморская зима – прохладная, но приветливая и на удивление зеленая. Черное море, омывавшее Таврику с трех сторон, грело ее все холодное время года, поэтому по равнине стелилась трава и повсюду виднелись низкорослые можжевельники и кустики со странными, скатанными в трубочку, колючими листиками, которые не опадают с них круглый год. Далеко впереди, в сторону утреннего солнца – там, куда уверенно несли людей волшебные верблюды, – вставали зеленеющие округлые горы с редкими скалами на макушке. В трещинах скал, на высоте, лежал белый снег, и можно было иногда видеть, как его взметают и кружат короткие метели.

Около полудня березовцы нагнали престарелого монгола в полосатом халате, везшего на ослике запас веток для очага.

—
[6] Полуостров сейчас называется Крым.
—

"Ну и одежда. Женская юбка пришита прямо к рубахе. И не стыдно ему, едет, как будто так и надо," – думали русские путешественники, разглядывая монгола, его халат, бритую голову и узкие, как у печенега, глаза.

Монгол остановился у дороги и кланялся. "Богатый караван, – думал он. – Наверно, русские князья едут."

– Эврика! – приветствовал чужеземца Веприк, употребив единственное знакомое ему нерусское слово.

– Африка! – добавил на всякий случай Чудя.

"Африканские, оказывается, князья, – решил престарелый монгол. – А вроде на русских похожи. Болтают по-африкански, ничего не понятно."

– Эврика-эврика! – приветливо согласился он и поклонился, опасаясь, как бы незнакомцы не ограбили его посреди дороги. – Африка-Африка!

– Мама! – крикнула из корзины Дуняшка.

– Мама-мама! – подтвердил монгол.

– Гм! – с сомнением произнес Горбатка.

– Гм-гм! – поспешил согласиться старик и снова поклонился...

– Хорошо поговорили, – решил Добрило, когда их отряд, миновав монгола с осликом, продолжил путь. – Душевный народ тут живет.

Следующий, кто им встретился, был одет очень просто – голубая рубаха с пояском, штаны и крепкие лапти, – и было это совсем не удивительно, потому что встретился березовцам русский человек по прозвищу Копыто. Человек этот служил у киевского купца и шел из Суροжа с деловым поручением.

– Эврика! Африка! – сразу же приступил к переговорам Чудород, кланяясь с верблюда.

– Эврика! – ответил на всякий случай Копыто. Потом он, будучи мужиком ехидным и видя, что незнакомцы по-русски ни бельмеса не смыслят, соорудил доброе лицо и добавил: – Охламоны!

– Охламоны-охламоны! – подтвердил Веприк, стараясь быть вежливым и подражать обычаям местных жителей.

– Болван! – добавил Чудя.

– Ты чего ругаешься? – шепотом спросил его бортник.

– Если по-здешнему "охламоны" значит что-нибудь вроде "приятного вам пути", тогда, может "болван" – это "счастливо оставаться", – прошептал Чудя и улыбнулся Копыте.

"Противные какие чужеземцы, – подумал тот. – И язык у них дурацкий."

Вскоре навстречу березовцам попалась целая компания греческих писцов, которые шли в отдаленный монастырь переписывать книги.

– Эврика Африка, охламоны! – приветствовал их Веприк, решив, что уже достаточно освоился с местным языком.

Греки поняли слово "эврика" и очень удивились.

– Ты слышишь? – тихо спросил один из них соседа. – Эти чужеземцы говорят "Я нашел Африку!"

– Уважаемые путешественники, вы что-то перепутали! – крикнули греки. – Не хотим вас огорчать, но вы едете совсем с другой стороны! Там Киев, а не Африка.

– Но это ничего, Африку уже нашли три тысячи лет назад, нет необходимости опять ее искать, – добавил один из писцов.

Березовцы, хотя ничего из греческой речи и не поняли, услышав имя родной столицы оживленно закивали.

– Болван! – добродушно сказал Добрило.

Писец, понимавший немного по-русски, обиделся.

– Ты ответишь за болвана! – крикнул он бортнику по-русски и показал кулак, но рассмотрев широкие добрилины плечи, уточнил: – Перед своей совестью ответишь! стыдно тебе должно быть, что хорошего человека дразнишь!

– Я думал, я пожелал вам счастливо оставаться, – смутился Добрило.

– Не горячись, – принялись успокаивать греки товарища. – Как можно сердиться на этих чужеземцев? Не видишь разве, какие они глупые – думают, что Киев в Африке?

– Дяденьки, а далеко ли нам еще до города Сурожа ехать? – спросил Веприк.

– Так вот он, вон за теми холмами, – ответили писцы и продолжили свой путь, размахивая руками и обсуждая глу-

пых незнакомцев, которые хотели сказать "Я ищу Сурож", а вместо этого сказали "Я нашел Африку".

Нет ничего необычного в том, что березовцам на дороге попадались такие разные люди: гостеприимная теплая Таврика лежала в самой середине торгового мира. К ее берегам приплывали корабли всех известных народов: греческие, армянские, грузинские, русские, арабские, римские, египетские, еврейские и многие другие. Из соседних богатых стран сюда тянулись сухопутные караваны с необыкновенными товарами. По берегу здесь стояли укрепленные города, в которых можно было встретить купцов со всего света. В разное время разные народы владели этим благодатным полуостровом, сейчас даже трудно всех вспомнить – вот и название "Таврика" такое древнее, что никто точно не скажет, когда оно появилось. Через несколько столетий придут сюда новые люди и принесут новое имя: назовут эту землю Крым. А полуостров будет по-прежнему плодороден и прекрасен, все так же будет он зеленеть зимой и цвести летом...

Ветер тем временем окреп так, что по траве пошли кататься волны, словно по воде. У Веприка улетела шапка и он никак не мог ее догнать, а когда догнал, поднял и разогнулся – остолбенел: ветер в поле закрутился таким плотным изгибом, что от земли до неба выросло прозрачное, бешено вертящееся вокруг себя, дерево, ствол у которого был из воздуха, а листва – из запутавшихся в его вращении облаков.

– Ветроворот! Кружалка! – закричали в ужасе березовцы

и сбились в кучу за большим камнем.

Ветроворот с шумом и свистом приближался, в его вое людям почудился хриплый смех, ужасный и радостный. Путешественники переглянулись с испугом: каждый надеялся, что уши его обманывают.

– Вы ничего не слышите? – крикнул Добрило, перекрывая свист ветра.

– Ничего не слышу! – ответил Чудород, трясаясь от страха, но виду стараясь не подавать.

– Слышишь, хохочет вроде кто-то? – настаивал медоход.

– Это я хохочу, – соврал Чудород. – Ха-ха!

– Врешь, это я хохочу! – возразил хриплый голос, который шел, казалось, и с неба, и из воздуха, и прямо у слушателей из головы. – Ха-ха-ха-ха!..

– У меня мозги смеются, – грустно признался бортник.

– У меня тоже, – сказал Веприк. – Даже трясутся все от смеха.

– Ха-ха-ха-ха! Эх вы, людишки! – радостно засвистел ветер. – Неужели вы меня не узнали?! Ну-ка, назовите мое имя!

Березовцы снова переглянулись, спрашивая друг друга взглядами.

– "Хохотун"? – робко предположил Веприк.

– Ха-ха... Кто?! Как вы меня обозвали?! Недогадливые маленькие людишки, как можно не узнать повелителя ветров?! Смотрите и бойтесь!

Одинокий дуб затрещал, вырвался вместе с корнями из земли и повалился, ломая ветки. Хохот ветра стал громче и хвастливее. Огромные камни начали подскакивать, словно семечки. Долина превратилась в горшок с кипящим воздухом, тут и там поднимались в небо молодые ветровороты и кружились по степи. Камень, укрывавший березовский отряд приподнялся от земли, качнулся и вдруг, как будто пущенный невероятной рукой, улетел за горизонт. Облака в небе носились кругами, словно кто-то мешал их ложкой.

– Прости нас, Стрибоже, мы больше так не будем – молили березовцы, стоя на четвереньках, потому что боялись как бы с колен их не сдуло и не унесло за кудыкины горы. – В другой раз не обознаемся.

Но бога ветров было теперь не так-то просто унять. С хохотом и улюлюканьем гонял вихрь по полю, подкидывая и швыряя камни, деревья, тучи пыли и сусликов, а также серую овцу, не вовремя отбившуюся от чьего-то стада.

– А, людишки, будете помнить грозного Стрибога! – крикнул наконец ветер, наигравшись. – Что, испугались?! Вот то-то! Не знали, небось, какой я могучий?! Я еще не то умею! Я еще... ой, а вы где? Эй, недогадливые людишки, вы живы?.. Ох, куда ж я их дел, наверно придавил чем-нибудь... Тут нет. И тут нету. И тут...

Камни на поле начали по очереди приподниматься и падать обратно, сотрясая землю вокруг себя.

– Мы здесь! – слабыми голосами закричали путешествен-

ники. – Прости нас, Стрибоже!

– Ладно, простил, – добродушно ответил бог ветра. – Вставайте, поговорим.

– А можно мы лежа разговаривать будем? – невнятно спросил распластавшийся на земле Чудя.

– Да не бойтесь вы, я добрый! – ответил ветер. – И веселый!

В доказательство он поднял овцу, посадил ее верхом на перевернутый дуб и зашелся радостным смехом от собственной шутки.

– Я ведь вам помочь хочу! – сообщил Стрибог.

– Все, нам конец, – пробормотал Добрило.

– А может, мы лучше сами? – шепотом спросил Веприк, поглядывая на развороченную равнину и раскиданные камни.

– У тебя небось дел много, поважнее наших... и подальше отсюда, – попробовал подлизаться Чудород. – Чего на нас, недогадливых, время тратить!

– Ха-ха-ха! Ни за что вам самим не справиться, людишки! Без меня – и не думайте! Это я буду нести ваш гордый корабль по волнам и полнить ветром паруса! Резать водную гладь! Вздывать морскую пену! Стремить проворный бег через океан!

– Корабль? – переспросили березовцы, гадая, заметил ли веселый бог, собравшись резать водную гладь и пенить волны, что путешествуют они на верблюдах.

– Да! Идите в Сурож, найдите себе корабль, садитесь в него и ждите чуда!.. Идите, людишки! – велел Стрибог. – А я еще здесь порезвлюсь!

Несчастливая овца снова, растопырив копыта, понеслась в небо, а путешественники поспешно удалились, оглядываясь, чтобы проверить, не летит ли за ними дуб или береза.

Отойдя на приличное расстояние, березовцы, лишившиеся сил от потрясения, разожгли костер и устроились на ночлег.

Глава 27. Морской город Сурож

На следующий день отряду пришлось перевалить через цепь невысоких гор. Они долго поднимались по дороге, вытопанной торговыми караванами сквозь непривычный низкорослый лес, полный острых колючек, которые люди ругали последними словами, а верблюды – откусывали и ели.

В конце концов они выбрались на высокое место, с которого виден уже был морской берег, широкой вмятиной расположившийся по ту сторону холмов.

– А-а-а! – в страхе закричал Чудород: ему показалось, что небо загнулось назад и ползет теперь на них.

И правда было похоже – сероватое небо уходило за горизонт, а оттуда стлалось сине-серое, беспокойное, никогда доселе не виданное чудо чудное. Море! Про него и "огромное" сказать нельзя, оно было размером с весь белый свет: наверху все – небо, внизу все – море.

Море волновалось. Из него выплескивали такие высокие волны, что, казалось, одной бы хватило, чтобы снести и утащить все домики, жавшиеся к берегу. Домики все-таки оставались стоять на месте, а волны вздымались и скатывались назад одна за другой, плюясь на берег клочьями белой пены.

– Врут люди, что по морю можно плавать, – проговорил с убеждением Чудя, наблюдая за бушующей водой. – Плавать надо по речкам.

– И по лужам, – съязвил Добило.

– А еще лучше дома сидеть, – вздохнул Чудя.

– Нам без моря до Африки никак не добраться, – возразил Веприк. – Греки сказывали...

– Много они знают твои греки! – огрызнулся Чудород. – Пешком, небось, еще быстрее получится.

– А вон – корабли! Плавают, значит, люди-то! – маленький охотник, прищурившись, ткнул пальцем вперед.

В небольшом отдалении от воды высились, словно готовы были плыть по суху, несколько больших кораблей. Берег за ними был занят квадратными белыми и серыми домиками с красными крышами. Направо по холмам вилась приземистая каменная стена: городские укрепления. Темные коричневые камни, из которых она была сложена, придавали стене мрачный вид. "Вот же, – подумали русские зрители. – Наши крепости деревянные, тоже не для забавы выстроены, а все-таки не в пример веселее смотрят!"

Не прошло и часа, а березовский отряд уже вступал на главную улицу города Сурожа. Закончился небывалый зимний переход от Киева, русской столицы, до Черного моря – через бескрайние дикие степи.

Вблизи стало понятно, что маленькие домики на берегу и на холмах были совсем не маленькими – красиво сложенные из мягкого камня, с колоннами и резными полосками вдоль крыши, они были покрыты глиняными черепками. Окна были на удивление большими и от этого жилища сурожцев вы-

глядели светлыми и легкими. Улицу выстлали плоские булыжники (*) – вокруг было столько же камня, сколько в Киеве – дерева. Наряды местных жителей поражали взгляды березовцев: плащи, накидки, платки, покрывала, халаты, удивительного вида рубахи, звериные шкуры, просто куски ткани, намотанные вокруг туловища.

В веприковой деревне вообще кроме рубах, можно сказать, ничего не носили: у баб – подлиннее, у мужиков – покороче. Сверху женщины еще накидывали юбку или фартук, а мужики, конечно, под рубахой имели штаны... вот и вся одежда. Свитки еще зимой одевали – та же рубашка, только из меха и внизу пошире. Ни платьев, ни кафтанов, ни халатов, ни жилеток простые русские люди в те времена не видели и не знали. Чтобы придать нарядный вид, одежду красили: свеклой – в малиновый цвет, черникой – в лиловый, луковой шелухой – в солнечный густо-желтый, ольховой корой – в серый, березовыми листьями – в разные оттенки желтого и зеленого, – загляденье да и только. Такие природные краски давали мягкие, ласковые цвета – не то что у сурожцев, от красных и полосатых плащей которых слезы на глаза наворачивались.

Березовцы слезли с верблюдов, принялись кланяться и останавливать прохожих, не смущаясь тем, что их мало кто понимал: Креонт дал им с собой письма к знакомым купцам, греческим и русским. Зная, что читать отважные путешественники не умеют, он заставил Веприка выучить имена

наизусть и теперь березовцы выкрикивали:

– Мефодий Старший из Константинополя! Дормидонт из Афин! Мирослав по прозвищу Непоседа из Чернигова!

Наконец им показали, где живет Дормидонт из Афин. Тот, толстый и важный, замотанный в узорчатое покрывало, прочитал письмо и, покачав головой, ответил:

– Я буду рад сослужить службу моим русским друзьям. Но первый из моих кораблей отправится из Суροжа только весной.

Березовцев как будто холодной водой облили.

– Да как же так?! – вскричали они. – Мы сюда по лесам, по степям торопимся, не пьем, не спим...

– Плова не едим!.. – вставил Чудя.

– А ты нас до весны держать тут хочешь!

– Мешаешься на пути нашем многотрудном!

– Никак не возможно! – поднял Дормидонт указательный палец и сообщил: – Сейчас на море пора штормов, зимних бурь.

Он отвел их к Мефодию Старшему, и они оба еще раз объяснили, что сейчас по морю плавать нельзя. Потом все вместе пошли к Мирославу из Чернигова и там березовцам пришлось в третий раз послушать про опасности плавания в зимнее время.

– Не будет кораблей до весны, не будет! – твердили купцы.

– А нельзя ли отдельный корабль снарядить? – спросил Добрило. – Мы дорого заплатим!

– Ни за какую цену не найти вам корабля, ни за какую цену не найти вам капитана! Сумасбродство! Безумие! Верная гибель.

– Вот тебе и море, – сказали березовцы. – вот тебе и поплавали.

Следуя обычаю гостеприимства, распространенному в древние времена, Мирослав Непоседа оставил березовских путешественников ночевать у себя. В его каменном красивом доме было отдельное банное помещение с бассейном – по греческому образцу. Так же, как в русских банях, здесь плескали водой на раскаленные камни, от камней валил горячий пар, в котором приятно было греться, но на Руси было положено потом выскакивать голышом на улицу и с воплями валяться в снегу, а у Непоседы мужики важно лежали в тепловатом бассейне и вели разговоры.

– Живите у меня хоть до лета, – говорил Непоседа.

– Спасибо, – радовался Чудя.

– Какое там "спасибо"! Нам до лета много куда еще успеть надо. В аль-Сахару, к примеру.

– Ах да, я и забыл, – Чудя повесил нос.

– Арабский народ, что живет в этой Сахаре, к битвам исключительно подготовлен, – сообщил Мирослав. – Афры воинственны и мужественны, подчинили себе много племен. Скачут они не на конях, а на верблюдах...

– Прямо, как мы! Ты бы нам лучше корабль дал.

– Не могу, братцы, не просите. И корабль мне свой жал-

ко, и мореходов с вами на погибель посылать не стану, и вас самих не пущу.

– А что же корабли у моря?

– Зимуют, – ответил Мирослав. – И вам того же желают...
Расскажите-ка мне лучше еще раз, как грозный Перун – слава ему! – от печенегов вас защитил.

– Так ты ж нам не веришь!

– А вы все равно расскажите! Уж больно я сказки люблю.

– Я теперь у печенегов шайтан! – похвалился Чудя. – Любят они меня.

– Печенеги шайтана любят? – удивился Непоседа. – Нечистого духа?

– Ах они, безобразники! – закричал Чудород. – Я-то думал "шайтан" – это как царь или князь!

– Нет, – ухмыльнулся купец. – Это, лучше сказать, вроде нашей кикиморы.

Посмеявшись над Чудей, собеседники разошлись по спальням и хозяин пожелал новым знакомым спокойного отдыха после долгой дороги.

Веприк сначала не мог заснуть: все придумывал, как бы ему через три моря перебраться, а потом увидел маманю. "Вырос-то как, – сказала она с любовью вглядываясь в сыновье обветренное лицо. – Приедешь и не узнаю..." Он хотел прижаться к маманюшке, уж больно давно ее не видел, но почувствовал, что должен немедленно проснуться.

Через минуту Веприк уже тряс купца Мирослава за плечо:

– Проснись, дядя Мирослав!

– Ну уж дудки, – отвечал купец, не открывая глаз. – Так хорошо мне спится, а тут – "проснись"!

– Дядя Мирослав, продай мне корабль! – Веприк с ожиданием уставился на Непоседу.

– Не проснись и корабля не продам, – упрямо буркнул купец, с головой накрываясь покрывалом.

– А где у вас корабль купить можно? Чтобы самому им владеть и командовать?

– Сходи утром на пристань, только отстань от меня Перуна ради, – донеслось из-под покрывала. – Что за гость пошел – маленький такой, а вредный... хр-р-р...

Глава 28. Свой корабль

На пристани утром не было видно ни одной живой души, только ветер гулял. Он то нападал с моря и проносился насквозь по крутым улицам Сурожа, то летел назад из города и мял волны, вылезавшие ему навстречу. Ветер гудел в пустых боках кораблей, с которых сняты были до весны мачты и лестницы. Корабли стояли, укрепленные на бревнах, и скалили на березовских ротозеев страшные звериные головы, вырезанные у них спереди. Прямо над пристанью нависал холм с мрачной коричневой крепостью.

Понурился, побрели путешественники вверх по улице, к дому Мирослава. Тут они и попались местному торговцу, которого в Суроже все звали Лиса – за то, что торговал он нечестно, всегда обманывал и норовил взять лишнее. Греки называли его Алепус, что тоже означает "лиса". К какому народу принадлежал он сам выяснить было невозможно, потому что даже его физиономия была похожа не на человеческое лицо, а на хитрую лисью морду.

– Благородные чужеземцы! – заюлил Лиса. – Не могу ли я вам чем-нибудь помочь? Не хотите ли вы купить или продать что-нибудь?

– Мы хотим купить корабль, – ответил Веприк.

Лиса чуть сознание не потерял от такой неожиданности.

– Корабль вы здесь нигде не купите, – ответил он. – Только

у меня.

– А ты сам что за человек? Какого роду-племени? – подозрительно спросил Добрило.

– Самого лучшего! – заверил его торговец. – Вот вы – какого племени?

– Мы – русские. Из Березовки.

– И я русский! Из этого... как его... из Чернякова!

– Из Чернигова что ли?

– Во-во, оттуда...

– А знаешь ли ты, как опасно плавать по морю зимой? – досадливо поинтересовался Чудород, который, честно говоря, боялся пускаться в плавание и очень надеялся, что корабль найти не удастся.

– Так это кому опасно? Трусам! А дураки... то есть эти... смелые люди, они ничего никогда не боятся! Вы же смелые, сразу заметно!

– Еще какие смелые! – сказали мужики.

Им очень не хотелось, чтобы новый знакомый счел их трусами – пожалеет еще корабля.

– А дорого ли стоит твой корабль? – спросил Веприк.

– Конечно дорого, – ответил торговец. – Это же отличный корабль, как раз то, что вам нужно.

– Большой?

– А кто его зна... Средний.

– Средний – это хорошо, – решили мужики. – Большого-то нам и не надобно, а маленький покупать обидно... А

парусов на нем много?

– А вам сколько надо?

– Да нам бы и одного, пожалуй, для начала хватило – мы не очень умеем с парусами-то.

– Эх, везет вам: как раз один парус и есть.

– А весла?

– Весел – сколько хотите. Мало будет, я вам еще принесу. Говорю же: корабль наилучший. Я его грузину одному знакомому чуть не продал, вот прямо сейчас продавать иду – но землякам, конечно, уступлю. Вы мне больше нравитесь, потому что вы такие на вид... глу... то есть... смелые.

– А чем плату берешь? – поинтересовался Веприк. – Серебряными монетами из арабского царства возьмешь?

– Ишь ты! – жадно потер ладошки Лиса и покрутил хитрым носом, словно вынюхивая, не пахнет ли от русских покупателей чем-нибудь побогаче серебра. – За такой корабль золотом платить надо!

– Нету у нас золота, – смущенно сказал Добрило. – Вот – есть плащи меховые, драгоценные!

– Знатные плащи! – одобрил Лиса, погладив черно-бурый мех. – А еще что у вас есть?

Березовцы переглянулись и пожали плечами.

– Верблюды! – сказал вдруг Веприк. – У нас есть волшебные верблюды дивной красоты и большого ума, подаренные самим богом Велесом.

Добрило толкнул его и нахмурился. Мальчик ответил сво-

ему большому другу умоляющим взглядом и бортник, скрепив сердце, промолчал.

– Интересно взглянуть! – заявил Лиса.

Березовцы привели его на двор к Мирославу и познакомили с недовольными таким оборотом событий Плюнькой, Горбаткой, Белкой, Гляделкой и Сопелкой. У Лисы даже спина вспотела – так ему захотелось заполучить прекрасных белоснежных животных.

– Насмотрелся? – сердито поинтересовался Добрило. – Показывай теперь свой товар!

Березовцы собрали вещи и отправились покупать корабль. Жалко, Мирослава дома не оказалось.

"Будь что будет, – думал нахальный торговец. – Сейчас я им такой товар покажу – до смерти не забудут. Главное – наврать побольше."

На его счастье на берегу было по-прежнему безлюдно.

– Вот, пожалуйста, – с гордостью предложил Лиса, махнув рукой в сторону самого большого корабля, нос у которого был изготовлен в виде головы свирепого дракона.

– Такой огромный? – испугался Веприк.

– Ну, не то чтобы огромный, – поправился Лиса и показал поточнее: у борта морского великана, полузарывшись в песок, валялся кверху дном совсем маленький кораблик, а вернее – рыбацкая лодка. Старая, грязная, гнилая, облепленная ракушками лодка.

– Это что такое? – возмутился бортник. – Это вошь ка-

кая-то, а не корабль!

– Сами сказали: большого вам не надобно! – огрызнулся хитрый торговец. – Вы знаете, как быстро она плыть может? Не знаете, а уже обидеть хотите! Быстрее этой уроди... красавицы морской ни одно корыт... корабль то есть ни один не плавает! Я ей даже имя дать хочу, как родному человеку... какое же имя-то я ей дать хочу? Было же в голове хорошее слово – птица наша с вами русская народная так называется, быстрая такая и гордая... ну как же?

– Курица, – подсказал Веприк с недружелюбием разглядывая торговца.

– Ах да! Вот! Разве можно судить о корабле, когда он лежит на суше? Дайте, дайте ей море и вы удивитесь без меры, когда моя Курица полетит быстрее ветра!

– Удивимся, можешь не сомневаться, – кивнули мужики, пряча улыбки.

Веприку в бок толкнулся чужин локоть и он обнаружил, что его болтливый и юркий товарищ занят каким-то неясным делом: дергается, хмурится, тихо машет руками и шипит.

– Кыш, глупая, – шептал Чудород, грозя лодке, стараясь, чтобы его не услышали соседи. – Лети отсюда, а то суп из тебя сварю.

Лодка Чуди не боялась и мирно догнивала на родном берегу, намереваясь в ближайшее время рассыпаться в труху. Веприк подтолкнул бортника и указал на Чудю.

– Знак! – прошептал вдруг бортник.

На дырявом лодочном дне охорашивалась ручная тетерина голубка. Она приветливо посмотрела на людей и пару раз кивнула, словно говорила: не сомневайтесь, корабль наилучший. Потом ножка у нее провалилась в гнилую дыру между досок и птичка перепорхнула повыше. Там она, как ни в чем не бывало, продолжала кивать и подмигивать.

Веприк с Добрилой озадаченно посмотрели друг на друга: знак, конечно, был добрым, но не ошиблась ли ладушкина птичка? Не села ли мимо их корабля? Много ли она в мореходстве понимает – лучше бы хоть гусь прилетел.

Ветер, свистевший между бревен, дернул мужиков за полы.

– Берите лодку и поехали! – услышали они голос Стрибога. – Для меня, всемогущего, нету разницы, какой корабль нести!

– Ладно, берем, – хором сказали Добрило и Веприк.

Лиса испуганно посмотрел на покупателей – не издеваются ли. Заветная голубка и ветряной голос оставались для него невидимыми и неслышимыми.

– Правда что ли?! – недоверчиво спросил он. – Молодцы, земляки! Берите, потом пожалеете... то есть не пожалеете – товар стоящий!.. Как договариваться будем?

– По-нашему, как мы русские всегда договариваемся.

– А как мы, русские, всегда договариваемся? Я что-то подзабыл.

– У нас все на вере: жмем руки, – а третий пусть по рукам

стукнет, – и говорим "По рукам!"

– А, ну это я с удовольствием, только больно не бейте...

– Землю бы еще поесть надо! – посоветовал Чудород. – С землей вернее.

– Точно! Земля-матушка обмануть не даст, – согласился Добрило. – Ешь землю, – добродушно предложил он Лисе, зачерпнул сам горсточку, помял и сунул в рот.

– Песку много, репа у вас, не иначе, хорошо растет, – деловито сообщил бортник, проглотив наконец добычу и выжидательно уставившись на Лису.

Тот щепоточкой взял немного земли и медленно понес ее к губам, по дороге много просыпая. Решившись, он высыпал остаток в рот, но не выдержал, скривился и все выплюнул.

– Тьфу! Чуть червяка не съел! – заныл он, изо всех сил вытирая ладонью и губы, и щеки, и язык. – Какая гадость!.. Нет уж, давайте по-гречески договариваться – договор писать.

– Ладно, пиши, раз умеешь, – разрешили мужики.

У Лисы на поясе болтались на цепочке бутылочка с чернилами и перо. Он, найдя за высоким бортом драконьего корабля убежище от ветра, раскупорил бутылочку и извлек из поясной сумки листок пергамента – так называлась коровья кожа, использовавшаяся в то время вместо бумаги. На пергаменте уже было что-то написано, но Лиса поскоблил его ножом, потер немножко песочком и отряхнул. Развернув листок на привольной Добрилиной спине, он поднял глаза к небу и что-то пошептал.

– "Я, честный торговец по прозванию Лиса из Суροжа отдаю во владение морской корабль, готовый к плаванию"... кому отдаю?

– Вот ему, – сказали мужики, выталкивая вперед Веприка. – Вепрю, Тетерева сыну.

– Ага. "Вепрю, сыну Тетерева, из"...

– Из Березовки.

– "Из Березовки". Так. "За это указанный Вепрь, Тетерева сын, из Березовки отдает мне, честному торговцу Лисе из Суροжа, пять молодых верблюдов белоснежной масти и"...

– И хватит с тебя, – сказал Доброило.

– Ладно, земляки, я не жадный, – согласился Лиса, сгорая от нетерпения скорее побежать и забрать покупку.

– Напиши, что будешь любить наших верблюдов! – потребовал Веприк. – А то не отдадим!

– Глупость какая! Разве так в договорах пишут? Ну ладно. М-м-м... "Я буду любить верблюда". Годится?

– Пять верблюдов!

– "Я буду любить пять верблюдов". Всё?.. Эй! Вы куда? Имена хоть на договоре подпишите!

Березовцы, не слушая его, уже волокли лодку к морю. Под ней обнаружили в ямке пара весел, мачта и развернутый на земле парус.

– А мы писать не умеем! – крикнули мужики, не прерывая своего занятия.

– Тогда прочитайте договор – хоть крестик поставьте!

– А мы и читать не умеем!

– А для кого ж я это все писал? – возмутился Лиса. – Как я верблюдов своих заберу?

– Иди к Мирославу Непоседе и скажи, чтоб отдал тебе верблюдов. У нас, у русских, все на доверии! – крикнули березовцы и шлепнули "Курицу" в воду.

Глава 29. Чудо Стрибога

Березовцы шлепнули "Курицу" в воду и лодка, недолго думая, начала тонуть. Лиса бегом бросился с пристани. "Курица", погрузившись наполовину, словно подхваченная невидимыми сильными руками, поднялась вдруг на поверхность и остановилась, чуть приплясывая от радости. Вода вытекала из нее через многочисленные дырки.

Смелые путешественники поставили в лодку корзину с мочеными яблоками и она тут же опять чуть не утонула.

– Ох, тяжело, не могу, – застонал ветер. – Пошутил! – захохотал он в следующее мгновение и вскинул кораблик так, что он подлетел в воздух. – Ха-ха-ха-ха!

Под веселый свист и шутки повелителя ветров березовцы погрузили в лодку запас еды, посадили в середину Дуняшку, воткнули мачту и кое-как залезли сами. Суденышко закачалось шагах в пяти от берега. На пристани начали собираться любопытные горожане.

Березовцы чинно сидели в лодке на скамейках и ждали небесного чуда. Плескалась вода. Скрипели гнилые доски. Нахальная черноморская чайка подбиралась к последнему кульку изюма. Над собранием равнодушно проплывали облака.

Зрители захихикали. Веприк досадливо почесал в затылке.

– Парус ставить будете или так посидим? – свистнул в ушах Стрибог.

– Ах, парус! – обрадовался Добрило. – Это мы быстро... а как его ставить-то? Это ведь не бревно, это полотно – стоять не будет.

– Вы на кораблях когда-нибудь плавали? – спросил с подозрением бог.

– Мы-то? У нас речка есть, но по ней обычно не плавают, а пешком ходят. Еще прудик неподалеку, мы в нем раков ловим.

– Очень интересно, спасибо. Так как у нас с кораблями?

– Э-э-э... никак. Мы на чудо надеялись.

– Да, это действительно чудо будет, если мы с вами куда-нибудь доплывем, – обнадежил их Стрибог. – Значит так: парус надо повесить на эту палку, мачта называется.

– Я повешу! – заторопился Добрило, вскочил на ноги, мигом развернул в руках дырявый парус, который на ветру надулся и наделся Добриле на голову. Бортник зашатался, зашарил вокруг себя руками, накренил лодку и вывалился за борт.

Парус, как будто только этого и ждал: облепил бортника словно кислое тесто. Глядя на линялую кикимору, барахтающуюся вокруг лодки, зрители с причала захлопали в ладоши, а Дуняшка от страха заревела.

– Чудя! – крикнул Добрило, выглянув из-под паруса. – Дай руку!

– Конечно, конечно, Добрилушка, – с чувством отвечал Чудород, прижимая обе руки к сердцу. – Я только боюсь, ты мне рукав замочишь. Ты, как тонуть начнешь, скажи, я тебя сразу вытащу!

– Да я уже! – успел крикнуть медоход. – Бульк!

Он ушел под воду и пустил пузыри.

– Чего? – с беспокойством переспросил Чудя. – Я что-то не разобрал, что ты говоришь... Молчит. Обиделся что ли?

Веприк в ужасе заметался в узком проходе, потом догадался веслом отгрести парус в сторону. Тут же Добрило восстал из морской пены, как греческая богиня любви Афродита, которую они видели нарисованной в бане у Мирослава. Сложив руки на груди кренделем, богатырь понуро возвышался в месте своего недавнего утопления, потому что глубина там была ему по пояс. Толпа на причале свистела и хохотала.

– Ох, вы и скоморохи, мужики, – радостно зашумел ветер. – Люблю я вас! А теперь хватит баловаться, пора в дорогу!

Бортник попытался влезть назад в лодку, наклонил ее, Чудя повалился вперед и оказался прямо у Добрилы в объятиях. Могучий березовец с отвращением поглядел на мужика у себя на руках и хотел было сунуть его на место, но сверху на них свалился Веприк, бортник не удержался и все трое плюхнулись в воду. Народ смеялся до слез и Дунька, предательница, тоже. Мокрые и озябшие, березовские морехо-

ды подтащили свой корабль поближе к берегу, ни на кого не глядя забралась на борт и мрачно уселись там на лавках. Сурожцы, количество которых на берегу возросло до сотни, хихикали и ждали, что будет дальше.

– Парус надо достать, – решил Веприк и потянулся за веслом. Лодка покачнулась. Чудя снова едва не упал.

– Не надо! – торопливо воззвал Стрибог. – Сиди, где сидишь. Обойдемся без паруса... И знаете что – весла тоже выкиньте, а то неровен час по себе стукнете...

К великому изумлению и радости зрителей из лодки вылетели оба весла. Сурожцы покатывались со смеху, любуясь на неопытных мореплавателей, показывали на них пальцами и кричали какие-то обидные слова. Березовцы, красные, словно вареные раки из ближнего прудика, нахохлились и сделали вид, что отдыхают. "Курицу" медленно прибывало к берегу. Зрители вытягивали шеи, надеясь, что из лодки опять кто-нибудь вывалится.

Над водой потянуло ветерком. Лодка остановилась и выровнялась носом в открытое море. Березовцы переглянулись и ухватились руками за скамейки. Новое дыхание ветра продвинуло старенькое суденышко на несколько шагов от причала. Толпа любопытных примолкла: гнилой кораблик без паруса и без весел, кажется, собирался уйти в морское плавание. Ветер задышал настойчиво и ровно, и, повинувшись его воле, "Курица" плавно заскользила вперед. Зрители разинули рты, начали тереть глаза и щипать друг дружку, чтобы

проверить, не во сне ли творится такое чудо. Березовцы обрадовались и показали насмешникам на прощание немного посиневшие от холода языки.

– Смотрите-ка – Мирослав! И Лиса! И еще какой-то дядька – кричат нам, руками машут. Дерутся вроде... Волнуются. За нас не бойтесь! – закричал Веприк. – Мы со Стрибогом – слава ему! – не пропадем!

– Слава тебе, Стрибог! – послушно повторили Чудя с Добрайлой!

– Ой! – крикнула никогда не унывающая Дуняшка, свешиваясь за борт. – Мама!

– Да, – согласился Чудород. – Вот это самое и я хотел сказать... Ой, мама!

Как и предположили мореплаватели, купец Мирослав Непоседа прибежал на пристань, узнав о том, как ловко торговец Лиса обменял гнилую лодку на пять волшебных верблюдов. Во-первых, Мирослав надеялся удержать земляков от опасного путешествия, а во вторых, – набить Лисе его подлую и хитрую физиономию. Непоседа не знал еще, что волшебные верблюды, едва их повели со двора, преспокойно растаяли в воздухе, так что Лиса не извлек из своей ловкости никакой выгоды, только Горбатка сжевал ему рукав новой шелковой рубашки. Другой рукав разодрал ему Мирослав, да еще синяк под глазом набил. Кроме того, Лиса получил по шее от хозяина лодки, потому что корабль, который хитрый торговец продал березовцам, принадлежал вовсе не

ему, а местному рыбаку Куре. Курия и был третьим человеком, прибежавшим на пристань, из замеченных зорким Веприком: Мирослав кричал им, чтобы возвращались, и одновременно бил Лису, Курия кричал им, чтобы вернули лодку, и тоже одновременно бил Лису, а Лиса орал, что они воры и обманщики, уворачиваясь от ударов.

Между тем гордый березовский корабль по воле ветра плыл вперед все быстрее и быстрее, стремил свой бег и пенит волны, так что у мореходов засвистело в ушах.

Глава 30. Шторм на Черном море

Не снежная и не травянистая – водяная равнина простиралась во все стороны от смелого отряда: серое, промозглое, ненадежное, вечно качающееся пространство. Уже не было видно бело-красного города Сурожа и его сердитой крепости, уже и длинные прибрежные холмы, на которых был выстроен город, скрылись вдали. Равнодушно катили куда-то волны, однообразно толкая в бок старенький кораблик без паруса. Повсюду плясала темная вода – словно проглотила давно и землю, и все, что на ней стояло и бегало. Одиноко и страшно было березовцам.

Добрило зачерпнул в луже на полу лодки и глотнул из горсти.

– Соленая! – пожаловался он отплевываясь.

Веприк тоже попробовал воду – и с удивлением покачал головой на такое богатство: соль в те годы была редким товаром. Ее привозили на Русь издалека: с Карпатских гор и из Таврики, – поэтому стоила она очень дорого.

Недружелюбно настроенная волна ткнула лодку в бок так, что доски крякнули. "Курица" выровняла свой бег, но следующая волна уже подхватила ее и подкинула над собой, чтобы мореходы могли увидеть, как оживленно плещется море. Пять минут назад оно было гораздо тише. Третью волну лодка одолеть не смогла – она врезалась носом в гребень и ле-

дяная вода потоком хлынула на мореходов. Спасибо дыркам – из лодки все вытекало так же быстро, как втекало в нее. Одна из корзин куда-то улетела, из другой сыпались по сторонам румяные жареные бананы.

Прямо перед суденышком воздвигались неожиданно водяные горы и норовили опрокинуть его. Пенные гребни нависали над путешественниками, словно жадные лапы. Лодка валилась то на один бок, то на другой, вставала на дыбы, ныряла, падала в ямы, скрипела и трещала. Свет померк. Море и небо превратились в сплошную мешанину из соленой воды и тумана. Теперь понятно было, почему чужеземцы прозвали его "Черным". И совершенно непонятно, почему греки называли его "Эвксинский Понт", то есть "Гостеприимное море". А почему русские мореходы называли это море Русским было в тот час совершенно неинтересно.

Березовцы себя не помнили от страха.

– Перуне! Велесе! Дажьбоже! Стрибоже! Спасите нас! – кричали они вразнобой, подъятые волной к небесам.

– Не спасайте, опоздали, – мрачно говорили они в следующее мгновенье, провалившись в яму между гороподобными водяными валами и готовясь утонуть.

– Не опоздали еще! Спасайте! Спасайте скорее! – орали они снова, взлетев на очередную волну.

– Вези нас обратно! – крикнул Чудя Стрибогу, но в ответ только морская пена зашипела кругом.

Все богатство мореходов утонуло в море – кроме того, что

было на них одето и корзины с яблоками, засунутой под переднее сиденье. Веприк обнял сестренку, изо всех сил прижался к ней. Могучий Добрило обхватил обоих детей, словно он мог спасти их. Чудя хотел было обнять всех троих, но передумал, залез под скамейку и там застрял.

– Горе нам! – кричали путешественники, но голос их пропал в реве разбушевавшейся стихии.

– А? Кому горе? – свистнул ветер.

– Стрибоже! – воззвали березовцы. – Спаси нас, погибает!

– Да ладно вам! Поболтал их немножко и сразу уже – "погибаем".

– Так это ты бурю сотворил, чтоб тебе... слава была всегда и повсюду?! Ты что ж это делаешь?!

– Веселюсь, – признался бог. – Во всем море кроме вас ни одного корабля, мне и поиграть не с кем.

– А утопишь нас, тогда с кем играть станешь? – проворчал Добрило.

– Да что я, маленький что ли?! – возмутился Стрибог. – Я – да утоплю! Скажете тоже! Вот!

Не успели березовцы снова испугаться (а Чудород вылезти из-под лавки, где он с кряхтением ерзал), как на лодку налетела крутая волна, подбросила ее и перевернула вверх тормашками, а потом опять перевернула и швырнула назад в воду – и при этом никто не успел не то что со скамейки упасть, а даже сказать "Бес меня попутал пуститься в путе-

шествие! Верните меня домой, я из Березовки шагу больше не сделаю. За грибами даже ходить не буду!"

– Вот! – с гордостью повторил повелитель ветров. – Ну что, утопил я кого-нибудь?.. ой!

Стрибог вовремя заметил Чудю, который, выдернутый из-под своей скамейки, со свистом описал широкую дугу, направляясь в морскую глубину шагах в тридцати от лодки.

– Оп! – воскликнул бог ветров и маленький вихрь подхватил Чудорода, когда он был на палец от поверхности воды, раскрутил его и ловко швырнул на корабль.

– Ну как? – хвастливо поинтересовался Стрибог, но тут Чудя пролетел мимо корабля и со всего разгона воткнулся головой в море.

– Оп! – снова крикнул Стрибог, но уже не так бойко, выхватил мокрого Чудю из воды и кинул назад. На этот раз он чуть не шмякнул его лбом о борт, но успел остановить и подвесил Чудорода в воздухе над кораблем. Чудя испуганно завертел головой и на всякий случай помахал руками, как крыльями.

– Оп, – тихо сказал Стрибог и посадил Чудю в лодку.

Шторм в одну минуту потерял силу. Несколько волн еще качнули "Курицу", но безо всякой злости. Море поворочалось и заснуло, вместо грозного рева слышалось теперь бормотание и причмокивание, словно Дуняшка во сне пальчик сосала. Впереди, на далеком западе, небо расчистилось и над спокойной водой засветился оранжевый шар заходящего

солнца, выстилая для мореплавателей золотистую дорожку и обещая на завтра ясную, безветренную погоду. Измученные путешественники, кутаясь в мокрые меха, сгруппировались в середине лодки и очень быстро все четверо крепко заснули.

Глава 31. Диковинки теплых морей

Нужно ли рассказывать про все чудеса и красоты, открывшиеся березовским мореходам за время их плавания? Можно только позавидовать им, а чтобы самим все увидеть, надо плыть в эти далекие удивительные моря и смотреть своими глазами – да к тому же за прошедшую тысячу лет люди успели многое разрушить. И плыть-то без помощи Стрибога, хозяина ветров, придется не меньше месяца.

Когда на следующий день мореходы увидели вдаль невысокий берег, он надвинулся на них с такой быстротой, что, думалось, кораблик сейчас разобьется, но в береге открылся пролив, который корабль проскочил в считанные минуты. По обеим сторонам пролива виднелись небольшие поселения и деревья удивительного вида, а потом справа показалась могучая стена с квадратными башнями.

За стеной рос густой лес – так сначала показалось Веприку, но, приблизившись, он понял с изумлением и испугом, что лес был не лесом, а величественным городом, да таким, рядом с которым и Киев казался ненамного больше родной деревни. Башни, дворцы, терема, высокие дома, колонны, статуи росли, словно молодая поросль в малиннике. На ярком солнце горели золотом и серебром бесчисленные купола, устремлялись в небо гордые шпили. Даже ворота и башни изгибавшейся вдоль моря крепостной стены были укра-

шены золотом и цветными камнями. Стена, казалось, была поставлена сдерживать город, не давать ему, огромному, занять море и окрестные земли, но город не желал останавливаться и неумолимо вылезал за ее границы. Веприк давно мечтал увидеть эту сказочную столицу – Константинополь [7], – но к такому великолепию он готов не был. "Каждый житель здесь должен быть богом или по крайней мере царем," – думал мальчик. Его спутники в растерянности взирали на окружающую их красоту.

[7] Константинополь: сейчас Стамбул, столица Турции

Константинополь был столицей величайшего государства тех веков – Византийской империи. Империя была так велика, что на земле, которую она занимала, разместились позже два десятка стран (*) : Турция, Греция, Италия, Болгария, Сирия и прочие. (*) Многие жители Византии были греческого происхождения, поэтому греков можно было встретить не только в пределах их родной земли, Греции, но и по всей необъятной империи. Они занимались торговлей, книгописанием, науками и искусствами. Не удивительно, что Константинополь называли столицей мира: он был средоточием богатства и знаний. Русское же его название было Царьград – то есть "царский город".

У пристани покачивались торговые корабли, которые даже зимой не прекращали подвозить товары. Небольшие теп-

лые моря, Мраморное и Эгейское, хорошо защищены от зимних ветров, поэтому мореплавание здесь продолжается круглый год. (*)

Богатая пристань привлекала морских разбойников. Для защиты от них константинопольцы перегораживали цепью целый морской залив, омывающий город, и пропускали только суда, капитаны которых могли доказать свои честные намерения.

Мимо "Курицы" проплывали большие корабли, мореходы с них, разинув рот глядели вслед странному суденышку без паруса и весел, в три секунды всех обгонявшему. Березовцы даже сначала решили, что в местных водах морской обычай плавать с открытым ртом.

Чудя восседал, подбоченясь, на носу лодки и дразнил чужеземных мореходов:

– Ага, отстали?! Мало каши, наверно, ели! Выкиньте весла, а то неровен час по себе стукнете! Эй, дядя! Парус ставить сегодня будем или так посидишь?

– Что ты к нему пристал? – спросил с укоризной Добрило. – Он же по берегу на телеге едет.

– Так пускай к телеге парус приставит! – задорно крикнул Чудород.

Берега опять сомкнулись и новый пролив вывел березовскую лодку в спокойное Эгейское море. Петляя между многочисленными зелеными островами, путешественники любовались беленькими домиками, рощами и стадами овец. На

закате перед березовским отрядом предстала древняя столица Греции – Афины. Греция в десятом веке была только частью огромной Византийской империи, поэтому Афины не могли сравниться с Константинополем ни величиной, ни богатством – однако Веприку навсегда запал в душу прекрасный город с белоснежными дворцами и стройными колоннами на холме, розовевшими в закатных лучах. Юный рус долго еще смотрел вослед чудному видению, а кораблик уже неся по Средиземному морю и над головами мореходов зажигались крупные южные звезды.

Средиземное море не зря называется на Руси Великим. В его безбрежном голубом просторе снова почувствовали себя мореходы маленькими и одинокими, но теплое утро вернуло им бодрость духа. "Курица" летела вперед, как угорелая, под громкие песни своей отважной команды:

– Как по морю лебедь белая плыла!

Как по синему лебедушка плыла!

А за нею лебеденочек!

А за нею лебеденочек!

А за ним-то лягушоночка!

А за ними карасеночек!

Чудя руководил хором и показывал пальцем на присутствующих: себя он назначил белой лебедью, Добрилу – лебеденочком, Веприка – лягушонкой-квакушонкой, а Дуняшку – карасеночком.

Глава 32. Русалки

Только певцы собрались повторить куплет в пятый раз, как заметили, что лодка их стоит на месте и никаких волн гордым своим носом не пенит.

– Здрасьте, приплыли, – удивился Добрило, выглядывая за борт. – Что за дела?

– Здрасьте! – ответил ему радостный женский голос.

Оба добрилиных глаза в упор были уставлены в другую пару глаз – развеселых, зеленых, – а нос бортника воткнулся в чужой мокрый нос. Из моря торчала женская голова. Несколько секунд прошли в неловком молчании.

– Гав! – сказала неожиданно голова.

Добрило вздрогнул и сел точно между двумя скамейками.

Веселая обладательница морской головы от радости перекувырнулась в воде и стало видно, что ног у нее нету, а вместо них от пояса растет покрытый перламутровой чешуей хвост. Было это так удивительно, что уже и не очень важным казалось, что одежды на незнакомке тоже никакой не было.

– Кто же это с хвостом? – растерянно спросил медоход.

– Павлин? – попыталась отгадать морская дева и в задумчивости сунула в рот пальчик.

– Морковка? – с любопытством спросил еще один женский голос и вокруг корабля поднялся визг и хохот.

Веприк оглянулся и с неприязнью понял, что лодку их

держит на месте хоровод из русалок.

– Водявки! – прошептал испуганно Чудя. – Заташат в воду и защекотят!

– Тетеньки, – взмолился Веприк. – Пустите нас, нам дальше плыть надо!

– Какие мы тебе тетеньки?! – возмутились русалки, хлопая раскосыми шальными глазищами. – Хорош жених – только приехал и сразу обзывать! Ну-ка скажи: красивы ли мы? Пригожи ли?

Веприк в замешательстве почесал в затылке.

– Да какие ж вы красивые! – в сердцах воскликнул он, – когда у вас ног нету! Ни одной! И волосы зеленые!

– Ах ты, противный мальчишка! Иди-ка сюда – мы тебя утопим! Совсем что ли слепой – не видишь, какие у нас шеи лебединые? руки изящные? плечи круглые?

– Рожи нахальные! И рты болтливые! – вступил в разговор Чудород. – Девушку скромность украшает, а вы – безобразницы! Для девушки главное не внешность, а это... чтобы играть умела на штуке такой... забыл, как называется, Фудя еще говорил... да вы хоть на дудке кто-нибудь умеете играть? То-то! А еще красавицами себя возомнили!

– Понимали бы чего! Лапти деревенские! – ответили плавуны с обидой. – Красны девицы подружиться с ними хотят, а они нам про дудки какие-то!

– Кто красный, а кто и зеленый, – буркнул Чудород.

– Поплыли отсюда, девочки! – сказали русалки и лодка

начала набирать ход, но не успели березовцы облегченно выдохнуть – опять остановилась. Русалки весело закружились вокруг, поблескивая чешуей на хвостах.

– А про жертву-то мы забыли! – воскликнули они. – Ну-ка стойте! Морской царь жертву требует: чтобы один из вас отправился прямо сейчас к нему в подводное царство!

– Это что еще за напасть?! – возмутились березовцы. – Разбой среди бела дня. Хуже печенегов. Ну-ка, кыш отсюда, мокрые!

– Ну вот еще, – надули губки морские девы. – Можно подумать, мы вас съесть собираемся. Всего-то утопим!

– Дядя Чудя, – прошептал Веприк. – Ты много заговоров знаешь – от русалок ни одного не найдется?

– Чего-то не припомню... Знаю от ведьмы: надо в нее острым чем-нибудь ткнуть или уголек кинуть.

– Да я бы в них ведро угольков кинул и кочергу заодно. И кипятком бы еще сверху облил. А где угольки-то взять? – сказал Добрило. – У нас только яблоки моченые.

– Яблоком бородавку сводят... А! – вспомнил Чудород. – Чтобы русалку извести, надо взять ее гребень, которым она волосы свои чешет, и закопать под кочкой. Только обязательно закопать, себе не оставлять, а то по ночам ходить к тебе начнет.

– Дай мне, пожалуйста, свой гребешок, – вежливо попросил бортник ближнюю русалку.

– Ах, я его дома забыла, – немедленно соврала она, хо-

тя золотой гребень был засунут у нее в волосы над левым ухом. – Я тебе румян баночку могу принести – губы красить.

Русалки захихикали и завертелись в голубой воде.

– С гребешком не получится, – сообщил Добрило товарищам.

– Можно еще, когда они на ветвях весной качаться станут, березу под ними подрубить, – предложил Чудя. – Помню я еще одно заклятье, хорошее очень, но от кого – забыл, хоть убей. "На море-окияне, на острове Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь" ... что-то там тырь-тырь-тырь, не помню, а в конце – "Кто тот камень Алатырь изложет, тот мой заговор превозможет".

– Крепкое заклятье! – похвалил Добрило. – Знать бы, от кого.

– Может, от Бабая, которым непослушных деток пугают, – предположила одна из русалок.

– Или от болотника, дедули моего, – задумчиво молвила вторая.

Морские шалуны собрались все вокруг лодки, облокотившись локотками о борта, и прилежно гадали, кого можно заклясть Алатырь-камнем. Если не придирается к зеленым волосам, девушки были очень даже пригожи: ежедневное плавание сделало их тела стройными и гибкими, огромные глаза светились лукавством, курносые носики морщились от смеха. Да и волосы не у всех были зеленые – встречались и белые, и даже голубые.

– Вот вас бы всех этим Алатырем да по макушке! – в сердцах воскликнул Чудород. – Ну чего вы к нам пристали?! На что мы вашему царю сдались?

– Скучает! – пояснили русалки. – Велит распотешить!

– Нами он не распотешится! – уверил девушек Чудород. – Мы – народ очень печальный. Я вот как раз рассказывал ребятам, как моя бабушка ногу сломала.

– Ладно врать-то! Мы же слышали, как вы на весь океан песню пели "Как по морю лебедь белая плыла".

– Не "по морю", а "по мору"! – горячо заверил собеседниц Чудя. – Мор, значит, был – все помирали. И лебедь тоже. Я ж вам говорю: мы – люди печальные, забав не любим. Как друг на друга посмотрим, так плакать начинаем, – Чудя соорудил такую скорбную физиономию, что Дунька засмеялась, а Веприк с Добрилой прыснули в ладони. – И пели мы "Как по мору лебедь бела умерла". А за нею и лебеденочек, бедненький. И лягушка. И карасеночек туда же. У нас все песни такие.

Водяные шалуны в смущении посмотрели друг на друга.

– Да чего там! – крикнули они. – Хватай их всех, пускай наш царь сам разбирается! Качай лодку, девчонки!

Русалки все, как одна, ухватились за кораблик и принялись его дружно раскачивать – и по всему видно было, что это дело им не в новинку, так хорошо у них получалось.

– Стрибоже! Выручай! – заголосили мореходы.

– Ябеды! – сказали русалки.

– Стрибоже, помоги нам!

– Я б помог, кабы мог, – признался Стрибог, вздыхая. –

Только в чужом царстве я не хозяин.

Положение березовцев было отчаянное. Они изо всех сил цеплялись за скамейки и друг за друга, но было ясно, что посланницы морского царя скоро перевернут лодку вверх дном.

– И раз! И два! – скомандовали сами себе русалки.

Чудород шмякнул вдруг шапкою об пол.

– Эх, поминайте добром, не поминайте, братцы, лихом! – вскричал он и с шумом шлепнулся в воду. И по тому, как ловко и быстро у него это получилось тоже можно было понять, что вываливаться из лодки ему не впервой. Русалки тут же оставили лодку и бросились ловить Чудю.

– Вепря! Мамку чтобы обязательно нашел! Да слушайся ее, не озоруй! – крикнул он, выныривая. – И батьку спаси!.. Приветы им передавай!

– Чудородушка! – завопил растерявшийся Добрило. – Да как же?!

– А ты внучат расти! И про меня рассказывай! А Матрене...

Больше Чудород ничего не успел сказать: водяные погубительницы со смехом утащили его в глубину, вода над ними сомкнулась и разгладилась.

– Дядя Чудя! – закричал Веприк, опомнившись, и кинулся в море. Но воздушный вихрь поймал его над водой, про-

нес вокруг лодки и шлепнул на скамью. "Курица" тронулась с места и понеслась с такой сумасшедшей скоростью, что путешественники падали, как только им удавалось встать на ноги. Так и неслись они без остановки до самой Африки.

Глава 33. В гостях у морского царя

А Чудород – молодец: не утонул в Средиземном море.

Когда он бросился отдавать свою жизнь за товарищей, он очень торопился, чтобы не струсить. В отчаянную минуту жалко стало ему малышку-Дунечку. Да и братца ее упрямого тоже пожалел – мальчишечка ведь совсем. А глянул на бортника – вспомнилась его младшая внучка Малушенька, драчунья и забияка. А про себя Чудя совсем и забыл.

Как же он обрадовался, когда оказалось, что и под водой жить можно! Бережет, значит, здешний царь своих гостей!

Когда русалки увлекли березовца в морскую пучину, солнечный свет все угасал и угасал, заслоненный толщей воды – пока вокруг не наступила непроглядная мгла. Средиземное море было в этом месте очень глубоко – примерно как от Березовки до другой Березовки, а то и дальше. Обитатели глубины не страдали от темноты: здесь жили светящиеся рыбы и червяки.

Чудя строго шлепнул по руке русалку, которая лезла пощекотать его под мышкой, и посмотрел вниз. Все морское дно было усеяно огнями, словно его тащили не в воду, а наоборот – поднимали к звездам. Зубастые рыбины с висящими на морде огоньками спешно выстраивались в ряд, чтобы освещать дорогу прибывшим. Из дна, мерцая зеленоватым светом, поднимались длинные, выше дерева, узкие листья.

По камням ползали сияющие белые червяки с множеством ножек. В конце светлой рыбьей дорожки, в черной черноте, горели розовым прозрачные скалы, к которым подводные жительницы несли гостя. Сквозь высокие ворота пловцы попали к сиреневой стене из такого же полупрозрачного камня. За сиреневой стеной находилась третья – оранжевая, сквозь которую видно было, как покачиваются на той стороне разноцветные, словно звезды, рыбы, а за ней в светлом золотистом зале на высоком камне восседало волосатое губастое чудище с рыбьим хвостом.

– Будь здоров, славный царь! – крикнул Чудород, немного робея.

– Я не царь, я царица! – с обидою ответило чудище. – Утопите его!

– погоди, душечка моя, – пророкотал низкий голос с другой стороны от Чудорода. – Это наш гость, он явился рассказать нам знаменитую историю о том, как его бабушка сломала ногу. Все в море только об этом и говорят.

Чудя боязливо косился глазами и увидел второе чудище – еще больше, губастее и волосатее первого. По длине, считая хвост, морской царь был в два человеческих роста, и при этом ужасно толст. Рот у него был от уха до уха, а задранный вверх носик торчал опенком из зеленой бороды. В бороде прятались и играли маленькие полосатые рыбки.

Оба супруга уставились на гостя, моргая лупатыми глазами.

– Ну?! – весьма нелюбезно квакнула царица.

– Э-э-э... жила-была моя бабушка, – сказал Чудород. – И однажды она сломала ногу.

Видя, что рассказ не произвел большого впечатления, он добавил:

– Левую.

– И все? – спросил морской царь. Подумав, он горестно сообщил: – Я не распотешился!

– Она с печки упала, – поспешно уточнил Чудород, гадая, как бы сделать историю про сломанную ногу попотешнее.

– Нога или бабушка? – спросил царь.

– Что тут непонятного?! – крикнула ему через голову Чуди супруга. – Сказали же тебе: бабка лежала на печке, нога отломилась и с печки упала!.. Дурацкая сказка! Надо этого мужика утопить!

– А ты на гусях играть умеешь? – поинтересовался морской царь, морщась от визгливого голоса жены.

– А у вас гусли есть? – ответил вопросом на вопрос Чудя, изо всех сил стараясь вспомнить, как эти гусли выглядят и чем на них надо играть.

– Нету.

– А жалко: я на гусях-то играть большой мастер, – Чудя перебирал в уме, чем же он может развеселить хозяина. – Я колыбельную умею волшебную петь, "гундёж" называется – так что все кругом засыпают, а кто не заснул с ума сходит.

– Так ты что же, колдун?

– Ага, – согласился Чудя. – А еще я, между прочим, шайтан – у печенегов спросите. Меня же зовут Чудород. Чудеса, значит, рожаю в большом количестве.

(На самом деле мамка назвала так своего Чудородика, потому что он лез на белый свет чудным образом – вперед не головой, как все младенцы, а задним местом.)

Чудя ухватил в охапку проплывавшую мимо него остроносую рыбину и, баюкая ее, как родную дитятю, занудил:

– Спи-поспи, рыбёшечка,

Спи-поспи, малёшечка,

Спи-поспи, курёшечка,...

Рыбина внимательно и злобно поглядела незваной няньке в лицо и Чудя немного испугался.

– Ого, какие у нас зубёшечки, – пробормотал он, не отрывая взгляда от рыбьей пасти, – хуже, чем у моей ненаглядной Матрёшечки...

Тут рыбина оскалилась и попыталась откусить ему ногу. Березовец обеими руками зажал ей пасть и, налегая всем телом, ухитрился засунуть рыбину себе между колен. Рыба кряхтела и вырывалась, но Чудород не сдавался и обнимал ей рот руками и ногами, никак не успевая сообразить, что ему делать дальше. Он бы с удовольствием врезал неприятельнице кулаком между глаз, но боялся, что эта животина приходится какой-нибудь родней царю или царицу – не зря же она по дворцу плавает. Наблюдая, как гость прыгает верхом на рыбьей голове, царица с отвращением сказала мужу:

– Что за гости у тебя! Пойди-ка поищи второго такого болвана!

Обнаружив, что царь, увлеченный представлением, хохочет, шлепая себя по бокам и пуская изо рта пузыри, царица со злостью сказала:

– Далеко искать не придется!

"Эге, – заметил себе Чудород. – Хозяйка-то здешняя не в мед, видно, обмокнута. Такая-то царица и у меня дома есть."

Царица взвилась с места и шлепнула себе на косматую голову голубую светящуюся медузу вместо шапки. Медуза хотела удрать, но царица так стукнула по ней кулаком, что та из синей сделалась красной и испуганно притихла.

– Чтоб, когда я вернусь, этого мужика глупого уже здесь не было! – приказала морская хозяйка.

– Которого? – хором спросили Чудород и царь, но царицы уже след простыл.

– Меня, наверно, – сказал подводный хозяин. – Давно она меня из дома не выгоняла.

Чудя тем временем, зацепившись пяткой за камень, смог стянуть с ноги один сапог и плотно нахлобучил его своей рыбе на морду. Рыба мотала головой, вертелась, но сапог снять не могла, потому что рук у нее не было.

– Эй, славный царь, – позвал Чудород, подойдя в одном сапоге к каменному трону и становясь на цыпочки. – Ч-ч-ч! Времени у нас мало! Слушай: есть у меня одна волшебная песня – Змея Горыныча приманивать. Хочешь научу?

– А Змей Горыныч на гусях играть умеет? – спросил водяной.

– Он женщин крадет! Надо только женскую красоту в песне прославить – и он уже тут как тут. Я свою жену уже того... прославил. Слушай:

"Дева златоволосая, гордость Nikeи,
Гордо ступает, прелестная, стройной ногою,
Мне ли подаришь свой взгляд, белолица дева?
Я от любви и восторга безмолвен стою!.."

– Это не про мою кровопивицу, – печально признался морской царь. – Она в Nikee никогда не была. И потом – у нее же хвост, откуда у нее нога, чтобы гордо ступать? Если только оторвет у кого-нибудь... У тебя той, левой, бабушкиной, не осталось?

– Слова немного переделать надо и все дела: вместо "златоволосая" – "зеленоволосая", вместо "гордость"...

– "Пакость" – обрадованно подсказал царь. – "Пакость морская"! А вместо "прелестная" – "противная"!.. Я ее знаешь как зову, когда не слышит? Рыба! Просто рыба и всё! Как там? "Ты мне подаришь свой взгляд, тухлая рыба?" – водяной радостно захихикал.

Пошептавшись, прославители женской красоты завопили дружным хором:

"Рыба волосатая, пакость морская,
Шустро виляет, противная, кривым хвостом
Ты мне подаришь свой взгляд, тухлая рыба?"

Я от твоего скандального нрава утоплюсь скоро, хоть я и царь морской!"

– Последняя строчка длинная очень, – критически заметил Чудород.

– Зато от души! Давай еще раз, а? Три-четыре! "Рыба волосатая"... О! Змей Горыныч летит!

Чудя, который никак не ожидал, что от его волшебной песни получится какой-нибудь толк, с изумлением оглянулся и исполнился ужаса: к ним неслась славная царица в съехавшей набекрень светящейся медузе.

– Ты это о ком "рыба волосатая"?! – в гнев кричала она на мужа.

– Не волосатая! Лысая! – попытался вступить Чудя.

– Какая волосатая? – неискренне удивился водяной. – Мы разве пели "волосатая"? Мы пели... это... "усатая"!

– Да, сверху лысая, снизу усатая, – поддержал его Чудя. – А сбоку – полосатая.

Чтобы порадовать царицу, он подхалимски ей улыбнулся и получил медузой прямо по физиономии.

– Тухлая, значит, рыба?! Рыба, да?! Рыба?!!!

– Рыбка! – поправился провинившийся супруг. – Это я так ласково выразился. Рыбка моя.

– Тухленькая! – добавил Чудя.

– Я вам покажу "пакость морскую"! Я вам покажу "тухленькую рыбку"! – визжала царская жена, швыряя в певцов обстановкой тронного зала: морскими звездами, камешками

и рыбками. – Уроды!

– Не Уроды, а Чудороды, – поправил Чудя. – То есть он – Урод, а я – Чудород.

Царица внезапно перестала кидаться и закатила вверх свои лупатые глаза.

– Довели меня, бедную, – всхлипнула она, тесня руками свою широкую грудь. – Дыханье в груди перехватило!

– Какое дыхание, душенька? У тебя же жабры! – просто-душно напомнил ей муж.

– И этому бессердечному тюленю я отдала всю свою молодость! – продолжала жаловаться себе самой царица, кротко хлопая ресницами.

– Молодость отдала, дай хоть в старости пожить спокойно, – ляпнул царь и прикусил язык.

– Вон! Из! Моего! Дома! – заорала морская владычица. – Оба! Убирайтесь немедленно! Чтоб ноги вашей в этом море не было!

Бурлящий водяной поток завертел Чудорода и понес прочь. По всему телу шипели воздушные пузырьки, в голове шумело от коловращения. Рядом с ним, кувыркаясь и булькая, летел морской царь. Кажется, они проломил крышу прозрачного дворца – с такой скоростью их несло. Через минуту глубоководное царство, его светящиеся обитатели и разноцветные скалы стали для Чуди лишь красивым воспоминанием.

Глава 34. На африканском берегу

Когда русские мореходы угрюмо подплывали к африканскому берегу, первыми, кого они там увидели, были Чудород в обнимку с морским царем, которые сидели на прибрежной скале и пели "Не зореньку ясную". Товарищи, не веря глазам, соскочили с лодки, по колено в воде бросились к Чуде, а потом так долго и радостно обнимали и целовали его, что нечаянно даже морского царя поцеловали несколько раз. Ветер восторженно свистнул и кокнул пустую лодку о берег, отчего она развалилась на щепочки.

– Эй, человечки! – крикнул Стрибог. – Ну, как я вас прокатил? Ха-ха-ха! Любой позавидует! Слыхали ль вы, чтобы кто-нибудь быстрее плавал? И даже без паруса. В следующий раз вообще без лодки поплывем! Полетите, маленькие людишки, как птицы – одежду только придется снять, чтобы не надувалась!

– Ждем-не дождемся, – ответили путешественники, пытаюсь себе представить, как они, словно журавли, появляются в небе над родной деревней, все – в чем мать родила. Насчет того, что им позавидуют, большой уверенности не было, но помнить будут долго.

– Ну, счастливо оставаться! – пожелал им ветряной бог. – В пути не робейте, идите навстречу всякой беде. Опасности презирайте. А мне пора: мне в ваши края весну-красну нести

надо!

– Да неужели мы уже так долго странствуем? – изумился Чудород, прислушиваясь к затихающему над морем хохоту ветра.

Друзья устроились на песочке, послушали рассказ о последних событиях в подводном царстве и осмотрелись.

Картина природы вокруг них печалила однообразием. Море-то было велико, а берег африканский – так себе, песок да камни. За скалистым гребешком росли несколько убогого вида деревьев: ствол весь голый, как коза обьяла, а наверху воткнут зеленый пучок вроде ботвы от репки. Конечно, до веселой березовой рощи или до мохнатого ельника, где в изобилии растут лисички и рыжики, местным красотам было далеко. Веприк вспомнил, как шли они осенью с отцом по разноцветному волшебному лесу, слушали шелест и птичьи крики, смеялись, дразнили белок – и сердце от тоски защемило.

Зато с погодой путешественникам повезло: вокруг было тепло, как дома летом. Если сказать честно, они и сами не понимали, как далеко завез их бог ветров – как три раза от Киева до Сурожа.

– Вы меня в какой-нибудь прудик отнесите, пока жена сердиться не перестанет, – распорядился водяной. – Только сначала обмакните в море, а то засохну совсем по дороге.

Мужики втроем дотащили его до моря и кинулись за компанию в голубую воду. Дуняшка ходила около и тянула к ку-

пальщикам ручки.

– И – взяли, ребяташки! – скомандовал Чудя. Веприк ухватил морского царя за хвост, Добрило – под мышки, а Чудя – поперек толстого пуза, – и они понесли царя на сушу.

– Гляди-ка! – крикнул Добрило. – Идет кто-то!.. Эй, милый человек, ты не аль-араб ли будешь? Ты чего ж не черный? Нам сказывали, у вас в Африке мужики все черные... если мы, конечно, в Африку приплыли, а не мимо просвистели в темноте, – добавил бортник с сомнением.

Человек, появившийся на пригорке, нерешительно остановился при виде мокрых незнакомцев, вылезających из моря.

– Ты нас не бойся! – закричал Чудя. – Мы хорошие – особенно я! Ты нам скажи – это аль-Сахара? Аль не Сахара?..

Встретившийся путешественникам местный житель был одет в широкую длинную рубашку и очень широкие пышные штаны, а вместо шапки макушка его была покрыта платком, свободно спускавшимся на плечи – платок не был нигде завязан и удерживался на голове натянутым поверх него веревочным обручем. ("Из бани, видать, идет человек," – решили березовцы.)

Встречный был козопасом из небольшого арабского племени, обитавшего в этих местах. Увидев в воде белокожих раздетых людей он принял их за морских джиннов [8], приплывших из своих сказочных стран с коварными намерениями.

—
[8] джинн – (в арабской мифологии) злой дух
—

– Уважаемый! – по-арабски обратился к козопасу морской царь, который знал языки множества народов, населявших берега. – Не скажешь ли ты нам, это Сахара? Или мы не туда попали?

Услышав густой бас повелителя морей и разглядев его огромную физиономию с широченным ртом козопас упал в обморок. Но не успели березовцы сообразить, что им делать дальше, как он вскочил на ноги и стремглав бросился наутек.

– Что это с ним? – удивился водяной.

– Наверно, испугался кого-то из нас, – осторожно подсказал Веприк. Не мог же он сказать царю "А это у тебя такая страшная рожа!"

– Кого из вас? – не отставал водяной.

– Меня! – выручил младшего товарища Добрило. – У меня по людским меркам лицо очень некрасивое...

– Он дома даже колпак соломенный на лице носит, чтоб детишек не пугать, – сообщил довольный Чудя. Бортник за спиной водяного показал приятелю кулак.

Тут как раз мокрый хвост выпал из веприковых рук, Чудя отпустил свою середину, а Добрило, не удержав царя в одиночку, свалился в воду, погребенный под царским пышным телом.

– Уронили! – обиженно сказал водяной, высовывая голову

из воды. – Вы давайте-ка поаккуратнее, а то опять уроните!
– И не раз! – заверили его березовцы, тужась вытащить бортника из-под толстого царя. Потом они с великим трудом пронесли водяного сотню шагов, но Чудя неожиданно кинул груз, замахал руками и закричал "ой, мамочки!" На этот раз Добрило выпустил водяного сразу вслед за Чудей, а Веприк еще некоторое время удерживал его за плавник на хвосте, поэтому царь, когда упал, немного зарылся головой в песок. "Бегемот мерзкий ядовитый! За нами гонится!" – вопил Чудород, показывая пальцем на диковинное существо, которое, вытянув шею, ползло наперерез их отряду.

– Как-то он неправильно за нами гонится, – засомневался бортник. – Если мы постоим, его подождем, он часа через два тут будет, не раньше.

Старая морская черепаха, медленно шевеля лапами, часто отдыхая, тащилась к воде и очень надеялась еще сегодня до нее добраться. Малышка Дунька, оставшаяся беспризорной, пока ее взрослые друзья нянчились с хозяином подводного царства, подобралась к черепахе, присела возле нее на корточки и прутиком постучала по панцирю. Черепаха, неохотно остановилась и начала втягивать голову и лапы внутрь.

Морской царь выкопал наконец свою физиономию из песка, приподнялся на руках и завопил:

– Тысяча китов и одна морская черепаха! Опять уронили!
"Ага, как же, – злорадно подумала морская черепаха. –

Уже бегу."

Она поглубже засунулась в панцирь и заснула.

Как раз в этот самый момент из-за каменистого пригорка снова показались местные жители: отряд козопасов под предводительством недавнего молодого пастуха шел защищать родную пустыню и свои мирные стада от набега морских чудовищ. Как только они поднялись на пригорок, навстречу им, словно восходящая луна, поднялась с земли перемазанная песком физиономия рыбьего царя. Голова его казалась еще больше из-за облепившего лицо и волосы песка, а широченный толстогубый рот разевался так, что мог бы козу проглотить. Царь плевался, шлепал губами и гудел жутким басом "Уронили! Опять уронили! Ква-а-а!"

Такого страха пастухи не вынесли: они разбежались кто куда.

Березовцы, пожав плечами, посмотрели им вслед и обступили водяного.

– Ты не сердись, славный царь, но уж очень ты... как бы сказать, чтоб не обидеть... мускулистый, – признался Добрило. – Тяжело тебя нести.

– Пузо у тебя очень мускулистое, – уточнил Чудород.

– А мы его покатым! – радостно предложил Веприк.

– Наглый мальчишка! – заорал водяной. – Да как ты сме!..

Но мужики уже плюнули на ладони и покатали царя, словно бревно. Он хотел возмутиться, но ткнулся носом в камень на дороге. Хотел обозвать нахалов, но в рот ему забился пу-

чок травы.

– Ах вы, негодники! Мое царское величество обидели и... ой!... лбом стукнули!

– Да я вас всех скормлю акулам, утоплю и... ох!.. и носы вам тоже поцарапаю!

– Я – Нептун, морское чудо, мне подвластны все... фу!... козьи кучки на дороге! Чтоб вы наступили!

– Царя, значит, катите?! Ай-яй-яй, не стыдно вам... тьфу! ... думал, ананас, а это кактус!

– Ой-ой! На бороду наступили!

Со временем водяной успокоился и только пыхтел да ой-кал, когда стучался носом:

– Пых-пых-пых-ой! Пых-пых-пых-ой! Пых-пых-пых-ай!

За каменистым пляжем взору путешественников открылось такое открытое всем ветрам пространство, что даже песок с него давно сдуло, оставив повсюду лишь лысую твердую землю. Весь песок, что должен был лежать внизу, без труда носился в воздухе и лез в рот, глаза и в уши. Из растительности на равнине торчало всего три мелких колючки, как дохлые зеленые ежики.

В небольшом отдалении стояли странные домики, похожие на перевернутые вверх дном грибные лукошки. Там же росли деревья и даже какие-то кустарники с цветочками – наверно, поблизости была вода. Не по-зимнему теплое солнце медленно опускалось за селение. Когда отряд путешественников подошел поближе, стало видно, что жилища, со-

ставлявшие селение, были палатками из натянутого на деревянную основу теплого темного полотна. Палатки были продолговатые, сверху круглые, как пирожки с начинкой, и было их несколько сотен, не меньше.

Можно сказать, что Киев был городом деревянным, Сурож – каменным, а арабское селение – шерстяным.

У одного из крайних домов на половичке, сидел белобородый старец в таком же полотенце на голове, как у молодого козопаса. Он безмятежно обмахивался огромным зеленым листом но, увидев березовский отряд, с криком вскочил и убежал.

– Ты бы физиономию свою прикрыл чем-нибудь, – сказал Добриле морской царь. – Пугаешь добрых людей почему зря... ай! мой нос!

Могучий бортник хотел ответить ему что-нибудь обидное, но тут дорога пошла под горку и царь у них укатился – пришлось догонять.

Вдоль улицы (вернее, широкого прохода между беспорядочно стоявшими палатками) была проложена канавка с водой, берега и дно ее были выложены камнем. Друзья, всклокоченные и запыленные не меньше водяного, с натугой подняли его и плюхнули в канавку. Морской хозяин улегся на дно, но пупок его продолжал торчать над каменными стенками, как купол собора в Константинополе.

Тут, как назло, в конце улицы показалась стройная фигурка с кувшином. Березовцы, толкаясь, торопливо уселись на

край водоема – плечом к плечу, пряча водяного за спиной.

– Тра-ля-ля, ой люли, – начал старательно напевать Веприк, делая вид, что никого не замечает, а сидит по собственной надобности.

Черноглазая девушка, пришедшая к каналу за водой с интересом поглядела на незнакомцев. На девушке было свободное одеяние из синей материи ниже колен, а платок она завязала так, чтобы спрятать половину лица – кроме любопытных черных глаз с пушистыми ресницами. Из-под платья виднелись голубые шаровары – как у парня. Добрило, неуютно поерзав, тоже запел:

– Ах ты, реченька широкая,

Ах ты, струюшка глубокая,

Как мне молодцу тебя да переплыти?..

– Свое пузо молодецкое в тебя да уместити! – подсказал Чудород.

Слушая непонятное бормотание растрепанных пришельцев, девушка подумала, что перед нею пустынники – то есть люди, удалившиеся в пустыню, чтобы жить там в уединении и тем самым заслужить милость небес. Пустынники часто ходили растрепанные и оборванные, умели разговаривать на непонятных языках, а иногда даже могли предсказывать будущее и совершать чудеса. Такую удачу нельзя было упускать.

– Мир вам и долгих лет жизни, о мудрые люди, – обратилась к ним девушка. – Скажите мне, когда я выйду замуж?

– Спрашивает, скоро ли выйдет замуж, – шепотом подсказал морской царь.

– Ни-ни! Я женат! – испугался Добрило. – У меня и внучка уже есть – Малушенька, и дети всякие, и еще внуки, и козлова, и коза...

– Ничего себе порядки в Африке, – прошептал Чудя. – Бабы сами на мужиках женятся!.. Красавица, мы все женаты! – крикнул он. – Вот он только свободный, – предательски уточнил Чудя, тыча пальцем в маленького охотника.

– Мне еще рано! – завопил Веприк. – Ты к нам через десять лет прибегай, тогда, может, соберусь... Бежать только долго придется, – добавил он вполголоса.

Пустынники тараторили и махали пальцами – похоже, были недовольны. Девушка понимающе кивнула и достала из кармана штанов серебряную монетку.

– Скажите мне мудрые люди, когда я выйду замуж, – повторила она, протягивая монету.

– Наши мужики не продаются! – гордо сказал Добрило, отвергая деньги.

– Не продаемся! – подтвердил Чудород. – И монетка у тебя какая-то маленькая!.. Нас всех подружки милые дома ждут. С пирогами да с блинами.

– А кое-кого и с кочергой, – уточнил Добрило.

– Это ничего. У нас в Березовке мужик крепкий и юркий, кочерги мы не боимся...

– Да что ты их, худосочных, слушаешь, красавица! – не

выдержал морской царь, высовывая косматую голову сбоку из-за Добрилы. – В мужчине главное – размер, особенно если с хвостом мерить. Иди ко мне в русалки!

Девушка подскочила на месте, пронзительно закричала "а-а-ай!" и попробовала спрятаться в свой кувшин. Когда это ей не удалось, она запустила кувшином в лоб морскому царю и убежала, причитая тоненьким голосом.

– Ну вот опять! – возмущенно сказал водяной Добриле. – Познакомился с девушкой, а ты ее своей рожей напугал. Свиномордия!

– Пойдемте-ка разузнаем, что это за село и что за люди тут живут! – тихо сказал Веприк товарищам. – Того и гляди доозорничается славный царь, что его за морского черта примут – а нас за чертеняток.

Путешественники направились было дальше по улице, но не успели пройти полсотни шагов, как опять услышали сзади знакомый бас:

– Девушка, вы не скажете, как пройти в библиотеку? Я имею в виду – в библиотеку Птолемея Второго. Тут недалеко: в Александрии... А вы случайно русалкой стать не думали? Я могу устроить... Эй, а кто верблюда сюда пустил?! Верблюдов надо поить в специально отведенных для этого местах! Безобразие! Щекотно! Уберите немедленно! Я – царь, требую уважения!..

Березовцы переглянулись и развели руками.

– Как бы беды не случилось... – озабоченно начал Добри-

ло, но неожиданно получил по затылку удар дубинкой и свалился, оглушенный. Путешественники оказались окруженными большим количеством сердитых людей, которые, крича и ругаясь на непонятном языке, ухватили их всех – даже маленькую Дуньку – за руки и потащили по улице. Потом их втолкнули в какой-то пустой домик без окон и заперли в темноте.

Глава 35. Пленники

– Я не понимаю, – сказал Чудород, устав колотить в дверь. – Это все из-за того, что ли, что мы жениться не хотим?.. Эй! Я готов жениться! Слышите? Только выпустите нас отсюда, а то есть очень хочется! Ой, вспомнил: я же неженатый! Я перепутал: помню – была свадьба, думал – меня женили, а это ведь соседа моего! Перепутал я! Сосед у меня женатый, а я холостой! Скажи им, Добрило!

– Ой, – ответил богатырь из угла. – Моя голова!

– Предупреждали нас торговые греки, что аль-арабы эти – все разбойники... ой... что все аль-арабы очень хорошие люди, – затараторил Чудя, повысив голос, потому что испугался, что за дверью кто-нибудь стоит. Он потер лоб, стараясь припомнить, что хорошего он успел заметить в местных жителях. – Мужики у них все какие дружные!.. Хотя и ходят почему-то в платках вместо шапок, – прибавил он шепотом. – Как ловко нас похватали! Молодцы! Добрило, тебе тоже понравилось?

– Ага, – со стоном ответил бортник. – Жаль только, что по голове мне всего один раз стукнули... Еще бы раз десять дали, мне бы еще больше понравилось!

"Не может быть, – думал Веприк, обнимая сестренку, – чтобы весь наш многотрудный путь здесь и закончился. Мы до Африки доплыли – и чтобы нас ни за что в сарае заперли.

Не может такого быть... В сарае можно и дома сидеть."

Словно отвечая его мыслям, дверь открылась и пленников со связанными руками вывели во двор. На улице было уже темно, утоптаный земляной двор освещали несколько факелов. Похоже было, все жители селения собрались поглядеть на гостей, они подались назад, как только березовцы вышли наружу – боялись их что ли? На дальнем краю под пальмой сидели на ковре, скрестив ноги, два почтенных старца, один из которых недавно убежал от путешественников, испугавшись морского царя.

– Кто вы такие? Почему вы вылезли из моря и откуда приплыли? – строго спросил он.

Если бы березовцы понимали по-арабски, они бы, конечно, с удовольствием ответили на вопросы и рассказали бы местным жителям о своем удивительном приключении. Вместо этого они поклонились и сказали:

– Здравствуйте, люди добрые!

Старик на приветствие не ответил, а повторил сердитым голосом:

– Кто вы такие? Вы живете в воде или на земле?

Чудя поклонился ему еще раз, старик вскочил с места, ткнул в него пальцем и громко повторил:

– Кто?! Эшкун [9]?!

– Нет, не Эшкун, – отрицательно помотал головой Чудя, стукнув по пальцу, лезшему ему в нос. – Не Эшкун, а Чудо-род. Никакого Эшкуна не знаю. Чу-до-род!

—
[9] эшкун – (арабск.) кто
—

Старец в ужасе закрыл глаза и сделал для успокоения несколько дыхательных упражнений.

– Вы слышали, – сказал он односельчанам, – что это существо не имеет человеческой природы. Оно само призналось, что оно не "кто", а какое-то другое создание, название которого мне даже повторить противно!.. Да что там повторить – бедные мои уши, которые слышали такую гадость! Надо их помыть. И вы свои тоже все потом помойте.

– Я видел своими глазами, – как они выползали из моря и принимали человеческий облик, чтобы ходить по земле и вредить людям, – крикнул молодой пастух. – На самом деле у них рыбы хвосты и животы, раздутые, как арбуз.

– Мы тоже видели! – сказали его товарищи.

Зрители зашумели и попятились.

– Чего это они? – тревожно спросил Чудород.

– Это джинны, горе нам! – закричали в толпе, а козопасы еще добавили:

– У них не было ни корабля, ни верблюдов, ни даже осла! Как будто они родились из моря или свалились с неба, как саранча.

– Мы из Березовки! – закричали в ответ путешественники, гадая, почему они так не нравятся местным жителям. – Далеко, отсюда не видать! Лес у нас там, понимаете? Дер-

вья! А не веники лысые, как у вас. Там сейчас зима! Холодно! Бррр! Снег лежит! Сугробы – вот по сюда! Даже выше – по пояс!

– Ну что ты врешь, Чудя! – не стерпел бортник. – Так уж по пояс!

– А я говорю – вот такие сугробы! Я один раз у себя во дворе с головой провалился! – завелся Чудород.

Почтенный старец отбежал от спорщиков подальше и спрятался за дерево, потому что подумал, что они делят, кто сколько от него съест.

Испуг деревенского старосты понятен: по зловредности арабские джинны могли сравниться только с русской Бабой Ягой. Они тоже колдовали, притворялись зверем или человеком, обманывали честных людей, портили им жизнь и могли даже съесть кого-нибудь при удобном случае.

Усталая и голодная Дуняшка шлепнулась на сидячее место посреди земляного двора, жалобно сказала "Ам!" и принялась хныкать. Дунькино "Ам" было первым словом, которое правильно поняли все слушатели.

– Дайте хоть девочке хлебца, люди добрые! – взмолился Веприк, протягивая руки к народу. – С утра ничего не ели!

– Вот – по колено снег! – показывал Добрило.

– Не знаешь, так молчи! – долдонил Чудя. – По сюда!

Ясно было, что старые джинны выпрашивают для маленького джиннчика хоть полноги от кого-нибудь из присутствующих, а лучше – целую.

– У нас медведи водятся! Р-р-р! Понимаете? Есть у вас медведи? – объяснял Чудород . – Кабаны! Хрю-хрю-хрю! Кабана когда-нибудь видели? Зайцы: прыг-скок!

Трудно было решить, какое зрелище ужаснее: Чудя, который, задрав пальцем нос, показывал кабана или Доброило, изображавший зайца-попрыгайца и после каждого прыжка хватавшийся за больную голову. Зрители в страхе начали разбегаться по домам.

– Стойте! – закричал староста, выглядывая из-за пальмы. – Посмотрите: с нами ничего плохого не произошло! Из их мерзкого колдовства ничего не получается! Джинны потеряли силу! Я думаю, это морские джинны и на земле они ни на что не способны.

– А я думаю, ты ошибаешься, уважаемый Сулейман Ибн Муса Ибн Юсуф, – заявил второй мудрец. – Я думаю, это небесные джинны, которые летели-летели над морем, упали и намокли – поэтому теперь они не могут лететь, хотя, как видите, не оставляют попыток упрыгать от нас.

– А я думаю, это ты ошибаешься, почтеннейший Абу Абдаллах Ибн Джафар, – ответил уважаемый Ибн Муса. – Вы слышали свидетельство этих достойных пастухов: они видели у пленников рыбы хвосты и толстые животы. Я сам могу подтвердить их слова. Кокосовому ореху ясно, что перед нами типичные морские джинны.

Почтеннейший Абу Абдаллах насупился, а потом просветлел и поднял вверх назидательный палец:

– Это легко проверить! – сказал он. – Достаточно сбросить одного из них с высокой башни. Воздушный джинн, конечно, улетит. А морской джинн...

– А какая разница? – крикнул из толпы молодой пастух.

– Никакой! – ответили Сулейман Ибн Муса Ибн Юсуф и Абу Абдаллах Ибн Джафар. – Ведь сделать мы с ними все равно ничего не можем.

– А хороводы вы водить умеете? – спрашивал тем временем Чудя. – У нас скоро проводы зимы! Блины будем есть, плясать, зиму-злодейку прогонять...

– Если бы мы даже знали, как убить джинна, – говорил Ибн Муса, повысив голос, чтобы перекричать березовцев, затеявших песни и хоровод вокруг Дуньки, – нехорошо было бы ссориться с их повелителем!

Все присутствующие согласились, что это действительно было бы нехорошо.

– Придется их отпустить, – объявил Ибн Муса.

– Сбросить с высокой башни, – пояснил Абу Абдаллах.

– Отвезти подальше в море и кинуть в воду, – заспорил с ним Ибн Муса.

– Беда в том, что если мы утопим небесных джиннов или расшибем морских, их цари могут разозлиться – и тогда горе нам, несчастным!

– Послушайте! – вскричал молодой пастух, чувствуя себя виноватым в том, что притащил этих джиннов в деревню. – В черном сердце пустыни, в горящих песках, живет повели-

тель небесных духов. Глаза его подобны огромным бубнам, а дыхание – точно раскаленная кузнечная печь. Он может быть и человеком, и змеей, и птицей. Все это я слышал от знающих людей.

– От меня ты это слышал, внучек, – со вздохом сказал уважаемый Ибн Муса. – Когда простоквашу не хотел кушать. Я еще говорил, что он забирает непослушных мальчиков.

– Живет в пустыне воздушный повелитель, нет сомнений, мы все тоже так думаем, – дружно сказали односельчане. – Надо отвезти к нему джиннов – и все дела. Пускай он сам решит, что с ними делать... Только – кто же повезет?.. О! А повезет, конечно же, козопас Али! У него больше всех умения, как обращаться с джиннами!

– Скромность велит мне уступить место мудрым, – сказал Али, поворачиваясь к руководителям собрания.

– Это мы мудрые? – уточнили старцы, перепугавшись, как бы их не отправили в опасное путешествие.

– Да. А я скромный, – ответил Али.

Односельчане прикинули, кто из собеседников дальше увезет пленников от городка и решили:

– Многоопытность важнее мудрости!

Молодой козопас покраснел, надеясь, что никто не будет напоминать, что его многоопытность состояло главным образом в том, чтобы вовремя от джиннов сбежать.

– Обращайся с пленниками без страха, но оказывай им уважение, – напутствовали пастуха престарелые мудрецы. –

Помни, что, хотя они и лишены сейчас волшебной силы, это не простые люди. И лучше не давайте им ничего съестного, чтобы они не окрепли.

– Я бы еще посоветовал выливать утром и вечером по ведру воды на голову каждого джинна, – добавил почтеннейший Абу Абдаллах. – В мокром состоянии они теряют способность дышать огнем, как мы все можем понять из того, что пока никого из нас они не спалили.

Объяснив таким образом, почему березовцы не дышат огнем, достойные старцы приготовились удалиться на отдых.

– Я вот только немного сомневаюсь, – сказал мудрый Ибн Муса. – А что, если это обычные люди?

– Ах, Ибн Муса, ты с детства слишком наивен! – ответил Абу Абдаллах. – Не дай себя обмануть! Разве ты не знаешь, что все джинны коварны, как обиженная обезьяна? Ты только посмотри, какие хитрые у них физиономии! Воистину доброта живет в сердце, а зло – в глазах.

Глава 36. Сахара

Молодой и неутомимый козопас Али, наверно, всю ночь не спал, готовя поход в сердце великой пустыни. Когда березовцев снова вывели во двор, в небе еще сияли утренние звезды, а путешественников ожидали оседланные верблюды и вооруженные саблями стражники из числа местных пастухов. Арабские мужчины действительно все были настоящими воинами: они жили в суровом мире и им часто приходилось защищать свои стада и семьи от хищных зверей и воинственных соседей. Верблюды, составлявшие караван, конечно, ни в какое сравнение не шли с чудесными велесовыми животными, на которых березовцы прибыли в Сурож: они были меньше и желтая шерсть их была гораздо беднее, а в некоторых местах даже заметно вытерлась. Однако со временем путешественники убедились, что африканские верблюды тоже отличаются выносливостью, умом и преданностью своим хозяевам. У этих верблюдов было только по одному горбу, поэтому сидеть приходилось не между горбами, а сверху, на специально устроенной площадке.

Чудорода с Веприком поставили спина к спине и крепко привязали друг к другу, обмотав обоих веревкой. Маленький охотник был бледен, как полотно. С самого момента вчерашнего пленения он шептал молитвы родным богам, но ответа не было.

Потом молодой пастух, командовавший отрядом, с опаской поглядел на Добрилу и подозвал одного из товарищей, огромного краснолицего толстяка, видимо, деревенского силача. Толстяк ответил старшине что-то невежливое и подойти отказался. Али начал его стыдить и уговаривать – и все остальные тоже, и наконец толстого упрямца, красного и сердитого, за руки притащили к Добриле, словно застенчивую невесту к жениху. Их тоже связали спина к спине и оба силача встали посреди двора, насупившись и выпятив нижнюю губу. К ним подвели верблюда – и тут насупился верблюд, потому что он никак не ожидал тащить на себе такой двойной груз. Верблюд упрямо фыркнул и отошел в сторону. Привязанный к Добриле стражник сделал за ним шаг, а Добрило в ответ дернул стражника на себя – и они дружно свалились на землю арабом вниз.

Привязанные друг к другу богатыри, потные, растрепанные, сердитые, – пихались в пыли пока своими стараниями не повалили на себя еще трех стражников и одного верблюда. Участники похода долго бы еще ползали друг по другу, споря и толкаясь, но умное животное неожиданно встало, подняв на спине обоих противников. Им поневоле пришлось устроиться там, подобрав ноги – медоход лицом вперед, а араб – назад. Чудю с Веприком посадили на другого верблюда, а Дуньку просто сунули в мешок и повесили сбоку.

Еще четыре верховых стражника охраняли караван. Их обветренные лица снизу были завешены концами головных

платков для защиты от жары и песка. Во главе встал козопас Али, а замыкали отряд три привязанные друг за другом верблюда с грузом воды для джиннов.

Али махнул рукой и отряд пустился в путь. Миновав зеленый пятачок родного селения и деревенские поля, они очень скоро попали в могучие объятия Сахары.

Как ни велико было отчаяние Веприка, великая пустыня захватила его внимание. Сухой прозрачный воздух позволял видеть далеко вокруг себя, до самого края земли, засыпанного, как и поверхность под ногами, мелким желтым песком. Песчаные холмы – барханы – сменялись каменистыми долинами, потом – скалами, россыпями серой соли и снова – желтыми барханами. Песок струился, стекал с холмов струйками, волнами, пластами и неожиданно застывал, образуя причудливые картины. Спустя какое-то время картины снова оживали, переливались, текли дальше и снова застывали. С высокой спины верблюда эти песчаные узоры казались то морями, то скоплениями гор, то великолепными городами... Березовцы совсем бы залюбовались и заснули, если бы у них животы не урчали от голода.

– Э-э-э,... – гудел толстый стражник, привязанный к Добриле. – Э-э-э... А-а-а... Э-э-э-э-э-э-э-э-э-э...

Его скучный одинаковый напев длился час за часом. Бортник наконец не выдержал и ущипнул соседа за мягкое место.

– ...э-э... Ай-яй-яй! – вскричал стражник, поерзал и снова задудел: – ...э-э-э-э-э-э-...

Им попало одно из деревьев с облезлым волосатым стволом, какие березовцы уже видели на побережье. Оно одиноко торчало из песка, засыпанное до середины.

– Шаджара-а-а [10], – затянул толстяк. – Шаджа-а-а-ара-а-а-а...

Он еще долго повторял "шаджара" на разные лады, а потом опять принялся за "э-э-э".

– Э-э-э-э-э,.. – заныл Добрило, передразнивая надоедливого соседа. – Ме-е-е-е-е...

—

[10] шаджара – (арабск.) дерево, пальма

—

Чудород хихикнул.

– Ша-аджа-а-ара-а-а-а-а, – снова начал толстяк, увидев новое дерево.

– Ме-е-е-е... Лысый ве-е-еник,.. – поддержал его бортник. – Ве-е-е-е-еник!

– Э-э-э-э-э,.. – тянул стражник.

– Ме-е-е... У моего соседа пузо толстое-е-е-е!..

На закате, когда оранжевое солнце покрасило небо и песок в золотой цвет, караван остановился среди барханов. Арабы, стоя на коленях, приложили ухо к земле, переглянувшись, начали разрывать песок и обнаружили развалины старой стены и укрытый каменной крышкой колодец. Для отдыха натянули навесы из темной шерстяной материи. Пастухи, сняв с головы повязки, обрамляющие платок, спутали ими

ноги верблюдам, чтобы те не ушли далеко.

Никто в мире кроме арабских пастухов не способен был найти нужное место в пустыне, которая занимала места больше, чем могучая Византийская империя. Так же, как для русского человека родной лес был отцом, для арабов пустыня была матерью – строгой, но любящей. Великую Сахару пересекали несколько тайных путей, прозванных "дорогами колесниц", которые шли мимо укрытых колодцев и одиноких пальмовых рощ. Только местные жители могли определять правильный путь по знакам: скалам, рисункам и буквам, выбитым на камнях, а иногда и костям неудачливых путешественников, застигнутых песчаной бурей. Слушая голос жаркого ветра, поющий из глубины пустыни, пастухи уводили березовцев все дальше от моря – в золотое безмолвное царство, так далеко, как и сами они до этого не ступали.

Три раза в день к русским пленникам с поклонами и извинениями приближался стражник и выворачивал каждому на голову ведро воды. Не слушая извинений, березовцы кричали и ругались, а громче всех – добрилин толстяк, которому доставалось ни за что. Дуняшка, наоборот, смеялась и прыгала: ей нравилось купаться. Благодаря таким предосторожностям березовцы, как и следовало ожидать, не могли дышать огнем, зато все время чихали. Видно было, что стражники своих пленников опасаются, но кормить их они все равно отказывались.

После старого колодца отдохали в маленьком оазисе –

Для Веприка дорога слилась в тягучий безнадежный сон: равнодушно глядел он на слепящие глаза пески, качавшиеся под ногами верблюда. Иногда снилась мама: говорила что-то ласковое, утешала. Без еды мальчик слабел с каждым днем, но ни его ни товарищей голод больше не мучил, так они привыкли к нему. О надежде на благополучный исход путешествия к Змею Горынычу больше не вспоминали. Да и какая разница? Все равно ничего бы у них не получилось...

Во время отдыха пастух Али проверил, крепко ли держатся веревки на пленниках, и остановился напротив Дуняшки. Похудевшая, в обтрепанной рубашонке, с опухшими от слез глазками, девочка выглядела жалким подобием нарядной березовской толстушки. Пользуясь минутой, когда товарищи не смотрели, Али сунул девочке лепешку и ломоть дыни. Дунька ухватила подарок обеими руками и принялась, не жуя, запихивать в рот, а ее товарищи почесали голодные животы.

Вылив последние капли воды из кожаных мешков, составивших груз одного из верблюдов, Али шлепнул его по короткошерстному боку и приказал:

– Ила-льбайт [11]! Байт! Байт!

Верблюд, выпятив нижнюю губу, внимательно посмотрел на человека – хорошо ли ты подумал? не пожалеешь ли потом – без такого хорошего верблюда останешься? – повернулся и широким шагом направился в ту сторону, откуда караван пришел. Из всех животных на свете голуби и верблю-

ды лучше всех знают дорогу домой. Говорят, они даже умеют находить путь по звездам. Верблюды не заблудятся и не погибнут без воды и корма в просторах бескрайней пустыни...

— А-а-а... Э-э-э-э-э-э...

— Чтоб провалиться тебе-е-е... Ме-е-е-е-е-е... О! Опять дерево. Сейчас спою! Гхм!.. Ве-е-е-еник!.. Обле-е-е-е-ез-льый... Эх, хоть бы березку одну сюда! Или кустик смородиновый – с ягодками!.. Или гуся жареного...

—

[11] Ила-льбайт! – (арабск.) Домой! (байт – дом)

—

Глава 37. Черные пески

Когда вода в кожаных мешках кончилась, а все запасные верблюды были отправлены домой, Веприк уже не мог сказать, сколько дней они провели в пути: десять или пять, а может и две недели. Все смешалось в однообразном колыпании седла и шелесте песка. Уже больше суток им на пути не попало ни одного дерева или кустика, местность сделалась совсем дикой, песок из сыпучего стал твердым, спекшимся от жара в неровные глыбы. Каравану приходилось перелезать через них и даже иногда идти в обход. Горячий ветер, круглый год дующий из глубины Сахары, непрерывно дышал в лицо, так что глаза сами закрывались.

Ослабевший от голода, одурманенный пустыней, Веприк качался на верблюде, а когда бросил вперед равнодушный взгляд, обнаружил, что отряд направляется прямым ходом к краю земли – невдалеке пустыня обрывалась в черную пустоту. Арабы, напряженно вытянувшись на седлах, все всматривались в необычную картину. Веприк равнодушно подумал, что их привезли сюда, чтобы сбросить с края земли и собрался дремать дальше, но стражники так оживленно затараторили на своем непонятном языке, что ему пришлось открыть глаза.

То, что он принял за пустоту оказалось огромного размера впадиной, поверхность которой переливалась черным блес-

ком. От впадины несло жаром, словно верблюды и всадники стояли перед открытой печью. Размер ее был так велик, что противоположная сторона скрывалась за горизонтом. По мере приближения черная граница растягивалась в стороны и наконец караван оказался стоящим как бы на берегу высохшего, обугленного моря.

– Черный песок! – выдохнул Веприк. – Дядя Чудя, проснись! Черный песок! Как в письме у дяди Фукидида! Помнишь, на лапках у моей голубки?

Маленький путешественник так заерзал на седле, что они оба чуть не свалились с верблюда.

Края впадины срезались вниз невысоким обрывом – высотой ладони в две. Дальше черная поверхность медленно понижалась, как огромная миска, втопанная в пустыню. Среди черного песка там и тут вспыхивали над поверхностью огненные лепесточки, закручивались в воздухе и гасли – это сами собой загорались пылинки, занесенные ветром за гибельную черту. Изумление и ужас внушало это мрачное место.

Пленников сняли с верблюдов и отвязали друг от друга. Их поставили на краю вогнутой равнины, оставив руки крепко связанными. Рубахи и запыленные платки, намотанные на голову, в одну минуту стали мокрыми от пота из-за дышавшего в спину жара. Подошел стражник, приставил острие своей сабли к чудородову животу. Не успел русский пленник опомниться, как лезвие легко скользнуло вдоль его тела,

оставив на нем чувство прохлады.

– Убили! – завопил Чудя, выпучив от ужаса глаза. – Ой, убили!.. Убили меня, – сообщил он уже не так громко. – Голову, кажется, отрезали.

Чудород неуверенно покрутил головой и, явно гордясь собой, сообщил:

– Меня убили, а я разговариваю. Чудеса!

– Тебя в землю закопай – ты и то болтать будешь, пусто-меля, – проворчал Добрило.

Чудород обиделся и хотел по привычке уткнуть руки в бока и тут обнаружил, что руки у него свободны: сабля всего лишь рассекла веревки и не задела ни одного волоска на самом пленнике.

Еще один стражник вынул из мешка Дуньку и дал ее Чудороду. Дунька жевала что-то вкусное – Али сыпал ей в мешок фрукты и печенье. У нее даже щечки за последние дни снова округлились.

Арабы взяли с седел длинные копья и встали полукругом напротив березовских пленников. Они жестами объяснили, что березовцы должны отправиться вглубь черной впадины. Березовцы в ответ жестами объяснили, что пусть арабы сами отправляются, куда хотят, а они прыгать в печку не намерены. Арабы стукнули копьями и нахмурились.

Али, неуверенно посмотрев на спутников, вдруг вышел вперед и показал Чудороду, чтобы тот отдал ему Дуньку.

– Ишь ты! – недружелюбно отвечал Чудород, поворачива-

ьясь для верности к старшине каравана спиной и разговаривая через плечо. – Нам наша девочка самим нужна. Я, между прочим, ей мама!.. И Добрило тоже.

– Я – бабушка! – поправил бортник, расправляя плечи и становясь рядом с товарищем.

Али терпеливым голосом принялся уговаривать Чудю: наверно, объяснял, что не годится маленькому ребенку гибнуть вместе с остальными в сердце пустыни.

– Ты меня не уговаривай, – рассердился Чудя. – Ты жену свою уговаривай: родите себе свою девочку, – а на нашу рот не разевай... Отстань, кикимор!

Березовцы повидали много разных народов за время своих странствий, но нашли только два надежных способа с ними объясняться – и Чудя употребил оба. Для начала он показал пастуху кукиш, а потом оскалил зубы и рывкнул противнику в лицо: "Ам!"

Все арабы взяли копыя наизготовку и принялись ругаться на русских пленников. Чудя в ответ скалился и показывал язык, а Веприк, удивив и своих и чужих, рухнул на колени и взмолился:

– Дяденьки! Пожалейте сироток!

Он приник к Добриле и, кажется, заплакал – было не очень понятно, потому что головой он с горя уткнулся бортнику в живот.

– Вепря, да ты что? – уговаривал Добрило, порываясь связанными руками погладить мальчика по голове. – Вставай,

парень, не годится русскому богатырю на коленях почем зря ползать!

– Я быбу бебе бебебу! – невнятно донеслось у него из живота.

– Бебе?! – не понял бортник.

– Не дергай руками, дядя Добрило, я тебе веревку грызу! – яростно прошептал Веприк.

Али в это время сделал попытку забрать Дуняшку у Чуди. Чудя отворачиваясь от пастуха, толкнул его в живот сидячим местом, а Али обозвал его по-арабски. Товарищи Али пошли на русских пленников.

– Ай! – айкнул Добрило, потому что Веприк нечаянно укусил его за палец. Он напряг руки и остатки веревки лопнули. Он выступил вперед и один из стражников с угрожающим видом наставил на него острие копья. Бортник с готовностью ухватился за него и дернул копьё к себе. Стражник с обиженным видом, не собираясь уступать, потянул за свой конец. Другой стражник поспешил на помощь и Добриле пришлось стукнуть его копьем. Так как на нем все еще висел первый противник, получилось, что Добрило стукнул одного стражника другим. В тишине пустыни звонко сшиблись загорелые лбы. Стукнутый стражник от неожиданности уцепился за первого. Добрило неодобрительно крикнул и помахал ими в воздухе, словно боевым знаменем. Однако оба араба оказались цепкими, как ручные попугаи, поэтому третьему стражнику досталось с размаху сразу двумя товарища-

ми, а четвертому – тремя. Тут березовский богатырь вспомнил, что он не ел ничего целую неделю, не удержался на ногах, уронил всех противников и сам тоже свалился – прямо на своего толстого арабского приятеля, который, зная, что будет дальше, сам лег на песок и тяжело вздохнул.

Дунька, увидев, что дяди играют и возятся, поспешила принять участие – взобралась толстому пастуху на пузо и немножко там попрыгала.

– Дунечка, отойди! – строго велел Добрило, сидя на песке. – Здесь нельзя. Здесь дяди – бух! – падают!

С этими словами он подтянулся и треснул копьём по макушке одного из противников, настойчивее всех пытавшегося подняться. Тот повалился наземь, а другой, пробовавший встать на четвереньки, испугался и притворился, что просто хотел повернуться с боку на бок. Бортник погрозил непоседе пальцем и он сделал вид, что спит и знать ничего не знает.

Однако в это время один из арабов подполз к Добриле сзади и что было сил боднул его головой в спину. Добрило охнул, а все пять его неприятелей – и Али тоже – устремились вперед и кучей навалились на березовского богатыря. Рано или поздно они, конечно, одолели бы Добрилу, несмотря на Веприка, который прыгнул сверху и кусался, как волчонок, отважно получая со всех сторон подзатыльники, – но неожиданное обстоятельство повернуло события совсем в другую сторону. Чудород, подобрав чье-то копьё, воевал в это время среди верблюдов: лупил их по бокам и орал "Аль-байт!

Байт!"

– Дядь Чудь! – крикнул, задыхаясь, Веприк. – Ты не тех бьешь! Мы здесь!

– Байт! – рявкнул Чудород на ближнего верблюда и дал ему пинка по заднему колену. – Брысь! Ступай домой, Горбатка!

Верблюды растерянно переглянулись, но потом, похоже, решили, что, пока люди не прекратят безобразничать, верблюжье дело – сторона. Они пожалы плечами и, убыстряя шаг, отправились домой. Пока пастухи, усевшись впятером на Добриле, смеялись от радости, верблюды пересекли ближнюю цепь песчаных бугров и скрылись из виду. Али бегом бросился вдогонку: остаться пешими посреди Сахары – без воды и без навеса – означало для путешественников верную погибель. Стражники один за другим устремились за ним. Последний еще немного посмеялся – пока не обнаружил, что остался в одиночестве сидеть на сердитом бортнике. Он неуверенно хихикнул еще раз, виновато развел руками и убежал.

– Ха! – крикнул им вслед растрепанный, торжествующий Чудя. – Топайте-топайте! А не то мы вам... ух! А вернетесь, мы тогда...

– По шее опять получим! – мрачно закончил юный березовец, потирая затылок.

– Вот сейчас они верблюдов поймают и вернутся, – задумчиво глядя в небо, напомнил лежащий на песке бортник. –

Вот тогда мы и получим... Ой! Ой! Ой! Ду-неч-ка! Не-пры-гай-по-де-де-Доб-риле! У-де-ды-сей-час-пу-зо-лоп-нет!..

– У бабы Добрилы, – ехидно поправил Чудород. – Ты ж ей бабушка.

– Да хоть прабабой обзовите! Только сни-ми-те-э-ту-поп!-поп!–поп!-ры-гу-шку с меня! Ой!

– Ам! – заявила Дунька, вставая на четвереньки у бортика на животе и ласково заглядывая ему в лицо: она прожевала запасы за щекой и была уже не прочь снова подкрепиться.

Глава 38. Чудо Даждьбога

Веприк волшебным образом преобразился (но если это и было чудо какого-то бога, никто из них не признался). От уныния не осталось и следа. Синие глаза на исхудавшем лице засветились такой надеждой, что за ними можно было идти в темноте. В нем снова ожила былая уверенность, что, раз уж они смогли забраться так далеко, – то смогут и еще дальше.

– Нам туда! – напомнил он, нетерпеливо тыча пальцем в черную впадину. – "...за дикими пустынными степями, за снежными высокими горами, за морем, что раскинулось, как небо, в ужасной пустыне в черных песках" ... Помните?

– Ни-ни, – замотал головой Чудя. – Я туда не полезу, это ж печка самая настоящая. Давайте вокруг лучше пойдем – может там где-нибудь другие черные пески найдутся, похолоднее. Добря, вставай! Чего лежишь?

– Сил набираюсь, – прогудел богатырь, устраиваясь поудобнее. – Скоро арабы наши вернутся, будут меня бить... А я – их, – добавил он мечтательно.

– Туда! – скомандовал Веприк, пытаясь наступить в черную яму.

– Стой ты! – крикнул Чудя, отгалкивая мальчика.

Он дернул лоскуток на разодранном рукаве рубахи, но рукав оторвался целиком. Чудород крякнул и бросил его за обгорелую границу. Горячие потоки воздуха тут же подхвати-

ли тряпочку, не давая ей сразу опуститься на землю. Медленно падая, она пошла темными пятнами: начала тлеть в воздухе, – и вдруг, едва коснувшись поверхности, вспыхнула огнем и сгорела.

– Должен же быть какой-нибудь способ! – упорствовал Веприк, тряся детскими остренькими кулачками.

– Бежать отсюда надо! – ныл Чудя.

– Давайте-ка потише, спать мешаете, – сказал Добрило.

– Туда! – показывал в черное пекло мальчик.

– Туда! – не соглашался Чудород, собираясь бежать то вправо, то влево.

– Хр-р-р! – засопел бортник.

В разгар спора Чудород поднял глаза к небу – да так и остался стоять и глупо улыбаться.

– Так и знал, что с вами я рано или поздно с ума сойду, – заявил он и улыбку еще шире и глупее. – Я сейчас видел, как мне солнце подмигнуло!

Веприк уставился вверх и даже невозмутимый Добрило заинтересовался. У солнца и вправду – каждый мог это видеть – было два голубых приветливых глаза, которыми оно моргало и, прищурясь, разглядывало русских путешественников.

– Здравствуйте, дети мои! – заговорило Солнце басом и, подумав, уточнило: – Все вы – мои дети! Я отсюда всех вижу! И все знаю.

Сказав так, светило замолчало и принялось с любовью

озирать березовцев.

– Славься, Дажьбоже! – восторженно закричали березовцы в ответ и подождали, чтобы Солнце еще что-нибудь сказало. Но оно, как видно, никуда не торопилось.

– А стражников наших ты оттуда, сверху, не видишь? – решился наконец спросить Веприк. – Поймали они верблюдов или нет?

– А то нам интересно, скоро ли мы снова по шее получим, – подсказал Чудород.

– Пока не поймали, – добродушно сообщило светило и снова задумалось. Березовцы, надеясь на скорое спасение, топтались на месте и переглядывались.

– Ах, какая славная девочка! – вдруг умилился Дажьбог. – Ах ты, маленькая! Люблю детей. На тебе ягодку.

Рядом с Дуняшкой из песка быстро вылезла плеточка земляники, на которой тут же созрела ягода. Дуняшка ее слопала и принялась копать пальчиком в песке – искать еще, но сколько ни старалась, ничего больше не нашла. Она обиженно засопела, но ягодки больше не появлялись. Дунька топнула ножкой и заревела во весь голос.

– Ах, ах, плачет девочка, – пожалел ее солнечный бог. – Животик, наверно, болит. Или коленочку ушибла. Надо знаете что сделать? Кисельку ей сварить – от живота очень помогает. Или от коленки – сейчас точно не скажу, у меня столько детей, что я давно все перепутал. А еще хорошо ниточку к зубику привязать и дернуть... полезно очень... толь-

ко причем тут коленка, разрази меня Перун, не помню...

– Пока он вспомнит, от нас рожки да ножки останутся, – пробормотал Чудя.

– А бывает еще – детки простужаются... ах, ах, бедненькие, маленькие. Тогда нужно... что же нужно? Ах, да – срочно их в угол ставить. Или уши надрать – если сильная простуда. Очень организм укрепляет... И чего это ваша девочка все плачет? Плаксивая какая.

– Скажи, Дажьбоже, а арабы тебе тоже дети или только мы? – крикнул Чудя.

– Чего мне пора бы? – крикнул в ответ бог.

– Арабы! А-ра-бы! – хором закричали березовцы.

– Мне отсюда слышно плохо – у вас девочка плачет... За-молчишь ты когда-нибудь, противная девчонка?! – возмутился Дажьбог и пригрозил: – Я вот тебе сейчас,.. – он нахмурился, вычисляя, какой бякой можно наказать годовалую малышку, – ...бантик повяжу! – угрожающе закончил бог.

– Арабы тоже тебе дети? Или нет? – уточнил Чудя еще раз.

– Арабы мне не молятся. Но все равно – я всех грею своим теплом и всем свечу своим светом. Все мне дети – от малой букашки до динозавра. Что-то давненько я их не видел, динозавров... Глаз да глаз с этими детьми!

– Значит, ты не согласишься сжечь наших стражников? Или песком их засыпать? – огорчился Чудород.

– А может, их в угол поставить – месяца на два? – предложил Добрило.

– Ай-яй-яй! Какие вы злые, дети мои. Не стыдно?

– Так арабы ведь убить нас хотят! Вот в этот котел засунуть.

– А и правда! Я ж все знаю! – спохватился бог. – Я и пришел помочь. Так... Что там Ладуля говорила? В гости к Горыне, значит, идете?

– Да! Да! – закричали березовцы.

– Тогда вам туда! – сообщило солнце, кивая в середину черной котловины.

– Боже, ты помочь пришел нам или арабам? – уточнил Чудя, поглядев в указанную сторону.

Солнце полыхнуло ярким желтым светом, окатив всех волной ласкового тепла, что было бы очень приятно, если бы березовские путешественники уже не взмокли от жары и усталости.

– Слушайте меня внимательно, дети, – велело светило. – Перед вами – самое жаркое место на земле. Оно такое горячее, что земля тут потеет каменным потом, как в бане. Я могу умерить жару, но, чтобы окрестность остыла, потребуется пара дней, так что потерпите, раньше вам идти туда нельзя... А я вам пока тенечек сделаю, отдыхайте, милые.

Не дожидаясь, пока солнечный бог закончит свою речь, песок возле чудиной левой ноги зашевелился и из него начала вытаскиваться зеленая змея толщиной в человеческую руку. Чудя заорал от страха и очень ловко запрыгнул к бортику на спину, но змея оказалась молодым ростком, кото-

рый распрямился, одеревенел, в одну минуту оброс сверху листьями и превратился в дерево. Пока мужики, открыв рты, дивились на чудо, они оказались со всех сторон окруженными такими же стремительными ростками и вот уже стояли в молодой пальмовой рощице и под ногами у них зеленела травка. Вместо палящего зноя кожа теперь ощущала прохладу и свежесть, в траве один за другим раскрывались невиданные огромные цветы, а на пышной ветке даже чистил перышки красно-зеленый попугай.

– Вы, наверно, есть и пить хотите? – вспомнил Дажьбог.

Тут же высоко над землей под пальмовыми листьями начали набухать плоды. Как раз, когда Чудя слез с Добрилы и встал в тени под пальмой, плод созрел, оторвался и шмякнулся прямехонько щуплому березовцу на макушку. Чудя упал, а плод раскололся пополам. Был он внутри снежно-белый, а снаружи – коричневый и на удивление мохнатый, словно собака.

– Вот вам кокосовый орех, – пояснило доброе солнце. – Внутри – сок, как в горшке.

– Как же его есть, пакость такую лохматую? – с сомнением поинтересовался Добрило. – Он не на орех, он на крысу похож.

– Ай-ай, кто это у нас капризничает? – строго произнесло солнце. – Ну, не хочешь кокос – на тебе ананас. Вам как раз витамины нужны.

Сбоку от бортника немедленно образовался зеленый куст,

который выстрелил вверх здоровенной почкой, выросшей и созревшей на глазах.

– Что ж мне теперь шишку эту сосновую глотать? – уперся Добрило. – И не нужны нам эти... как их...

– Вмятины, – подсказал Веприк.

– Вмятина у меня уже есть, – пожаловался Чудород, трогая ушибленную макушку. – Больше нам не надо.

– Боже, нам бы яблочко, – попросил бортник. – Или репку.

– Это ты хорошо придумал, – рассердился Дажьбог. – Яблоки с пальмы собирать! Вот вам всяких угощений, выбирайте, что понравится. Не объестьтесь только.

Маленький оазис наполнился шелестом и треском, везде росли кусты и стебли, растопыривались ветки, разворачивались листья, свешивались с веток плоды, вылезала из земли ботва. Березовцы с восхищением крутили головами, обнаруживая то малину, то дыню, то виноград, то рябину, кусты лесного ореха, грядки земляники и репки, бананы, персики, ежевику, свеклу, финики, апельсины, помидоры, клюкву, сахарный тростник, а под одной пальмой даже вырос белый гриб. Русским путешественникам на радость в середине зеленой поляны поднялась стройная яблонька, оделась листвою и нарядилась в бело-розовые цветочки, которые, не задержавшись и пять минут, осыпались, как душистый снег, оставив зеленые почки. Почки выросли и превратились в спелые яблоки – да такие золотые и румяные, что глаз не оторвать.

– Слава тебе, светлый Дажьбоже, отец наш и кормилец! – вскричали березовские путешественники, утирая с подбородков малиновый и желтый сок.

– А гуся жареного не будет? – на всякий случай поинтересовался Добрило.

– А как я тебе гуся выращу – на кусте что ли? Ешьте, что дают и не капризничайте! И попугая, смотрите, не обижайте. А то знаю я вас, мальчишек: чуть отвернешься, уже рогаток наделают...

Добрило и Дунька, счастливые, трещали ветками в малинике, словно медведица с медвежонком. Любопытный Веприк перепробовал все заморские фрукты, развешанные вокруг в изобилии, и в конце концов откусил от пахучего желтого кислого лимона, так что рот у него скривило и он долго не мог говорить. Чудя лопал персики и бананы, не дожидаясь, пока созреют, и потом весь вечер маялся животом. За всеми этими интересными занятиями березовцы совсем забыли про своих стражников.

Между тем Али с товарищами возвращались в самом решительном настроении. Они надвигались верхом, выставив вперед копыта, но, когда увидели молодую рощу, за один час выросшую на пустом месте, копыта все побросали, а некоторые даже упали с верблюдов от удивления.

"Никогда не доверяй джиннам, – с грустью подумал молодой Али. – Я переживал, губить их не хотел... только отвернулся – а они сразу колдовать."

Завидев приближающихся неприятелей, березовцы приготовились сражаться: бортник расправил широкие плечи и гостеприимно улыбнулся, а Чудород ухватил в руку большой ананас.

– Эй, аль-арабы! – крикнул он, взвешивая на ладони увесистый шишковатый плод. – Кому вмятины нужны? Подходи по одному!.. э-э... к Добриле.

Чудя, подбоченясь, подкинул ананас, но не рассчитал и вплепил сам себе ананасом прямо в глаз.

– Ну вот, видали, какая шишка боевитая, – перекосившись, пискнул он. – Страшно?

– Дядя Чудя, дай я лучше съем, вкусные очень эти шишки, – сказал Веприк, не в силах оторваться от обеда.

К их удивлению стражники переглянулись и, встав на колени, начали о чем-то взволнованно просить, показывая в сторону дома.

– Я чего-то не понял, – молвил Чудород, опуская ананас. – Они теперь зовут нас обратно ехать?!

– Нет! – догадался Веприк. – Они просят нашего разрешения вернуться домой! Я же говорил, они нас за каких-то колдунов принимают... Поезжайте! Нас не ждите, нам туда надо! Мы пойдем туда! А вы идите туда!

Веприк махал руками и пастухи поняли, что джинны на них не сердятся, в деревню к ним больше не придут и вредить людям не станут, а отправятся в черное сердце горящих песков, где джиннам самое место. Пастухи поклонились

несколько раз, пожелали джиннам мира, простора, долгих лет жизни и удачи в джиннских делах, залезли на верблюдов и отправились восвояси. Молодой Али на прощание вежливо приложил руку сначала к голове, а потом – к сердцу, как это принято у арабов. Он уехал грустный: козопас привык к маленькой русской девочке и считал уже ее своей дочкой, – но, вернувшись из сердца пустыни, Али прославился и скоро женился – причем по арабскому обычаю завел себе целых три жены. Каждая родила ему по двенадцать детишек, а вместе получилось... сколько же вместе получилось? Али и сам иногда не знал, потому что у него от такого количества ребятни голова пошла кругом и он, случалось, вместо того, чтобы вытереть малютке сопливый нос, повязывал ему бантик.

Глава 39. В гости к змею

Ночевали березовцы хорошо, только наутро не могли понять, где они очутились: так изменилась местность вокруг. По всей черной долине лезли из земли волшебные всходы. Почти все они тут же засыхали от жары, но самые упрямые выросли на глазах и превращались в растения, – по большей части колючие и не очень красивые: кактусы, лишайники, полынь, верблюжьи колючки и прочую неприхотливую травку. Весь день путешественники наблюдали, как чудесная растительность становилась все роскошнее и смелее: один побег умирал, но вместо него рождались три новых. Рядом с африканским баобабом распускалась русская елочка, а росток канадского клена оказывался оплетен пальмовой лианой из Южной Америки.

Новое утро было встречено шелестом молодого тропического леса, поднявшегося прямо посреди сухих песков Сахары, в том самом месте, где была позавчера мертвая черная рытвина. Березовцы только руками развели.

А пока они разводили руками, в небе объявился неожиданный гость: изумленный Змей Горыныч, облетал свои владения, не в силах понять, что происходит. Он метался из стороны в сторону, с отвращением разглядывая с воздуха деревья и кусты и не веря собственным глазам. По привычке Змей сыпал искрами, но все они гасли в сочной зелени. Не

долетев немного до березовского оазиса, крылатый гад повернул и начал быстро удаляться, скрываясь за листвой березок и эвкалиптов.

Веприк вскочил с места и завопил ему вслед, но змей не слышал. Мальчик со злостью швырнул в воздух огрызок от яблока, который до Горыныча, конечно, не долетел, зато угодил прямо Чуде в лоб.

– Подумаешь, – сказал Чудя. – Я уже привык. Мне, если в какой день по голове не треснут, так я даже скучать начинаю.

Он с сочувствием поглядел на мальчика. Веприк рухнул на землю и обхватил голову руками. Злость, нетерпение и надежда так и бурлили в нем – словно за Горынычем, как за спелым бананом, оставалось только руку протянуть. Веприк снова вскочил на ноги.

– Идемте! – позвал он спутников, дергая Добрилу за рукав и указывая в глубину нового леса. – Сейчас идем!

Чудород нерешительно почесал в затылке, но Добрило, подняв Дуняшку к себе на плечи, укоризненно поднял брови на трусливого товарища и кивнул в цветущую чащу.

– Да мне-то что, – засуетился Чудород. – Ноги-то есть – чего ж не пойти? Интересно даже: будем первыми пешеходами, которые заблудились в лесу посреди пустыни...

Не успели путешественники, наступив с песчаной поверхности на зеленое дно, сделать трех шагов, как впереди замаячил светлый лучик – тетерина голубка перелетала с ветки на ветку и манила за собой.

– Слава тебе, Ладушка. И тебе, птичка, спасибо, – сказали обрадованные березовцы и побежали за Веприком, который уже исчезал в зарослях на опушке. Волшебный лес кудрявился вокруг, дышал прохладой, стлал под ноги мох и цветы, обмахивал путников пышными ветвями, предлагал лакомые плоды, но березовским землепроходцам было не до красот и приветов – так торопились они за юным охотником, за которым и голубка еле успевала. С большим трудом мужики поймали его и остановили для ночлега, но он вскочил ни свет ни заря и еще быстрее припустился вперед.

Некоторые деревья в чудесном лесу выросли уже в настоящих великанов.

"Ох, какие большие деревья! – думал на бегу Веприк. – Подрубить бы и свалить на спину змею. Или смолы натопить, пусть крыльями вляпается... А вот тут яму вырыть в овражке..."

Мыслей у него было так много, что он и не заметил, как вылетел на зеленый луг, окружавший логово поганого змея.

– Батюшки мои! – сказал у него за спиной бортник в великом удивлении.

– И мои тоже, – согласился Чудя. – И матушки заодно.

Логово оказалось сказочным дворцом, выстроенным из прозрачного горного хрусталя. Словно в воздухе висели стройные башенки, кружевные беседки, невесомые лестницы, мостики и балконы. Казалось, вспенилась на лугу морская волна и заиграла разноцветными огнями – так, что от

башни к башне перекинулись радуги. Солнце просвечивало дворец насквозь и внутри у него тоже горели какие-то искры, как самоцветы в драгоценном ларце. Легкие стены словно тихо звенели, когда лучи света касались их.

Долго ли любовались березовцы хрустальной красотой – они и сами не знали. На такое чудо и недели было не жалко. Наконец Чудород поморгал глазами и потрогал Веприка за рубашку.

– Что делать-то будем, Вепря? – спросил он.

– Не знаю, – тихо ответил маленький охотник, в растерянности глядя на старших товарищей.

Все умные мысли у него в голове перепутались, а он так и не решил, пристукнуть ли ему змея сосной или отравить мухоморами, в изобилии прораставшими теперь посреди Сахары. Он готовился войти в змеиную нору мерзкого вида, а получалось, что перед сверкающим теремом мерзкий вид имели только запыленные, полураздетые березовцы с грязными арабскими платками на нечесанных головах. Не говоря уже о чудородовом оторванном рукаве.

– А точно змей тут живет? – засомневался Чудя. – Уж больно хороша изба.

– Нет, здесь Василиса Прекрасная живет, – съехидничал бортник. – А змей дальше по деревне, третий дом слева... Ну кто еще посреди песков мертвых поселиться может кроме чудища летучего ненасытного?... Так что нам с чудищем-то делать: поторгуемся с ним или сразу бить станем?

Из глаз мальчика готовы были пролиться слезы.
Я не знаю, – повторил он с отчаянием.

Глава 40. Ладушкино чудо

– Ну, значит пришла пора и мне чудо являть! – раздался позади знакомый ласковый голос.

И вот она, золотоволосая красавица, стоит, улыбается. На пресветлой Ладе, следуя греко-византийской моде, было надето простое платье до пола без бус и вышивки, только гладкая алая материя играла огнем и обвивала ладин стройный и гордый стан. Даже изящные белые ножки были разуты. Незаплетенные волосы струились, падали по спине пшеничным потоком.

– Вот и молодцы, что на колени не падаете! – весело заявила богиня любви, потому что мужики все разинули рты и застыли столбами при виде ее неземной красоты. Однако, было заметно, что такое любование было ей милее колено-преклонений.

– Эй! Бестолково село! – позвала Лада, когда ей надоело молча красоваться. – Не пора ли вам рты закрыть, а то как бы ворона не залетела?

Березовцы послушно закрыли рты, но в следующую секунду снова их разинули и радостно закричали:

– Лада! Лада!

– Она самая! – согласилась, улыбаясь, богиня. – Показалось мне, что нужна вам моя помощь – вот и пришла.

– Да как же ты нам поможешь? Мы войной на чудище по-

ганое собираемся, это дело не женское, – сказали мужики. – Разве ты можешь дунуть, как удалой Стрибог, чтобы Змей полетел вверх тормашками?

– Дунуть? – с насмешкой переспросила красавица. – Вот еще! Может, мне в него еще и плюнуть?!

– А молнией по макушке долбануть, как могучий Перун, ты не можешь? – спросили на всякий случай мужики. – Или сжечь небесным светом, как солнечный Дажьбог? А звериный Велес голыми руками змея задушил бы...

– И что это вы мне все какие-то безобразия предлагаете?! – возмутилась Лада. – Хороша была бы богиня любви: кому – по макушке долбануть, кого – голыми руками задушить!

– Так как же ты хочешь со змеем справиться? – удивились мужики.

– Поговорю с ним, – обронила Лада через плечо, а сама уже направлялась по зеленому лугу к логовищу.

– Стой! Не ходи, светлая, съест он тебя! – закричали березовцы.

– Я с тобой! – крикнул Веприк, догоняя красавицу.

– А на что ты мне нужен? – насмешливо поинтересовалась она. – Разве ты меня защитить сможешь?

– А вот, когда чудище есть тебя станет, я скажу: ешь лучше меня! – упрямо проговорил маленький охотник и насупился.

– Это ты что же думаешь, что ты, козьявка, вкуснее меня, пресветлой Ладушки?! – возмутилась богиня, а у самой ве-

селе искорки закружились в синих глазах. – Ладно, защитник, пойдем со мной. Только чур уговор: змея не ругай, не обижай, душить его голыми руками не лезь, дай нам поговорить по-человечески.

Она обняла мальчика правой рукой за плечи и бесстрашно повела к хрустальному дворцу, а по их следу расцветали дорожкой васильки и незабудки. Чудесный луг приветливо звенел кузнечиками, ласковое солнышко грело траву, цветы, букашек и отважных путешественников. Казалось, не могло быть нигде места прекраснее, чем вчерашняя гиблая черная яма.

Чем ближе, тем удивительнее становился сказочный дворец. Сквозь прозрачные стены видны были светлые комнаты, наполненные диковинными и прекрасными вещами: резными столиками, словно сплетенными из листьев, разноцветными подушками, коврами, занавесками, зеркалами, драгоценными ларцами, золотыми клетками с хвостатыми птицами. Самая высокая башня хрустального замка была опоясана балконом, который снизу казался просто очень большим, а на самом деле был так велик, что три телеги могли бы проехать там в ряд. На балконе находился сам хозяин дома – от удивления при виде гостей свесивший все три головы через перила. Поудивлявшись, он спрыгнул вниз, но вместо того, чтобы приземлиться, пронесся низко над головами Лады и Веприка, оглядывая их вытаращенными глазами. Мальчику показалось, что змей опасается его спутницы.

Змей сделал в воздухе полукруг и понесся обратно. Гости остановились, без тени страха ожидая встречи.

– Ладушка! – прошипел Горыныч, садясь перед пришельцами. – Будь здорова, красавица.

– Здравствуй, Горыня. Давно мы с тобой не виделись, – спокойно ответила Лада.

– Да, давненько... А это еще кто такой?!

– Что ж ты не помнишь, как в гости звал?! – срывающимся от волнения голосом выкрикнул мальчик. – Вот я и пришел! Отдавай мою маманюшку!

– Так это же богатырь из лесной деревеньки! – вспомнил Горыныч. – Кто бы мог подумать! Явился – не запылится!

Он в изумлении закрутил головами и захохотал. Веприк показал ему кулак, а нахальный гад в ответ – три толстых раздвоенных языка.

– Люди сказывают, ты разбойником стал? Крадешь матерей и милых жен? – строго сказала Лада.

– Люди! – с презрением повторил Змей. – Кто их слушает, глупых, мелких? Что они могут понимать?!

– Разбой есть разбой, Горыня, его нельзя допускать, – серьезно сказала богиня.

– Уж не ты ли мне помешаешь?! – загрохотал Змей, вздымая над Ладушкой свои страшные пасти. Из них несло горячее злобное дыхание.

Вслед за этим из всех шести горынычевых глаз полились слезы и пасти, перестав скалиться, захлопнулись и униженно

пригнулись.

– Не надо, Ладушка, – тихо попросило чудище, сморкаясь носами и всхлипывая.

– Я внушила ему щемящую любовь, – пояснила Лада для Веприка. – Не хотела я тебя мучить, Горынюшка, прости, – она махнула рукой и наваждение рассеялось.

– Устал я, – пожаловался Змей, шлепнув на землю уродливую среднюю голову.

– Тетя Лада, что это с ним? – зашептал Веприк, теребя спутницу за платье.

– Любовь он ищет, – тоже шепотом ответила Лада. – Хочет настоящую любовь отыскать, да, видишь, не везет ему никак.

– А он себя хотя бы в воде болотной когда-нибудь видел? – опешил юный березовец. – Он знает, что он – змея поганая, а не человек? Кто ж его с тремя-то головами да с чешуей на брюхе полюбит?!

– Да! – нервно взвизгнул Змей Горыныч, подслушав разговор. – И с тремя головами и с брюхом! И с сердцем моим отважным! И с музыкальным образованием, между прочим! И со знанием греческой поэзии и арабской математики! И с моей начитанностью в разных областях мировой науки! И с навыками врачевания и оказания первой помощи! И еще петь на три голоса умею! Да, я мечтаю найти ту единственную, которая полюбит меня не за могучее тело, а за нежную душу! Чтобы понимала меня-я-я... Гы-ы-ы!..

Все три головы в тоске шлепнулись на землю и ненасыт-

ное чудище разревелось самым чистосердечным образом. – Ладушка, что мне делать, помоги! – всхлипывал Горыныч.

У прекрасной богини у самой в зеленых глазах стояли слезы. Она положила ласковую руку на один из змеевых лбов и с сочувствием проговорила:

– Горынюшка, да ведь ищешь ты родную душу, а выбираешь за красивые глаза да за кудрявые волосы!

– Нет! Они хорошие! – начал заступаться за своих пленниц Змей Горыныч. – Есть и добрые, и песни поют, и читать умеют, и крестиком вышивают... Вот только меня никто не лю-ю-юбит,.. – он снова захныкал. – Украл недавно одну – такая умница. На арфе мне играла, стихи наизусть рассказывала по-французски. Я думал уже – вот она, моя единственная... А оказалось: не она, а он! Сидит теперь день-деньской в библиотеке, мои книжки читает! – с обидой крикнул змей и с удовольствием наябедничал, кивая на Веприка: – Из их деревни, между прочим! Не деревня, а сплошной кошмар. Унес оттуда тетку, думал, будет подружка Смеянушке – и тетка тоже мужиком оказалась! Да каким вредным! Я бороду уже потом разглядел.

– Это наш староста, Пелгусий, – сказал мальчик.

– Ах, я бедный-несчастный, – продолжал ныть Горыныч. – ...голодный! – поразмыслив, добавил он.

– Конечно, – согласилась Ладушка. – Ты столько несчастья вокруг себя натворил, что самому давно уже пора несчастным стать.

Она повела правой рукой и из травы в этом месте поднялся нежный росток с голубым бутонем. Богиня повела левой рукой и из-под нее поднялся другой, такой же росток. Лада некоторое время наблюдала, как удивительные цветы растут, раскрывают шире свои небесные чашечки и радуются теплоте свету, а потом вдруг сорвала один из них и протянула Горынычу. Змей залюбовался подарком, но тот завял у него на глазах: стебелек поник и безжизненно свесился, лепестки почернели. Между тем второе растение цвело все роскошнее.

– Посмотри, что твоя любовь делает, – тихо сказала Лада, выпуская из руки засохший цветок, минуту назад еще бывший таким живым и прекрасным.

– Пусть одна меня полюбит, я тогда всех отпущу! Честное слово! – ответил змей.

Богиня рассмеялась, но не по-доброму звучал этот смех, не распустились от него нигде ни цветы, ни ягоды.

– Ты крадешь самых красивых человеческих дочерей, вырываешь их из земли, лишаешь родного света и тепла – и ждешь, когда тебя полюбят?! Насильно мил не будешь, Горыня!

Несчастный вид змея даже Веприку внушал сочувствие.

– Горыня-Горыня! – продолжала Лада, укоризненно качая головой. – Ты прав: в душе таятся несметные сокровища, только их искать надо, заслужить, чтобы открылись они тебе – а не хватать жадными лапами! Посмотри на себя Горыня:

как сверху ты чудище поганое, таким ты и внутри стал!

– Это неправда! – рявкнул Змей.

– Правда! – крикнул мальчик, шагнув вперед. – Злодей ты! Бедоносец!

– Разбой творить перестань, – велела Лада. – От людей не прячься. Раскрой свое сердце навстречу людям! Покажи, чем ты богат – тогда и клады заветные, сокровища душевные повсюду обнаружишь, – богиня обращалась уже не к одному виноватому чудовищу. Веприку тоже полезно было послушать все ее слова. И не только Веприку, – и мне, и всем, и тебе тоже.

Богиня шевельнула пальчиком, но волшебство на этот раз у нее не получилось – так показалось маленькому русу. Все-го-то выросла у ног неприглядная травка с серой метелочкой, вроде тимофеевки. И тут от ладушкиной стройной фигуры заструился понемногу золотистый свет. Сияние делалось все ярче – и вот уже Лада вся горит и сверкает и даже алое платье богини стало золотым.

"Да ведь этот дивный свет – он и есть любовь!" – с восторгом понял мальчик, когда Лада повернула к нему свое ласковое лицо.

А неприглядная травка, согретая волшебным огнем, начала виться, расти и цвести. Длинные золотистые лепестки сплелись в прекрасный, отсвечивающий изнутри розовой зарей, венчик такого несравненного изящества, что померк даже пышный небесный цветок.

Окруженный волшебными лучами, Веприк ощутил, как прекрасен и добр весь мир вокруг него, и даже Змей вздыхал, опустив головы. Средняя из них любовалась золотистым цветком, правая – преданно глядела на Ладу, а левая – ози-рала с большим дружелюбием маленького охотника.

– Ты храбрый мальчик, – наконец признался Змей Горыныч. – И очень надоедливый, – справедливости ради добавил он себе под нос. – Забирай свою маму да вези ее домой!

Змей обернулся и, повинувшись хозяйскому взгляду, в хрустальной стене растворились вдруг невидимые ворота. Боясь, как бы они не закрылись, Веприк бросился бежать во дворец. Он стремглав миновал стеклянные комнаты и коридоры и неожиданно оказался в зеленом саду, занимавшем всю среднюю часть дворца.

В саду, словно диковинные птицы, гуляли повсюду несказанные красавицы из разных земель – в богатых одеждах и браслетах, но невеселые. Мальчик заметался по цветным дорожкам, обнаруживая, как велик сад.

– Мама! – крикнул в отчаянии он и сто прекрасных женщин вздрогнули и прижали руки к сердцу, гадая, не их ли зовет родной голос. И вдруг совсем рядом, в кружевной беседке из висячих зеленых ветвей, мальчик увидел Смеяну. Она, не понимая еще, что происходит, говорила подруге:

– ... наверно, на санках сейчас катаются. Только бы Тетеря не забывал их у печки сушить. У вас во Франции печки есть?

– Маманя! Родненькая! – завопил Веприк.

Смеяна вскочила с места.

– Сыночек! – только смогла проговорить она и залилась слезами.

– Не плачь, мама!.. – воскликнул мальчик, но больше не успел сказать ничего, потому что сам расплакался, кидаясь в материнские объятия.

– Вепрюшка! – плакала Смеяна, осыпая сына поцелуями. – А батянька твой где? А Дуняшка?

– С батянькой все хорошо, – успокоил маму юный охотник, вытирая рукавом опухший от слез нос. – Он в подвале у князя сидит.

Тут же нашлась и Дуняшка: остальные участники отважного отряда входили в сад – и пресветлая Лада, и Горыныч тоже с ними.

– Мама! – уверенно и радостно сказала Дунька, увидев мать.

Такого счастья Смеяна не вынесла, она пошатнулась и упала в обморок.

Дунька побежала к маме, но ее внимание отвлекла огромная желтая груша, свисавшая над ступеньками. Дунька присела около лежащей на дорожке Смеяны и, протягивая спелый плод, посоветовала:

– Ам! Кусна! Мама, ам!

– Не охотница, – проворчал Веприк, косясь на сестренку. – Очень уж болтлива!

Убедившись, что мама грушу не хочет, Дуняшка уселась

поудобнее и съела ее сама.

Глава 41. Конец змеиного плена

Жители волшебного замка не успели перевести дух после волнующих событий, а ответ змею был уже приготовлен – из ближних кустов вылезла сутулая бородатая фигура в арабском халате, подвязанном веревочкой, и с торжеством заявила:

– Ага, гадючья твоя душа! Попался! Я тебя, огнеплюя хвостатого, предупреждал: приедут наши мужики и спасут меня! А тебе надают по трем шеям, чтобы больше не безобразничал. Так тебе и надо, трехголовая твоя рожа!..

– Трехрожая твоя голова, – поправил Чудород.

– Не мешай, Чудя, – раздраженно отмахнулся староста Пелгусий. – Не перебивай старших... О чем я говорил?.. Так вот! Вот они какие, наши мужики березовые!.. то есть березовские! В огне не горят и в воде не тонут! Богов уважают! Добрались до твоего поганого царства!.. И какая-то баба незнакомая вместе с ними, – добавил Пелгусий, подозрительно глянув на Ладу. – Наверно, они ее тоже спасли где-нибудь по дороге... Эй, ребята, а вы нас точно спасать пришли, а не сами в плен попали? – шепотом уточнил он у односельчан.

Выглядел староста настоящим попугаем: вышитые туфли с загнутыми носками, маленькая ярко-зеленая шапочка из пальмовых листьев, широкий халат в яркую полоску и голый

живот, вылезавший из халата по случаю теплой погоды. Бороду свою Пелгусий тщательно расчесал и, чувствовалось, побрызгал каким-то ароматным отваром.

– А ты как думал?! – кричал Пелгусий. – Унес из деревни старосту – не бортника какого-нибудь! не охотника! не бабу глупую! – а старосту! Главнейшего человека! – старик погрозил Горынычу пальцем. – ...и думаешь, так его тебе и отдали! Не-е-ет, наши мужики старосту своего кому попало не отдают!.. И дедушке Пелгусию рожи не делают! – строго добавил он, потому что Дунька пролезла вперед и передразнивала его, старательно перекашивая щекастое личико. – Так. А что же вы, мужики, его не связали? – продолжал старик с укоризной. – Сбежит ведь, злодей!

– Уважаемые дамы, я хочу сделать объявление! – Горыныч попытался заглушить вредного старика своим троекратным шипением.

– Да, уважаемые дамы! Я тоже хочу сделать объявление! – бойко подхватил березовский староста. – Змей Горыныч похож на червяка! Все слышали? У, чудище поганое, ненасытное, мерзопакостное, косолапое, кривохвостое,...

– Девушки, милые, я вас всех отпускаю на свободу, – сказал змей. – Простите меня за то, что вас украл... Обещаю, больше этого не повторится.

Переполох, поднявшийся в хрустальном дворце вслед за горынычевыми словами, невозможно описать: половина красавиц от радости заплакала, а половина – засмеялась. Столь-

ко счастливых слез было в тот день пролито, что от них вокруг замка образовалось соленое озеро, в котором Горыныч потом ловил и треску, и морских окуньков, и даже атлантическую селедку – рыбу костлявую, но очень полезную для здоровья.

А березовские путешественники склонились перед Ладой, богиней любви и красоты, в низком земном поклоне и сказали:

– Спасибо тебе, Лада пресветлая, любовь бесконечная, красота несказанная! Одно твое слово мир освещает, зло в добро превращает.

– Спасибо тебе, Ладушка-матушка, сестрица-красавица! – сказала счастливая Смеяна.

– Слово-то доброе я сказала, – ответила богиня, – а поверил-то Горыныч не мне, а вам! Если бы Веприк с вами сюда не добрался да не доказал бы, как люди любить умеют, никогда бы Змей за своей тоской чужого горя не увидел.

Лада пресветлая засмеялась, встала рядом со Смеяной и так они стояли вдвоем, словно две сестры: высокие, гордые, золотоволосые. Тут только Веприк заметил роскошные одежды своей матери: голубые и синие шелка, разукрашенные вышивками и драгоценными камнями по вороту, жемчуг в косах, резные браслеты.

– Маманечка! – удивился он. – Королевна ненаглядная! А как же ты во сне ко мне приходила в одной рубашечке?

– Ты сам меня во сне придумывал, сыночек, – начала объ-

яснять мать, но задумалась. – Постой-ка, – сказала она. – Хорошие ли были сны?

– Очень хорошие!

– Так значит, это Ладушка сны тебе присылала, чтобы ты не унывал! – Смеяна снова поклонилась богине.

– Тетя Лада! – воскликнул Веприк. – Как же это получается? Все боги по одному чуду обещали, а ты не одно, а много... постой... да ведь еще голубка, которая дорогу нам указывала – это ведь тоже твоя посланница...

Лада взъерошила маленькому охотнику выгоревшие золотистые волосы и спросила:

– Скажи-ка мне, а молодой козопас Али, который пожалел чужую девочку и готов был из-за нее поспорить со всей деревней – это разве не чудо?

Веприк озадаченно посмотрел на прекрасную богиню.

– А товарищ твой Чудород, когда он свою жизнь ради вашей отдавал, – не чудо ли это?

– Чудо! – шепотом подсказал Чудород, дергая Веприка. – Еще какое!

– А Мирослав Непоседа, сурожский купец, широкая душа? А Чернобород, бондарь из Киева, добрый и веселый человек, который сейчас твоему тятке через забор частушки поет? – разве можно не дивиться на таких людей?

– И Добрило наш! – добавил мальчик, берясь за бортникову крепкую руку.

– И Фудя, отважный перелетный грек! – напомнил Добри-

ло.

– И маманюшка моя! И батянька! – крикнул, волнуясь, Веприк.

– И ты сам, богатырь мой ненаглядный! – сказала Смеяна.

– Ах ты, любимый мой мальчик, маленький и глупый! – засмеялась Лада. – Да разве может любовь остановиться на одном-единственном чуде?! Ее волшебства бесконечны и неисчислимы.

Лада улыбнулась, а над садом и дворцом выгнулась небывалая радуга, озарившая полнеба.

– Волшебства, значит неисчислимые, – озабоченно бормотал Чудя. – Это хорошо. А я вот так и хожу с дырявым зубом. Нельзя ли...

Но на том месте, где стояла пресветлая богиня осталась только Смеяна, обнимавшая своих детей. А на сад и на всех, собравшихся в нем, сыпался, сияя и обещая всем счастье, удивительный дождь – красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый.

Глава 42. По домам!

Столько волнений выпало Веприку в тот радостный день, что он чуть не забыл про Фукидида – спасибо Добриле, что напомнил.

Горыныч указал на дальнюю башню. Торопясь, взбежал мальчик по узкой стеклянной лестнице и в библиотеке среди книг и ученых рукописей обнаружил Фукидида, который был очень увлечен – только он не читал, а обнимался с кем-то, кого поначалу Веприк принял за другого Фукидида – так похожи были их большие носы, черные глаза и кудрявые макушки. Потом только мальчик сообразил, что второй Фукидид ростом меньше и к тому же – не мужчина, а женщина: толстенькая, улыбчивая, глазастая, носатая, с целым водопадом темных, отливающих золотом кудряшек.

При виде мальчика Фукидид радостно вскрикнул и бросился к нему, но вернулся к подруге и начал что-то объяснять по-гречески, размахивая руками и крича во все горло. Потом он все-таки добежал до Веприка и начал его обнимать, а потом от радости запел "Ой, да то не зоренька ясная!.."

Маленький отважный березовец пересказал товарищу все, что случилось после пленения того драконом: как вернулась голубка и принесла в заснеженную Березовку берестяное письмо из Африки, как отправились друзья в путь

по зимнему лесу, как послал им лес могучих туров, которые довели их до Киева, как торговые греки показали им карту и объяснили, где искать Змея, как мохнатый Велес подарил им чудесных верблюдов, а грозный Перун защищал по дороге из Киева до Сурожа, как вольный Стрибог за три дня перенес березовский отряд через три моря, а потом их поймали кочевые арабы и отвезли в черные пески, но солнечный Дажьбог умерил земной жар и в песках выросли деревья. Грек ахал, вскакивал с места, хлопал в ладоши, иногда от волнения забывая перевести что-нибудь на греческий язык для своей жены, и тогда она больно щипала его, потому что сама слушала с большим интересом и тоже ахала, вскакивала с места и хлопала. Веприк поведал им, как светлая Лада уговорила Змея Горыныча больше не разбойничать и он по собственному желанию отпустил всех своих пленниц на волю.

Слушатели так обрадовались, что снова принялись обнимать Веприка.

Они втроем стояли в удивительном прозрачном зале, так что сквозь пол видны были разноцветные ковры в нижней комнате – словно на воздухе стоишь. За одной из хрустальных стен библиотеки, как за огромным окном, раскинулись цветущий лес и луг, и из леса неожиданно выскочил бедно одетый узкоглазый юноша верхом на тощем осле. Он подскакал к самым стенам замка и что было сил завопил:

– Ли Мэй! Ли Мэй!

Дальше было непонятно, но умный Фукидид перевел:

– Он кричит по-китайски. Зовет свою невесту Ли Мэй, которую он три года ищет по свету, а змея обещает зарезать и сварить из него суп с лапшей.

В следующую секунду сердитый жених был повержен – но не змеем, а самой Ли Мэй, которая выбежала из дворца и так проворно кинулась на шею любимому, что опрокинула его вместе с ослом. Поднявшись на ноги, счастливые влюбленные залезли вдвоем на ослика и поехали прочь от змеява логова, ни разу даже не оглянувшись. Навстречу им выходили уже со всех сторон новые пришельцы, начинали кричать и звать своих невест, жен, дочерей, сестер и внучек. А на Змея ругались последними словами.

– Жоржетта! Августа! Сулико! Любава! Брунхильда! – неслось над поляной и Жоржетта, и Августа, и Сулико и все прочие красавицы одна за другой бежали навстречу родным.

Откуда людям стало известно, где искать Горыныча, – так и осталось тайной, но тайна эта вполне понятна для тех, кто помнит, что чудеса любви бесконечны и неисчислимы.

Посреди общей радости было только два обитателя сказочного дворца, которые не смеялись и не прыгали. Веприк набрел на Змея Горыныча в укромном месте возле задней стены хрустального замка. Чудище сидело на травке и мрачно ковырялось хвостом в земле.

За его спиной в стеклянных комнатах замка один за другой зажигались лампочки и свечи, разгоняя вечернюю тьму

и заставляя дворец светиться, как волшебную сосульку.

– Что ж ты не празднуешь победу, богатырь? – сердито поинтересовалось чудовище у юного охотника.

Веприк промолчал, пряча глаза, присел рядом и тоже стал задумчиво чертить на земле. Шесть круглых глаз с любопытством уставились на мальчика.

– Ну-ка, ну-ка, – пробормотал змей, пытаясь заглянуть Веприку в глаза.

– Да ведь ты-то жив остался! – в сердцах воскликнул мальчик. – А я уж почти придумал, как тебя убить!

– Ай-яй-яй, плохо ты слушал тетю Ладу, любовь бесконечную, подругу нашу сердечную! – сказал Горыныч. – Меня тоже полюбить и простить нужно, я же от тоски, а не от злобы разбой творил... Ну, украл я пятьсот красавиц, с кем не бывает, но я же, между прочим, всех вернул!

Летучий гад обиженно отвернулся от соседа.

Эх! – признался маленький охотник. – Я же хотел твою мертвую голову князю нашему Владимиру привезти. Быть бы мне героем! Уж он тогда бы не посмел моего батянюку в подвале держать! Он ведь моего батяню в подвал запер!

– А моей живой головы ваш князь не испугается? – спросил Змей и подмигнул мальчику крайним правым глазом.

Веприк озадаченно посмотрел на Горыныча.

– Утром летим в Киев! – объявил Змей, заложил крылья за спину и решительным шагом направился во дворец отоспаться перед путешествием.

Глава 43. Домой верхом на змее

На длинном туловище Змея Горыныча всем хватило места. Впереди, верхом на средней шее, уселся бортник Добрило, за ним – Веприк, потом Дуняшка, потом – крепко ухватив обоих детей, Смеяна. За Смеяной, зажмурив от страха глаза, сидел Чудя, а за ним – староста Пелгусий. Звали еще Фукидида с женой Ифигенией, но они остались пожить в замке – почитать умные книжки и поглядеть на звезды в телескоп.

– Приходи в Киев в будущем году, найдешь меня на греческом дворе, – сказал ученый грек Веприку. – Я прочитаю тебе свою книгу. Я назову ее "Русские люди, драконы и прочие загадки природы".

Все воздухоплаватели закутались в самые теплые одежды и меха, которые только нашлись в богатом сказочном дворце. Веприк держал большой мешок с драгоценными камнями, который Змей заставил его взять в подарок.

Горыныч ударил крыльями и земля в один миг оказалась далеко внизу, а все красавицы, которые еще не разъехались по домам, замахали руками на прощание. Березовцы, перепугавшись, вцепились друг в друга и пожалели, что не пошли пешком. Один только Пелгусий ткнул пальцем в спину Чуде и скомандовал:

– Вперед!

Плеснув по воздуху огромными крыльями, Горыныч взметнул себя вместе с наездниками выше хрустального терема. Еще через секунду воздухоплаватели оказались на такой головокружительной высоте, что их взорам открылась вся зеленая впадина и стали видны даже желтые пески Сахары по ее краю.

– А-а-а-а! – завопил вдруг Веприк, так что Добрило со страху чуть не выпрыгнул со своего места. – Лечу! Красота-то какая!

– Ты держаться не забывай, а не то, того и гляди, без меня полетишь, – строго сказал Змей.

Быстро промелькнул под змеиным брюхом кудрявый тропический лес, возвращенный Дажьбогом, и потянулись песчаные барханы.

– Я вам буду рассказывать про все, что увидим, – заявил вдруг Змей Горыныч. – Чтобы вы не скучали. Сейчас мы совершаем перелет над Сахарой. Это самая большая пустыня в мире, она занимает всю северную часть великого африканского континента... Вот вы видите под собой караван верблюдов. Он идет через пески... вернее, он бежит в разные стороны... они все время так делают, когда меня видят... ну а если бы они меня не увидели, тогда за полтора месяца караван прошел бы всю пустыню Сахару и вышел бы в самой середине Африки, где живут черные люди и где золото лежит прямо у речек на берегу. А теперь они месяц своих верблюдов ловить будут.

А вот палатки местных жителей. Живут здесь арабские пастухи, которые разводят коз и верблюдов. Сейчас они все спрятались.

Ого! Смотрите-ка: а вон морской царь едет куда-то на черепахе!

Внизу действительно тащилась большая морская черепаха. Она трое суток ползла к морю, но только сунула голову в воду, как получила приказ привезти домой подводного господина, которого желала видеть супруга. Путешественники все замахали водяному руками, но он, боясь свалиться, только крепче обхватил панцирь и что-то удивленно заквакал.

– Море! – крикнули в один голос сидевшие впереди всех Добрило с Веприком.

– Правильно, перед нами Средиземное море, – согласился Горыныч. – Очень большое. Древние люди даже думали, что это океан. А русские мореходы прозвали его Великим. Это море так огромно и глубоко, что, если бы каким-то чудом оно все высохло, рекам, впадающим в него, пришлось бы нести воду десять лет, чтобы снова его наполнить... А вон аисты летят!..

Стремительный полет Змея Горыныча продолжался над синим простором. Березовцы, кутаясь в плащи, смотрели на беспокойную воду и удивлялись, как, оказывается похоже, пустыня и море: желтые волны и синие волны. По временам воздухоплаватели обгоняли перелетных птиц, спешивших на север с теплого юга. Черные маленькие стрижи, огромные

аисты с длинными шеями, хохлатые журавли, гуси, кулики, зяблики, соловьи, кукушки – все торопились домой, храбро летели через океан. Прозрачный воздух пахнул весной и березовцы тоже казались себе перелетными птицами, возвращающимися на родину, к знакомым гнездам. Они радостно приветствовали пернатых путешественников, многие из которых направлялись в русские леса.

На исходе дня впереди показался берег.

– Приближаемся к Афинам, древнему культурному и историческому центру! – сообщил Горыныч. – Афины – столица Греции. Полюбуйтесь на мраморные дворцы и храмы. Сейчас вы увидите площадь, где собираются поэты и философы, чтобы высказать умные мысли и послушать, что скажут другие. Вон они, как угорелые носятся по улице и прячутся в мусорные корзины... Скоро мы окажемся над Карпатскими горами, но вы их не увидите, потому что уже вечер и скоро будет совсем темно.

Действительно, над Карпатскими горами березовские путешественники летели глубокой ночью – только по сгустившейся черноте было понятно, что под ними находится что-то огромное, темное, с редкими пятнами снега на вершинах. Иногда в темноте скользили какие-то огоньки.

– Это колдуют знаменитые карпатские ведьмы, – объяснил Змей. – Горы, над которыми мы летим, таят в себе множество загадок и легенд...

Когда ясные звезды начали бледнеть, а на востоке пока-

зался светлый краешек солнца, даждьбожьего щита, березовцы обнаружили, что вокруг них раскинулась степь. Воздух становился холоднее и наконец из тучи посыпался на путешественников мелкий колючий снежок. Березовцы так обрадовались, словно их алмазами обсыпали. Несколько раз замечали вдали кочевников на лошадях, а потом наконец увидели на высоком плоском холме огороженную бревенчатым частоколом деревню. Чем дальше, тем чаще стали попадаться укрепленные поселения. Люди бежали от них и грозили вслед кулаками, а березовцы, развеселившись и придя в полный восторг от близости родной земли, кричали в ответ и дразнились.

– В этих местах, – рассказывал Змей, – русские поселения все время терпят набеги печенегов. Также нападают печенеги и на купеческие корабли, которые отправляются по Днепру в Сурож и Византию. Ваш князь Владимир хочет построить вдоль реки несколько укрепленных городов, тогда для врагов путь на север будет закрыт. А вот и Днепр, на нем как раз ломается лед, скоро можно будет на кораблях плавать... А там вдали – видите стены и дома? – это...

– Киев!

– Киев!

– Киев, мать городов русских! – закричали березовцы, приподнимаясь со своих мест, чтобы получше увидеть сероватую ленту реки, изгибающуюся вокруг высокого берега с далекими деревянными башенками и избушками.

Глава 44. Свободу Тетере!

В очень многих старинных русских преданиях, былинах, – поется о славном князе Владимире Красно Солнышко. Но еще больше поется о широких пирах, которые Владимир любил устраивать. Весь княжеский двор заставляли столами с угощением, выкатывали бочки меда и кваса, распахивали настежь дубовые ворота: заходи, киевский люд, всем сегодня рады.

Зиму провожать пожелал великий князь вместе с народом. Во дворе поставили разнообразное угощение, а на высоком крыльце сидел сам хозяин с важными гостями. Пировали так весело, что даже не заметили Змея Горыныча, совершавшего над городом большой круг и примерявшегося, куда бы приземлиться.

По одну руку от Красна Солнышка находился греческий купец Креонт, а по другую – жевал вареную курицу Тетеря, березовский охотник.

– Послушай меня, великий князь, – шепотом говорил Креонт. – У меня к тебе секретное дело по торговой части. Может получиться большая выгода...

– Что? – переспрашивал Владимир, в шуме праздника ничего не слыша.

– Секретное дело! – повысил голос грек.

– Курица жесткая, варить надо было лучше, – ворчал Те-

теря.

– Что ты говоришь? – еще громче переспросил торгового грека Владимир, заглушая сипенье скоморошских дудок, дувших гостям прямо в уши.

– Секретное дело! – заорал Креонт. – Редкий товар!

Все участники пира с интересом повернулись к высокому крыльцу.

– И что за товар? – поинтересовался великий князь, отпихивая скомороха с дудкой.

– Шкурки ежеиков, – таинственно заговорил, наклоняясь к нему, грек. – Дивный мех, русское чудо! Предлагаю хорошую цену, только ты больше никому их не продавай – ни армянам, ни французам, – только нам, грекам.

– А что, на ежеиках теперь мех растет? – хмуро спросил Красно Солнышко Тетерю.

– Да я у тебя уже столько сижу, что на них и поганки могли вырасти, – недружелюбно отвечал охотник.

Владимир вздохнул, соображая, как ему отвязаться от пристающего греческого купца.

– Значит так, – решил он. – Шкурки с ежеиков обдирать запрещаю! Они от этого,.. – Владимир задумался.

– Болеют, – подсказал Тетеря.

– Болеют! – подтвердил Владимир. – Разрешаю их брить! Весь мех, какой получится, пусть греки себе забирают, нам не жалко... Так где, ты говоришь горы золотые спрятаны? – как бы невзначай спросил он, снова поворачиваясь к Тетере.

– На бороде, – невозмутимо отвечал березовец, объедая куриную ножку.

– А с ежиками что нам делать? – поинтересовался Креонт.

– А? С какими ежиками? – Красно Солнышко был недоволен, что его отвлекают.

– С бритыми, с какими же еще.

– Рубашечки им шейте, а то у них пузо замерзнет, – посоветовал Тетеря.

– Куда золото спрятал? – толкнул князь охотника. – А, Тетеря?

Но Тетеря только пожал плечами.

– Ты почему меня не слушаешь? Князь я или не князь?! – не выдержал Красно Солнышко.

– Да какой ты князь, – мрачно отвечал Тетеря, охотясь в миске за соленым рыжиком. – У тебя по Руси змей летает, а ты и не чешешься...

Раздался треск и Горыныч мимо ворот ввалился на княжеский пир.

– ...вон, по Киеву, как у себя дома разгуливает! – продолжал охотник и в подтверждение своих слов указал на Змея, отряхивающего с себя обломки забора.

Люди во дворе завопили от ужаса. Грек Креонт спрятался за князя Владимира, а князь – за Тетерю. Прочие гости бегали по двору в поисках укрытия или дрались из-за места под столами.

– Давай-ка, богатырь, поговори с великим князем, – под-

сказал Змей Горыныч, когтем пододвигая мальчика вперед. Однако в общем шуме и движении Веприка никто не замечал.

Тогда он взобрался по змеевой шее и оттуда, как с дерева, закричал Владимиру:

– Ты зачем батьку моего в плену держишь?!

– Ты зачем батьку моего в плену держишь? – грозно повторил Горыныч, чтобы все слышали – так что оглушенный Веприк съехал ему на спину. Горыныч тремя головами кивнул на Тетерю.

– Да если бы я знал, что он тебе батька,.. – в великом испуге начал оправдываться князь. – Разве ж он в плену? Да он же у меня в гостях сидит!.. с прошлой осени... Ну и детки у тебя, Тетерев, – шепотом заметил Владимир соседу. – Они у тебя все трехголовые или только этот? В маму что ли?

У Тетери у самого язык отнялся при виде новоявленного сыночка.

– Какой я тебе батька?! – закричал он наконец. – Гад ты ползучий.

– Не ползучий, а летучий, – с достоинством поправил Горыныч.

Тетеря прицелился кинуть в Горыныча рыжиком.

– Говори, где жена моя Смеянушка?!

Тут сошла на землю и сама Смеяна, одетая для удобства сидения на драконе в арабские легкие шаровары, расшитые серебряными звездами и полумесяцами.

– Ого! – восхитился князь Владимир, высовываясь из-за Тетери. – А вы, наверно, иноземная гостья! Парле ву франсе, мадемуазель [12]?

– Не мадемуазель, а мадам [13], – холодно поправила Смеяна. – Я за мужем своим любимым, за Тетеревом Людмилычем, прилетела.

—

[12] мадемуазель – (франц.) обращение к незамужней девушке

[13] мадам – (франц.) замужняя женщина, обращение к замужней даме

—

– Ох! – испугался князь. – Конечно, конечно – я ж его не держу. Очень хороший муж, одобряю ваш выбор. И сыночек трехголовенький, славный такой мальчонка. Мордочки смышленные, мамина радость... Как хорошо было бы, если б его тоже отсюда кто-нибудь забрал!

Но князя не слушали: на Тетерю с одной стороны налетела Смеяна, с другой – Веприк, с третьей – Дуняшка, а с четвертой – подлез Чудя, и все вместе, хохоча и обнимаясь, они покатались по двору.

– Ты, кажется, хотел у Тетерева Людмилыча что-то про клады узнать? – напомнил князю Змей.

– Кто? Я?! – Владимир сделал удивленные глаза, пожал плечами и нечаянно стукнул зубами от страха. – Да зачем мне клады? Я же князь – у меня денег и так куры не клюют.

Я решил никогда больше клады не откапывать, а лучше буду-ка я их закапывать, а другие пускай ищут!

Одуревший от счастья Тетеря то целовал и кружил свое семейство, то сам себя щипал, чтобы проверить, не во сне ли все происходит.

– Ну ладно, побаловались и хватит, – заявил наконец Пелгусий. – Пора нам! Родная деревня пропадает без старосты, а вы только и знаете, что обниматься!

Он попробовал оттащить от Тетери хотя бы Дуньку, но та свирепо пообещала Пелгусию "Ам!" и снова повисла на отце.

Смеяна ухватила со стола греческий глиняный кувшин, размахнулась и шмякнула его об землю.

– Вот так пусть наше горе-беда разбивается, подальше от нас разлетается! – радостно воскликнула она.

Тетеря схватил кувшин побольше и тоже расколотил его.

– Эй, мужик, – донеслось из-под стола. – Ты потише горшками кидайся – мы тут не для того от змея прячемся, чтоб нам в лоб черепки летели.

– Милый человек, – раздался из-под стола другой голос. – Там где-то на столе щука с кашей оставалась. Подай ее, пожалуйста, нам сюда, а то соскучились уже без дела сидеть.

Счастливое тетерино семейство долго могло бы еще обниматься и колотить посуду перед княжеским теремом, но пора было и домой: других участников перелетного отряда тоже ждали родные.

Березовцы залезли на Змея Горыныча и весело помахали

оттуда киевлянам.

– Приезжайте к нам в Березовку! – крикнули они на прощание.

– Ну да, сейчас прямо и поедем, – сердито ответили люди под столами. – Вы давайте лучше летите отсюда вместе со змеей вашей, а то нам дальше пировать охота.

Раздалось громкое хлопанье крыльев – словно холсты мокрые стряхивали – и вот уже можно было полюбоваться, как змей летел в голубом небе, противно выгибаясь коромыслом и качая на спине, сидевших гуськом семерых отважных березовцев.

Понеслись под его чешуйчатым брюхом милые русскому сердцу прозрачные весенние перелески, пригорки с прошлогодней мокрой травой, низинки с нерастаявшим снегом, речушки и ручейки, заросшие кустами овраги и солнечные полянки, на которых светились уже желтые цветочки мать-и-мачехи. Вот и показалась за темным ельником деревня Березовка. А за ней – еще Березовка, а за той – родная Березовка, где героев дожидались милые подруги.

Глава 45. Большая радость на проводах зимы

Жители родной Березовки все были заняты любимым делом: водили хоровод вокруг соломенного чучела. Чучело изображало зиму-злодейку. Проводы зимы всегда были для русского землепашца очень важным праздником и хоровод надо было водить старательно и весело, с громкими песнями. Потом следовало есть блины и жечь чучело, обзывая его, кто как мог придумать.

Все эти праздничные забавы были полны большого смысла и пользы: зиму надо было проводить надежно, так, чтобы она больше не возвращалась и не вздумала погубить поздними заморозками посевы на полях. Надо было обозвать старую ведьму покрепче, чтобы обиделась и ушла. Называли ее каргой, старухой, злодейкой, сопливой, горбатой и всякими другими обидными прозвищами. Одновременно привечали весну-красну, славя ее каждым блином. Круглые румяные блины являли собой изображение молодого солнца, которому пора было согреть землю.

Березовцы, одетые зверями и страшилками, пели, перекрикивая друг друга:

– Уходи, зима сопливая!

Лысая голова,

Деревянная нога!

В лапоть садись, да под горку катись!

На тебе – вместо шапки горшок!

На тебе – вместо рубахи мешок!

На тебе – по спине палкой!..

Увидев несущегося в их сторону Змея Горыныча, березовцы даже и прятаться не стали, только плюнули с досадой.

– Тебе самому-то не надоело? – спросили они у приземлившегося чудища. – Чего ты все к нам летаешь?! Медом тебе тут что ли намазано? Мы, конечно, понимаем, что ты – змей и душа у тебя подлая, но три раза в одну деревню летать – это ты уже не змей. Это ты уже свинья!

– А я исправился! – объявил Горыныч. – Я теперь хороший!

– Хорошие змеи горынычи в одну деревню три раза не летают, – возразили березовцы.

– Я доброе дело хочу сделать! Посмотрите, кого я вам привез! – сказал Горыныч и на землю, кряхтя и ойкая, загородив дорогу остальным воздухоплавателям, слез дед Пелгусий.

– Так, – сказал он односельчанам и погрозил пальцем. – Я вижу, что без меня вы даже праздник по-человечески отпраздновать не умеете! Это что за чучело? Кто ж такие чучелы тощие делает? А блины? ну-ка... мням! – Пелгусий выхватил блин у ближнего селянина. – Какой кривой блин!... мням! – он ухватил у соседа еще один и откусил сразу половину. – Эй, девушки, кто пек этот блин?! мням! Поди-ка

сюда! Не бойтесь, я ругаться не буду, я просто посмотреть на нее хочу, бестолочь криворукую, этакий несуразный блин нагородила!.. Богов вы не уважаете, вот что! Послушания в вас мало...

– Ничего себе ты доброе дело сделал, – с укоризной сказали березовцы Змею Горынычу. – Что ж ты его не сожрал?

– Да я как-то больше шуку с кашей люблю, – признался Горыныч.

– Батя! Смотрите: это ж наш батя! – заорали молодые бортники Бобр с Бобрецом и в один миг стащили Добрилу с драконовой шеи.

– Батя! – радовался Бобр. – Ты что, Змея поганого победил и служить себе заставил? А чем же мы такую скотину трехротую кормить будем?

– Батянька! – кричал Бобрец. – Живой! Я же говорил: вернется, а ты все "убьют" да "убьют"! – крикнул он задорно Бобру.

В тот же миг богатырская отцова рука отвесила Бобру такую оплеуху, что тот чуть с ног не свалился.

– Батя! – завопил он – Он врет, а ты слушаешь! Нашел, кого слушать, болтуна дырявого!

Добрило отвесил оплеуху второму сыну, а потом обнял их обоих сразу – так, что кости затрещали, но отпустил, обнаружив спешащую к нему ненаглядную внученьку Малушеньку.

– Деда! Деда! – кричала счастливая девочка.

– Малушенька! – крикнул Добрило, протягивая руки на-

встречу внучке. – Крупиночка моя!

– Деда! – завопила Малушенька, подбежав. – А Злобынька у меня зайку отнял, что ты из делева вылезал!

– Иди к деде, милая, – ворковал бортник, пытаясь поймать бойкую девочку, которая вертелась у него под руками. – Я тебе другого зайку сделаю.

– Длугого не нада! – сердито отвечала Малушенька. – Пусть моего зайку отдает. И кляпивой его по заду настегай!... Злёбыня! Деда Доблила плилетел! – с ликованием закричала она и, так и не давшись в руки любимому дедушке, понеслась по склону к избе. – Уж он тебя тепель кляпивой настегает!..

На полпути она остановилась, что-то вспомнив. Добрило раскрыл объятия.

– А Бояшка опять печку лизал! – сообщила Малушенька и была такова.

Чудя в это самое время лежал на широкой Матрениной груди, а Матрена плакала над ним и брала с него обещания дальше огорода не уходить. Чудя тоже всхлипывал и приговаривал:

– Матренушка! Яблочко мое! Репонька! Шишечка моя сосновая!

– Кто?! – подозрительно переспросила Матрена, готовясь уже разорваться.

– Шишечка! – нежно повторил Чудя. – Да не простая шишечка, – спохватился он, немного испугавшись при виде на-

ливавшегося малиновым цветом лица любимой подружки. – Огромная! Вкусная! В Африке на кустах растут... Ой, Матрешенька, не бей меня!.. Ой! Только не по носу! На вот лучше – за бороду дерни. Ай-яй-яй!.. Ой! Матреша, не надо, березонька моя, ягодка, ши... нет, не шишечка, я не то хотел сказать – ой! – я хотел сказать: ши... "шизая моя голубка"! "сизая" то есть... ой!.. ну не сизая, ну – полосатая!.. ай! Пошутил!.. Белая! Черная! Зеленая!.. Мужики, да держите же ее кто-нибудь, всю бороду ведь повыдергала, голубка моя вкусная, огромная... ой!..

Долго еще березовцы радовались, здоровались с путешественниками, обсуждали новости и кормили блинами Змея Горыныча.

– Ну ладно, – сказало наконец чудище. – Полечу я, пожалуй. Где я живу не забыли? Пустыня Сахара, черные пески. То есть были черные, стали зеленые. В самой середине пустыни – месяц пешком по барханам, с какой стороны ни пойдешь... Будете неподалеку, милости прошу в гости.

– Да и ты нас навещай, – ответили березовцы. – Дорогу ты знаешь.

Они помахали змею вслед и начали расходиться.

И Лешаки тоже пошли домой, в маленькую свою избушку. Сколько радости было, что бабушка жива и здорова! Рассказов о своих приключениях хватило у каждого до самой ночи. А в гнездышке под крышей спала, сунув голову под крыло, ручная тетерина голубка – словно и знать не знала, как по-

могала путешественникам на многотрудном их пути.

Глава 46. Последнее слово богов

Веприк вскочил в темноте, еще рассвет не начинался. Схватил теплую рубашку и выбежал из избы. Батяня у забора привязывал собаку Муху. Охотники спустились с ближнего пригорка, перешли еще один и пошли вдоль темного мокрого леса. Когда начало светать, свернули в деревья и зашлепали по лужам у лесных оврагов.

Чем ярче разгоралось утро, тем приветливее становился лес, небо голубело, темный снег таял и растекался. Несмотря на тяжелую ношу оба Лешака, большой и маленький, веселились и шумели всю дорогу: пели, хохотали, стучали палками об лед на лужах, – так что распугали вокруг себя не только белок, но и клыкастые кабаны вепри, ушли подальше от таких безобразников.

Весенний лес был свеж и влажен: вокруг деревьев натекли разливы холодной воды, кора промокла насквозь и потемнела от снега и растительных соков. Каждая маленькая ветка в лесу была мокрой и на конце ее дрожала круглая капелька. Тысячи капелек переливались, отражая розовеющее солнце и ослепительное голубое небо, как жемчуга на свадебном наряде. Стоило задеть веточку, как с каждого куста срывалась блистающая россыпь, так что очень скоро Тетеря с сыном промокли до нитки. Ноги они тоже давно промочили, но это их нисколько не огорчало.

Обойдя болото, пешеходы прибавили шагу и через пару часов вышли к лесному кургану.

Серые обитатели кургана были все на месте – сидели у входа в свои жилища. Охотники приближались с опаской, но волки не проявляли враждебности, а только смотрели на гостей – как внимательная стража у городских ворот.

По знакомым подземным коридорам охотники пролезли в комнату, где лежал мертвый богатырь. Тетеря с Веприком низко ему поклонились.

– Радость у нас, – сообщил хозяину помещения Тетеря. – Вернулась Смеянушка! Вернулось счастье мое ненаглядное!.. А мы вот пришли с подарком: долг тебе отдать хотим, чтобы ты, богатырь, не сердился.

Тетеря перевернул кожаный мешок, который принес на спине и на землю хлынули алмазы, изумруды, рубины – все, что подарил Лешакам на прощанье Змей Горыныч.

– Сразу на душе легче стало, – признался Тетеря сыну.

– Батянь, а не зря мы все самоцветы отдали? – с сомнением спросил Веприк, когда они шагали по лесу домой. – Мехов-то у нас совсем не осталось и до зимы новых не наохотничаем... Не пообедем мы?

– Да ты что, Вепря! – радостно возмутился батяня. – Весна-то идет – в поле зовет! Сейчас хлебушка побольше поседем, маманька репку, горох посадит – что ж мы, не проживем что ли?.. На что тебе камни эти?

– Да вот, хотел я в Киев еще сходить, – признался маль-

чик. – Греки торговые звали меня к себе, обещали науке своей научить... Очень мне хочется, как дядя Фукидид, грамоту знать.

– Сходишь в Киев, – пообещал ему Тетеря. – Ты сначала русскую науку выучи – Чернобород грамотный, он и тебе покажет... В Киеве-то жителей грамотных много...

– Меня б еще научил кто-нибудь корабль водить и парус ставить, – пожелал мальчик. – И мечом, как Свен, драться. И песни сочинять. И – как ее? – на арфе играть... Арабская математика еще, говорят, интересная штука... Так мне хочется белый свет посмотреть, и в Афины заехать, и в Константинополь – а то я их только издали видел... Я потом, может, и книгу напишу про загадки природы...

– А охотничать-то со мной кто будет? – Тетеря даже растерялся.

– Я! – горячо заверил его Веприк. – Летом буду путешествовать, а зимой с тобою в лес ходить... А еще, знаешь, батяня, люди сказывают, живут в Африке удивительные звери – вот бы на них поохотиться! Коровы со змеей вместо носа, лошади полосатые! Я сам камень с ногами видел! И ты, батянюшка, поехали тоже со мной! Поедем – наловим чудесных зверей, а потом князю нашему Владимиру продадим, пусть удивляется!

– Ну уж князю нашему Владимиру мы кукиш с постным маслом отдадим! – тут же рассердился Тетеря. – Лучше к французскому королю поедем.

– Правильно! Заодно и на землю французскую полюбуемся!

– А князю нашему диких пчел в коробочке принесем, пускай они ему рожу накасают!

Вечерело, но охотники и не думали останавливаться на ночлег – так им хотелось поскорее добраться до дома. Они надеялись, пока есть свет, выйти из леса, а потом дотопать до Березовки вдоль опушки. А там их уже ждали: красавица Лада сидела на дубовом пне и покачивала изящной ножкой, обутой в маленький новый лапоток. Лапти, русская расшитая рубашка да пшеничная коса-девичья краса – богиня как будто сама в Березовке родилась и выросла. Сияние только волшебное разливалось по опушке.

Тетеря с сыном встали на колени у ног богини. Тетеря от волнения ни слова не смог сказать, смотрел и смотрел на прекрасную богиню.

– Вот – проститься с вами пришла, – сообщила Лада с грустью. – Приключения ваши закончились, значит и чудесам пора кончаться.

– Мы летом в Африку едем, – сообщил неожиданно Веприк. – И... какие еще земли бывают?

– Америка бывает, – сказала богиня. – Только ее еще не открыли.

– Да! И в Америку! – хором согласились березовцы.

– Ну, тогда еще увидимся, – рассмеялась Лада и потрепала мальчика по макушке.

– Бегите домой, вас там заждались.

Не в силах оторваться от прекрасного зрелища Тетеря и Веприк еще немного полюбовались на красавицу, а потом встали с колен, поклонились и медленно направились прочь.

– Тетя Лада, – остановился Веприк. – А как же Горыныч теперь? Жалко мне его что-то... кто его, хвостатого, полюбит?

– Да не змей он – человек! – вздохнула красавица. – Горыня! Горный богатырь, великан, давно богам служит. Много девушек его любили, да видишь – хочет он найти себе такую, чтобы не за силу и красоту его полюбила, а за душу нежную. Вот и обернулся чудищем поганым, спрятал в чешую красу свою молодецкую. А вместе с красотой и сердце верное свое, отважное, и душу прекрасную туда же запрятал! Чуть было навек чудовищем не стал... А мы с тобой, молодцы – спасли его! Найдет свое счастье Горыня! – богиня весело хлопнула в ладоши. – Он теперь поэму сочинил и полетел читать ее в Японию для одной девушки. Девушку эту я хорошо знаю: красотой она не славится, зато пишет удивительные стихи. Будет им, о чем поговорить.

– А в обморок она не упадет, когда трехголового гостя увидит? – спросил Веприк.

– У нее не только душа прекрасная, но и сердце отважное, – засмеялась богиня. – И глаза зоркие. Хорошая девушка! Конечно, немного испугается с непривычки, но, думаю, сумеет увидеть сокровища, которые богатырь наш за мерз-

ким обличьем прячет.

Дивясь на горынину судьбу, охотники побрели домой. Чем дальше они шли, тем быстрее становился их шаг и в конце концов они, обгоняя друг друга, понеслись бегом по темному косогору, проверяя направление по запаху блинов, доносившемуся из родной деревни.

Не успели Тетеря с Веприком скрыться за пригорком, из-за деревьев к Ладе шагнули четыре товарища.

Перун, повелитель молний и грома, явился в виде сурового могучего мужика с черными лохматыми бровями и ярко-рыжей бородой. Хозяин ветров Стрибог выглядел молодым парнем со светлыми, почти что белыми, длинными волосами и шальными глазами. Темный Велес, управляющий богатством и животными, больше напоминал не человека, а лесное чудо-юдо из сказки – столько на нем было повсюду волос. А солнце-Даждьбог был очень похож на бортника Добрилу, только волосы и борода у него были не темные, а золотисто-русые, кудрявые.

– Нет, вы слышали, какие нахальные козявки – в Америку вздумали плыть? – с неудовольствием спросил Велес. – Может, им еще на Луну захочется?!

– Не ворчи. Знаешь, какие они веселые, эти люди?! – свистнул Стрибог. – Собрались уже отплывать, а тут один мне на потеху взял да и обмотал голову парусом, а потом в воду прыгнул! Уж мы смеялись! Он еще притворялся, что тонет около берега.

– Да ну их, – сердито ответил Велес. – Я им таких верблюдов смастерил, а они их первому встречному продали.

– Но не для корысти же! – вступился Перун. – Ты на них не обижайся, это мужики серьезные, зря ничего не делают. Я знаешь как по одному синей молнией стукнул – а ему ничего, только ухо почесал... Или молния золотая была? Что-то не вспомню.

– Мне они тоже понравились, – согласился Дажьбог. – Я для них в пустыне груши, бананы вырастил, помидоры – все в один присест съели! Такие молодцы! Люблю, когда дети хорошо кушают.

– Ну ладно, – Велес сменил гнев на милость. – Хорошие ребята, хорошие. И не жадные. За богатство свое не держатся, о потерянном не плачут, над кладами не трясутся. Работа им в радость, а забота – в тягость. Богатство таких и любит. Будет у них уют и достаток в доме – даже и без моей помощи... Да я думаю и к змею они без нас бы добрались.

– Это точно, – согласился Перун. – Я же вам говорю – мужики стоящие. Может, не один бы год добирались, но Горыню все равно нашли бы.

– Только без нас Горыне худо бы пришлось, – усмехнулся светлый Дажьбог. – Чует мое сердце, пристукнули бы они его сосной, церемониться не стали бы.

– Чем дальше, тем нахальнее эти люди, – проворчал Велес. – Ничего не боятся.

– А интересно-то как на них смотреть! – Стрибог крута-

нулся на месте, так что по опушке пронесся вихрь, а в лесу всполошились и загомонили птицы. – Весело с ними!

– Чем они интереснее, тем они нас меньше уважают, – настаивал Велес. – Забывают нас, все сами да сами!

– Да... Будут ли о нас помнить через сто или через тысячу лет? – согласился Перун и его синие глаза немного погрузнели.

– Да и Перун... ты то есть с ними! – махнул рукавами удалой Стрибог. – Лишь бы уроков наших и примера нашего не забыли. Лишь бы смелость не потеряли!

– И силу, – добавил Перун.

– И ум, – напомнил мохнатый Велес.

– И сердце доброе, – улыбнулся Дажьбог.

– И любовь, – сказала Лада. – Главное, чтобы любить не забывали.

И все другие боги с ней, конечно, согласились.

<https://vk.com/hatkabobra>